Дневник, 2012 год

Сергей Николаевич Есин

SHOUT
SHARE
IT

- Сергей Есин
  - 1 января, воскресенье
  - 3 февраля, пятница
  - 1 марта, четверг
  - 1 апреля, воскресенье
  - 1 мая, вторник
  - 1 июнь, пятница
  -

Сергей Есин
Дневник
2012 год

1 января, воскресенье

Сборы в дорогу для меня — самое трудное и нелюбимое из всех хозяйственных дел. Надо не забыть четыре комплекта необходимых вещей: что носить, чем лечиться, что читать, как работать. О том, чтобы остаться без работы, речи идти не может: и так полжизни пробездельничал, а сколько мог бы написать. Понятие «как работать» в наше время скорее означает «на чём». Расшифруем: надо брать большой компьютер, маленький компьютер, на котором я пишу на пляже, и к ним кучу «аксессуаров» — зарядные устройства, переходники, удлинители, причём надо учесть, какая в стране система подключения. А ещё надо взять деньги, туалетные принадлежности и прибор для измерения сахара в крови. Всё это — уже технология жизни в старости, которая не хочет смириться с положением вещей. Как хорошо было в молодости, можно было уехать в командировку с одним портфелем.

Проснулся после новогодних гуляний не поздно, часов в десять. Еда была хорошая, включая целую баранью ногу, зажаренную в духовке, и свежий пирог по рецепту Лены Богородицкой. А вот телевидение было таким дряхлым, и это по всем каналам. По «Культуре» маэстро Спиваков и вечная Безродная, а везде Филя Киркоров, Коля Басков и обрамление из певцов и артистов, которые являют себя зрителю за последние двадцать лет. Постаревшая рама режима. Правда, на этот раз не было — Аллы Пугачёвой. Ответ власти на её временную любовь с Михаилом Прохоровым или месть самой примадонны? В выступлении президента не было ни одной запоминающейся мысли. О какой-то образной системе я уже и не говорю.

В моих занудливых сборах в отпуск было одно утешение: я всё время прерывался, чтобы почитать книгу Дзеффирелли. Делаю отметки, чтобы потом сделать выписки. Безусловно, невероятно талантливый человек, но и судьба вела. В восемнадцать лет оказаться возле такого поразительного покровителя, как Лукино Висконти.

Перед отъездом из дома успел ещё залезть в свою интернетовскую почту. Два очень милых письма: Дмитриев, Резник.

2 января, понедельник

<…> Индия встретила нас традиционным мусором на улице, «бакшишем» и разбитыми автобусами. Индийские ребята в аэропорту за подноску чемодана требуют расплачиваться с ними рублём. В автобусе работал нерегулируемый кондиционер. Я пытался заткнуть холодом дышащее жерло шапкой и так её в автобусе и забыл, когда через час через пространство, полное мусора, нищеты и чудес, которые предполагает Индия, мы приехали в наш расположенный в стране пляжей отель. Гоа, кстати, являясь одним из самых маленьких штатов, даёт в бюджет чуть ли не двадцать процентов всех доходов государства.

Честно говоря, я думал, что это какая-то португальская колония на островах, наподобие Новой Зеландии. Приехали в отель и сразу оказались в царстве выстриженных английских газонов, пальм, показательной чистоты и бесконечного ряда молодой, всегда улыбающейся прислуги. Архитектура отеля традиционна для этого климата и задач. Огромная территория, аванзал, в котором расположена рецепция — здесь фонтаны, диваны с подушками, восточная нега. Словно паук, рецепция караулит все примыкающие к ней длинные двухэтажные корпуса с номерами. Номера традиционно прекрасны для отеля такой стоимости и звёздности. Из окна, с балкона — пальмы, газон, разгуливающие по газону цапли. Цапли небольшие, каких часто видел в Египте. Напастью здесь являются вороны. Они тащат со столов на террасу ресторана ложки и мобильные телефоны. Любят также развешивать по пальмам лифчики наших соотечественниц, украшенные блёстками. Терраса ресторана отгорожена от остального мира нейлоновой, почти невидимой сеткой. Проникают, залетая, как штурмовики, через дверные проёмы.

От вчерашней встречи Нового года остался роскошный, весь трепещущий фольгой павильон на танцевальной площадке. Ветерок с моря дует постоянно. На пальмах висят огромные серебряные звёзды. К сожалению, павильон уже разбирают.

Но праздник не заканчивается. Вечером состоялось большое «парти» на берегу. На площадке расставили столы. Можно было брать любую рыбу и морепродукты, которые тут же готовили с десяток поваров. Изобилие стоило по пятьдесят долларов с носа. Повара жарили огромные королевские креветки, разрезанные вдоль на две половины. Это выдаётся за лобстеров. Мы с С. П. взяли ещё и бутылку кьянти, о котором несколько раз упоминалось в книжке Дзеффирелли.

Буквально потрясло сорокаминутное шоу «акробатов из Африки». Чего только они не вытворяли со своими телами под

громкую музыку. «Шаг» у одного из парней был больше, чем у Цискаридзе. Ребята только не показывали фокусы. Жонглировали, показывали чудеса баланса, акробатики, глотали огонь, занимались эквилибристикой. Чудо как хороши. Номер мирового класса для Парижа, Лондона, Нью-Йорка, но дикие, не раскручены.

4 января, среда

Совершенно неожиданно, вчера днём встретившись с нашим гидом Олей, решились поехать сегодня на большую двухдневную экскурсию в древний заброшенный город Нампи. Пишу поздно вечером: позади уже и подъём в пять утра, и сам шестичасовый путь, уже и потрясающая экскурсия по древнему городу — вот уж о чём не жалею. Когда выбирали экскурсию, Серёжа очень точно определил этой самой Ольге: мы всё-таки преподаватели, и мы должны что-то принести и своим ученикам. Заплатить пришлось дорого, решили не париться, не мелочиться, ехать на легковой машине с удобствами, чтобы сидели, кроме гида, не пять человек впритирку, а только четверо. О спутницах, если получится, расскажу чуть попозже; в принципе, милые и современные девахи, которые отдыхают в Северном Гоа. Там менее комфортабельно, но вольнее, танцы, травка...

Утром, в шесть тридцать, подъехала машина, японский минивэн. Я уже сделал зарядку, поплавал в бассейне. Рассвет ещё не наступил. Гида на эту экскурсию звали Юля. Молодая, лет тридцати — тридцати пяти, женщина; потом оказалось, что возраст у неё предпенсионный. Она работает «вахтовым методом». Восемь месяцев, курортный сезон,— в Индии, которую изъездила практически всю, а четыре месяца — в Москве. Сразу заговорили о московских ценах. Из многого интересного, рассказанного Юлей, врезался в память несколько некорректный афоризм: «В Индии ощущаешь себя белым человеком». Остальное не запомнилось. Сразу скажу: пожалуй, так тесно и так близко я с Индией, побывав в ней раза четыре, не соприкоснулся. Вся её нищета и её необыкновенные богатства лишь промелькнули передо мной. Во-первых, дороги... в Индии невероятно разветвлённая их сеть. Показательно, что на этих дорогах, в отличие от российских, чаще встречаешь грузовики, нежели, как в России, легковые машины. Особенно грузовиков было много, пока мы не выехали из штата Гоа. Надо сказать, что в этой его части земля красная, иногда бордового цвета. Тут же всё об Индии знающая Юля пояснила, что, оказывается, не на туристах Гоа стал

одним из самых богатых штатов. Эта самая земля содержит такое огромное количество железа и марганца, что её выгоднее всего не использовать под земледелие, а выскребать экскаваторами, грузить на огромные грузовики. Дальше — в порт и в Японию на переработку. Оттуда всё это возвращается новенькими автомашинами. Этот импорт и является самой доходной статьёй бюджета. Невероятная утренняя цепь этих огромных грузовых автомобилей запомнилась. На втором месте по доходам и прибыли стоит рыболовство, а туризм — только на третьем. Тем временем машина уже едет по нелёгкому серпантину через горы. То, что мы видим по бокам от машины, стену зелени,— джунгли, сухие, колючие. Где-то в глубине этих зарослей, по словам Юли, могут лежать деревеньки.

Но вот мы уже перевалили хребет, отделяющий Гоа от другого штата Индии — Корнатака. Здесь мы получили возможность уже поближе увидеть сухие тропические джунгли Индии. Вдоль всё той же довольно узкой асфальтированной дороги стоят небольшие посёлки и деревни. Двери домов открыты — виден негустой пролетарский быт. Шкафов нет, потому что нет лишней одежды. Штаны или сари единственные, выстираешь и носишь дальше. Спят на полу, значит, нет и кроватей. Детей — до десяти в семье, дети — это в будущем содержание в старости, а пока — лишние рабочие руки. Школа — двенадцатилетка, обучение бесплатное. В школе ребёнка два раза в день кормят и бесплатно одевают и обувают. Вот для меня и разрешилась загадка. В довольно бедной Индии всё время вижу на экскурсиях стайки одинаково одетых в школьную форму детишек. А армия, а атомные исследования, а вооружение, корабли, огромные металлургические комбинаты, невероятные успехи в компьютерной технике? И тем не менее, в почти полуторамиллиардной Индии половина населения живёт за чертой бедности, кормясь на две-три рупии в день. Это всего лишь — горсть риса. Рис — двенадцать рупий за килограмм. Есть специальные магазины для бедных. Четверть населения живёт на заработки, как наш водитель, в пятьдесят американских долларов в месяц. Но, Боже мой, какой же это отчаянный ездок, наш с пузцом водитель! Ему лет сорок, почти ежедневно он мотается по стране, преодолевая по пятьсот-шестьсот километров. Средний класс — это врачи, архитекторы, их заработки до полутора тысяч долларов в месяц. Самая востребованная сейчас в Индии специальность — инженер. Высшее образование здесь, между прочим, платное и доступно далеко не всем — это двести-триста долларов за семестр. Что бы, интересно, делало наше правительство, если бы имело дело с миллиардным народом?

Из делового ещё. В Индии низкие банковские проценты на открытие дела. Банк, значит, не самая главная, как у нас, персона в экономике. Следовательно, в парламенте есть силы, способные обуздать безудержную власть прибыли. Отчётливо представляю, что когда наше правительство входит в парламент с очередной законодательной инициативой, то оно никогда не будет действовать против своих собственных интересов, как капиталистов и владельцев крупного бизнеса. Кстати, самое время вспомнить, что бывший министр печати и массовых коммуникаций господин Рейман, вместо которого сейчас министрирует господин Щёголев,— под судом в Штатах. Опять приходится вспомнить, какие надежды я возлагаю на американскую, израильскую и европейскую Фемиду. Но стоит опять вернуться в Индию.

Низкий процент налогов, которые платит мелкий и новый бизнес. Он начинает их платить, только перевалив за определённую сумму доходов. Естественно, дифференциальная шкала налогообложения. Сколько, оказывается, в мире моделей, а наши так называемые парламентарии всё выдумывают, дабы исподтишка потрафить в первую очередь большому олигархическому бизнесу.

Старый мой тезис: мы ездим за рубеж, чтобы в чужом зеркале увидеть себя. Тем временем разговор в машине, которая уже идёт по сухому плоскогорью в штате Карнатака, с автомобильных дорог соскользнул на дороги железные. Здесь опять много и нового, и поучительного. Переполненный вагон с пассажирами на крыше, который стал одной из экзотических деталей мирового кинематографа,— это лишь одна сторона проблемы. Но вот и другая: Индия обладает самой развитой сетью дорог в мире. Слава тебе, Англия. В этом смысле мы с ней похожи. Мы тоже оставили нашей Средней Азии большое и дорогое наследство. Но Индия обладает ещё и самой низкой стоимостью пассажирского проезда. Переполненные поезда — это невероятно дешёвые электрички и местные линии. Здесь крестьянин едет на сезонные работы в соседний штат, и, как всегда здесь бывает, со всей семьёй. Это тоже гастарбайтеры, но только с другой степенью эксплуатации, чем у нас. По дороге, на ремонте дорог, мы видели такие крытые пальмовым листом или более прочным пластиком палатки этих странников нужды. Вся Индия, как когда-то Советский Союз, ездит, передвигается. Кроме, как когда-то у нас в Гражданскую войну, «весёлых» поездов, существует и вполне привычный для нас железнодорожный транспорт. И плацкартные места, и скоростные поезда. Но и тут, имея в виду именно огромные пространства страны и её пёструю социальную и

этническую картину, цены на железнодорожный проезд удивительно низкие. Переезжайте, смешивайтесь. Естественно, здесь есть и минусы: билет можно купить только за два месяца до поездки. Правда, иностранца могут внести в лист ожидания.

Я не специалист описывать красоты природы. Тощие коровы и буйволы, иногда появляющиеся на дороге, обезьяны, как у нас куры в пыли, отдыхающие на обочине. Но уже давно пошла ровная местность с буквально вырванными у природы полями. Пальм уже и нет, для них здесь высоковато, а в почве мало воды. Здесь хлопчатники.

Мне кажется, что я специально отодвигаю время, когда придётся начинать что-то говорить о цели путешествия. Это сам комплекс дворцов, храмов, крепостей и рынков Хампри. ЮНЕСКО недаром взяло этот комплекс по охрану. Это надо представить себе буквально лунный пейзаж, в котором расположены уже и рукотворные объекты. Полагаю, что ни описания, ни телевизионная съёмка не передадут впечатления. Здесь всё действительно надо видеть.

«Лунный пейзаж» окружён каменным забором и металлической сеткой. За ними между каменными громадами есть и пальмовые рощицы, и небольшие банановые и хлопковые плантации, даже деревеньки с населением. Собственно, всё это — столица древней империи или крупного королевства, которое образовалось где-то между четырнадцатым и шестнадцатым веками, когда государство пало под натиском монголов, прекратило существование. Именно это государство несколько веков сдерживало монгольский натиск от вторжения в Южную Индию. Естественно, есть целый клубок мифов и свидетельств о битве, в которой предатель-оруженосец подрезал сухожилия у королевского слона. Потом — о падении самого города, который взять боем было невозможно, а посему взяли предательством: предатели-слуги открыли завоевателям ворота. Город действительно взять невозможно, но здесь надо вспомнить другую стариннейшую легенду.

Я и не осмелился бы, да и не смог бы по незнанию переложить девятитомную «Рамаяну», но один эпизод напомню. Демон украл у божественного Рамы его жену Сету и спрятал её всего-навсего на Цейлоне. Цейлон сейчас — Шри-Ланка, я когда-то здесь побывал. Из местного ботанического сада долго хранился у меня листик с дерева, которое цесаревич Николай, будучи наследником престола, путешествуя, посадил на острове. Рама отчего-то не может отыскать жену и не в состоянии перебраться на Шри-Ланку. И тут ему на помощь приходит царь обезьян, любимец индийского эпоса Хануман.

Хануман издавна живёт в этом удивительном месте. Я уже назвал это место «лунным пейзажем». Лунным — потому что на Земле такого места быть просто не может. Это огромные валуны, будто бы сложенные руками великанов в отдельные горки. Валуны с двух- и трёхэтажный дом, а иногда и с дом в пять этажей. Вот этими-то валунами Хануман, царь обезьян, со своими помощниками и забросали морской пролив, отделяющий Шри-Ланку от Индии. Неплохая, надо сказать, работёнка.

И вот теперь, когда масштабы определены, вношу последнее уточнение: вот в этой-то долине больших валунов и был выстроен огромный город, являвшийся одновременно и царской резиденцией, и огромным святилищем. Но опять это надо видеть, как на всех вершинках, притаившись между валунами или стоя прямо на них,— маленькие, только повернуться троим, или побольше, для сотни верующих, каменные храмы. Индия — страна многобожья, всем богам нужно по собственному дому. И здесь божьи дома, открытые всем тёплым ветрам, строили из гранита и преимущественно на базальтовом основании. Эти маленькие храмики, как ласточкины гнёзда, прицепились на каждой, как я уже сказал, вершинке. Большие, огромные храмы, крепости со стенами из гранитных плит, королевский дворец и цитадель — это всё внизу.

Начали осмотр с огромного храмового комплекса. В конце концов, мы все смотрим для того, чтобы описывать или чтобы любоваться? Исключительно для памяти: перед храмом, его двором, воротами, навершием над воротами, вдоль огромной дороги — каменные стойла для лошадей, которых приводили сюда на продажу,— конный рынок. Меня потом так же поразит в королевском дворце огромный каменный слоновник для королевских слонов, этих танков далёких эпох. Опять для памяти: невероятной тяжести каменная повозка-храм для праздничной поездки божества, на каменных же колёсах. Дух захватывает. Наконец — сам храм, в котором каменные скульптуры и барельефы рассказывают историю страны и культы её верований.

5 января, четверг

Утром мы все как миленькие сидели в холле гостиницы. Вчера вечером был закат, который мы наблюдали, сидя на высоченной каменной трибуне, на которой король принимал парады своего победительного войска, а сегодня утром предполагался бесплатный спектакль — рассвет. Опять через просыпающийся город — все поднимаются рано, чтобы до

наступления изнурительной жары сделать побольше,— мимо уже знакомой королевской цитадели, мимо царской купальни,— написал ли я, что купальня была одна на двух цариц? — мимо циклопических стен крепости мы едем к какому-то высокому скалистому холму. На его вершине — оставленный храм Шивы. Вот здесь я снова почувствовал свой возраст. Подниматься пришлось по оползшим гранитным ступеням довольно быстро. Восход солнца — даже не скорый поезд, который начальник станции всё же сможет, если необходимо, задержать. Несколько раз стукался головой о гранитные перекрытия. Наконец выбрались на плоскую крышу, а здесь нас уже ждала целая стая обезьян — это приученные к дани с туристов побирушки. Здесь же в каком-то углублении скрывался и сам таинственный Хануман. Это был небольшой человечек в маске, в хорошо пригнанном костюме обезьяны. За небольшие деньги с этим Хануманом можно было и сфотографироваться. Немножко позже, проходя уже по плато, целиком усеянному маленькими храмами, мы наткнулись и на храм самого Ханумана. Портрет и облик игрушечного «стажёра» были в точности скопированы с древнего оригинала.

Здесь же наверху, у храма Шивы, уже были две или три небольшие группы туристов. Страсть наших туристов запечатлеть себя на историческом фоне или в сокровенном месте общеизвестна. Покормили обезьян, сняли друг друга на фоне «лунного пейзажа». И тут над кромкой гор показалось красное и совсем, казалось бы, нежаркое солнце. И — покатилось, покатилось, расширяясь, набираясь жары и цвета.

Если исключить эстетическую компоненту, тот магический смысл, который всегда содержится в торжестве света над тьмой, то всё это очень напоминало появление вагона метро из глубины тоннеля. Сначала светящаяся точка, а потом она, постепенно разгораясь, уже слепит глаза. А поезд уже на перроне. День так же краток, как остановка поезда. Впрочем, как и жизнь. Не успеешь оглядеться, а в тоннеле уже лишь, как уголёк сигареты, краснеет стоп-сигнал последнего вагона.

Пожалуй, впервые для меня немножко приоткрылось индийское искусство. В этом смысле гид Юля оказалась опытным и профессиональным специалистом. За шесть или семь часов, которые мы провели в машине, нам был представлен пантеон индийских богов, рассказано о боге-хранителе, так сказать, боге-традиционалисте Вишну и боге-разрушителе Кришне. Есть ещё, конечно, и высшее, всё создавшее существо — Брахма. В общем, диалектическая триада, которой характеризуется и христианство, сохранена и царствует. У главного действующего лица — вернее, больше и активнее всех действующего лица триады, у бога Шивы,

— есть десять перевоплощений, аватар. Аватары эти точно отвечают на запросы времён. Есть даже аватара, которая носит имя Будды. Шива принял это имя и эту сущность, чтобы проверить подлинность веры в индуизм верующих людей. Здесь, конечно, можно порадоваться поразительной изворотливости и самой древней религии, и её толкователей, готовых отвечать на любой вызов времени. Но сейчас героем рассказа не является не Будда...

Снова, как козы, спускаясь, пропуская этаж за этажом, по гранитным, как плиты на Аничковом мосту в Ленинграде, ступеням, на каждом этаже, казалось бы, покинутого храма можно было видеть небольшие пирамидки из осколков камней. Это до сих пор супружеские пары строят пирамидки, обращаясь с молением к Шиве послать им ребёнка мужского пола. Храм покинут, но бог ещё живёт в развалинах. Именно сын в дальнейшем должен поднести огонь к погребальному костру отца и матери. Лично у меня в этом отношении незавидная доля.

Второе, на что неизменно обращаешь внимание и на горé, и взбираясь к храму Шивы,— это постоянное, усиленное вполне, видимо, современной аппаратурой, пение. Совсем рядом с древнейшим храмом основного божества стоит огромный храм и одной его ипостаси — любимцу народа богу Раме.

Здесь всё традиционно: огромный двор, окружённый неприступными стенами, ворота, что-то вроде обелиска на входе, галереи для паломников, алтарь... Изнутри храма всё время слышатся пение и какие-то ударные, отбивающие прихотливый ритм. Это, эпизод за эпизодом, монахи поют «Рамаяну», все девять томов, и так, на протяжении чуть ли не тысячи лет,— служба, не прекращаясь ни на минуту. Монах-чтец меняется каждые два часа. Служба не прекращалась, даже когда пришли монголы. Здесь побоялись — незнакомый бог...

Существенный эпизод, который я пропустил, как раз касающийся монголов, а точнее, прихода в Индию мусульман.

Большинство больших храмов, которые я видел, исполнены по одному чертежу. Гранитный, ну каменный, низ, вся алтарная часть, внутренние залы, где выбиты в камне замечательные фигуры индуистского пантеона. Много каменных колонн, поддерживающих каменные перекрытия потолка. А на этом монументальном основании — знакомые по книгам и репродукциям многоярусные навершия. Они обычно делались из кирпича и чаще всего облицовывались керамическими пластинами. Здесь же стоят керамические фигуры, необходимые к данному случаю, богов и праведников. Видимо, это безумно смущало ранимую мусульманскую душу. Коран не разрешает

реалистических изображений человеческого облика. Ну, кое-что удалось сбить и на нижних, «каменных», этажах. Но индивидуальная работа с непослушным, а часто очень упорным камнем тяжела, значительно проще пустить всё на поток. Технология была простая, но научно выверенная. Если в алтаре на пару дней развести костёр, а потом всё сооружение полить водой... И самому большому храму комплекса, и храму Рамы это довелось испытать... И храму, который мы рассматривали вчера, с каменной колесницей,— тоже.

Основное — не столько сохранить в памяти, унести на собственной сетчатке облик чужих стран и иного искусства, а пережить всё это. Переживания не стираются, в нужный момент они всплывают в душе соответствующим откликом. Поэтому дальше всё в схеме. Сильнейшие впечатления перекрывают более слабые.

Что же дальше? А дальше наша прогулка шла мимо банановой рощи, а за ней — храм тому предмету, ставшему неким символом возобновления жизни, при виде которого боярышни, героини романа Алексея Толстого, смущались. «А вы, девы, не косоротьтесь, лист у мужика фиговый». В силу особого, стыдливого отношения к этому предмету, вход в небольшой храм, похожий на цветочный ларёк, зарешечен. В обхват предмет больше бочки для горючего, на иностранный манер называемой баррелем. Обводы приблизительно те же, но чуть шире. Кому из-за решётки, когда мал манёвр для руки, удастся ухитриться и забросить монетку на узкий обвод — тот счастливец. Я оказался — тот!

В состоянии счастья я со своей группой и отправился осматривать другой гигантский, но уже действующий храмовый комплекс. Здесь что-то вроде монастыря. Идёт служба, толпы верующих берут входные билеты, здесь же дети. Обещали слона, который за денежку, которую получает не он, а служитель, творит благословение. Вернее, передаёт. Со слоном очень хотелось познакомиться, но слона увели купаться на реку. Показали, очень издалека, какую-то золотую маску, весящую шесть килограммов. Но самое главное — не тронутую монголами огромную одиннадцатиэтажную башню. Это, конечно, одно из чудес средневековой архитектуры. На стене, обращённой к Священному холму, где стоял небольшой храм Хануману, с лицом и раскраской маленького лицедея из храма Шивы, сохранились кое-какие поучительные позы и эпизоды, почему-то не шокировавшие завоевателей. Это некие фрагменты «Камасутры» — каменной поэмы о плотской любви. Правда, было высоковато, в деталях не рассмотрел. В Индии есть целый храм, посвящённый этой теме.

Когда я впервые, лет сорок назад, побывал в Индии, продавались напечатанные на фотобумаге затёртые снимки некоторых знакомых по жизни сцен. Хотелось купить и привезти в Москву эти экзотические сюжеты как некое доказательство синхронности человеческого воображения, но привезти было «стрёмно». Я был тогда молодым специалистом. Очень надеюсь, что за тот крошечный отрезок жизни, который оставит мне судьба, мне удастся ещё этот храм увидеть.

Продолжая тему, должен поёрничать, что, видимо, из-за каменных любовных сюжетов этот храм облюбовали обезьяны. Они прыгают по стенам и выпрашивают бананы. Милые, естественные создания. Во дворе храма впервые за эту поездку я увидел скорченного от проказы или полиомиелита мальчишку, ползающего по каменным плитам. За что, Господи?

В семь часов мы были уже в отеле.

<…>

9 января, понедельник

…начал читать книжку Алисы Ганиевой; впрочем, я эту книжку почитываю уже несколько дней подряд. В её повести «Салам тебе, Далгат» совершенно замечательный язык. Сюжета, может быть, и нет, но есть и время, и столь любимый мною Дагестан. Ганиева, пожалуй, этой повестью становится лидером не только молодёжной русской прозы, но и безусловным лидером прозы дагестанской. Проза сразу существенно помолодела. Все эти описания стариков и старух, а я всё это раньше безумно ценил, объективно катастрофически обветшали. Жизнь вообще очень молодая штука. А если вспомнить прозу русскую, то Ганиевой удалось написать молодого героя без традиционных прибамбасов маргиналов в создании и поведении. Мы всё видим глазами весёлого и вполне современного парня, который не является моделью Сэлинджера или Миллера. Парень из ещё недавно советского Дагестана.

Книга Алисы вообще очень занятная. Здесь и результат, и высшие достижения, и истоки бытия писателя. Кроме небольшой повести, здесь ещё и очерки о Дагестане, воспоминания детства и молодости — быт и этнография. Дагестан, причём совершенно иной, тёплый, весёлый, живой. Не литературная фигура для упражнений в эпосе или фольклоре, а площадка для жизни и счастья. А молодёжь всегда хочет приключений и счастья. Если говорить о документальной части книги, то она подлинна и полна и современных, и очень старых подробностей. С точки

зрения даже примитивного литературоведения сразу заметно, как написанный сначала документальный материал послужил основанием для повести. Разбирая вещи, связанные с молодостью автора, я сразу подумал, как много Алисе дали родители и советская застойная жизнь. А я вот, не выучив в молодости, всё учу и учу английский язык. Счастливые родители.

Но я не могу забыть, что при мне Алиса поступала в Литинститут на семинар В. И. Гусева и стала очень неплохим критиком. Я читал её статьи в «Новом мире» и других изданиях. Собранные вместе, они стали чуть ли не энциклопедией — по крайней мере, очень полным обзором современной молодой литературы. Ведь всё время думаю о своих ребятах, обязательно позову Алису к себе на семинар.

<…>

12 января, четверг

Вчера вечером — не ехать на общем автобусе, а в аэропорт взять такси. Наш отель чуть ли не последний в линии, значит, с нас и будут начинать, будем мотаться по всем курортным местам, пока не заберём всех, выезжать придётся чуть ли не за пять часов. Аэропорт маленький, только четыре стойки для регистрации. Автобусы должны приходить по расписанию. Но на такси можно приехать и чуть позже.

Такси, как я уже писал, по московским меркам очень дёшево.

Утром я поднялся рано, луна ещё гуляла по небесам. Чтобы потом с С. П. не создавать сутолоку в ванной комнате, отправился купаться на море. На берегу в ресторане, на террасе, охранники играли в домино или какую-то другую игру: стуки об стол и азартные выкрики разносились по всему берегу.

<…> Море было тёплым, но ласки никогда в море я не ощущаю. Море всегда вызывало у меня враждебные чувства. Это ещё более непонятная и неисследованная стихия, чем даже небо. Оно — прародитель и хранитель жизни. Если когда-нибудь на земле жизнь исчезнет, то возобновится она из моря.

Прощай, свободная стихия. Последний раз я искупался. В моём возрасте всегда неизвестно, не в последний ли раз в жизни.

Ну вот, пора выполнить мои гастрономические долги. На этот раз на завтрак пошёл и С. П. Я — тарелку ананасов, папайи и арбуза, всё это, как принято, простругано на кусочки и готово к немедленному употреблению. Дальше я обычно съедаю две средних пиалы йогурта. Потом такую же миску пориджа, а если

говорить по-русски — овсяной, разваренной до однородной жидкой массы, каши.

С пориджа можно начать и другую тему. Как плотно английский язык прижился в многоязычной Индии. В Индии пять официальных государственных языков. Сейчас, с развитием туризма, когда-то для кого-то и враждебный, как язык поработителей, английский служит неоценимую службу. В любой школе с первого класса, кроме, так сказать, родного, «натурального», учат в том числе и английский. Это я невольно к тому, с какой легкомысленной быстротой наши бывшие национальные республики отбросили русский язык. А здесь проблема и миграции, и московских гастарбайтеров, и самой науки, торговли, обучения, в конце концов — уровня культуры этих стран. Хотите загибаться и быть странами второго сорта в мире, так ешьте своё сало, пейте свой провинциальный бальзам, ходите в своих тюбетейках, продавайте свой лавровый лист. Но здесь и наши управленцы хороши — тему не развиваю, о наших правительственных чиновниках и нашей «под себя» политике всё давно известно.

Но продолжим завтрак. Это ведь, кроме еды, прекрасное поле для наблюдений. А я ведь всё о соотечественниках. Когда-нибудь меня признают таким же русофобом и ненавистником современной России, как маркиза Кюстина. Соотечественников из интернациональной толпы выделить совсем нетрудно. Дамы к завтраку выходят в двух ипостасях: простушек в чём-то воздушном, прозрачном, почти в ночнушках; другой распространённый вид российской женщины за завтраком — ей как бы не додали. Лицо замкнутое и грозное. Это — матрона, как правило — мать семейства и бизнес-леди. Она одета в необъятные шорты и в руках держит полную тарелку. Её не обманешь, продукт она выбирает почти по его стоимости. Здесь обязательно поджаренная ветчина, какие-нибудь картофельные битки и «сладкий буфет». Такие дамы любят рассуждать на пляже о диете и фитнесе. Они надеются на специальные таблетки и готовы соблюдать диету «с завтра».

Русские немолодые мужчины все как один хотят, чтобы на заграничных курортах их принимали за иностранцев. Все они исключительно носят майки с лейблами разных стран мира. Ценятся — Филадельфия, Бали, Нью-Йорк, Австралия и другие труднодоступные из-за большой стоимости места. Мужчины, как правило, возмущаются, когда их не понимают таксисты или официанты в ресторане. Благородные люди… Пару дней назад один такой, несколько перекормленный, но в прекрасных шортах, мужчина поражался, да и возмущался, пожалуй, что таксист не

понимает его богатого русского языка.

Мужчины не едят фруктов, редко едят овощи. Кухня для них — это сытность: ветчина за завтраком, омлет с ветчиной или сыром, хлеб, жареная картошка. На пляже эти мужчины пьют много пива, говорят о сортах виски, называя «вискарём» и бренди, а вечерами ходят в ближайшую лавочку за дешёвым, но прекрасным ромом «Старые монахи» — семилетняя выдержка, гонится, естественно, из сахарного тростника.

Я всё время себя окорачиваю в еде, стараюсь не ходить за ту сторону прилавка с блюдами, который распластался после планки «No vegetable». Там жарят яичницу — болтунью и глазунью, жарят блины с различной начинкой, там замученная на сковородке ветчина, как елей, источающая канцероген, и там огромный набор сладких блюд — Боже мой, как же на Востоке мужчины любят сладкое! Я всё время думаю о «сладкой стороне», как, наверное, евнух думает о гареме, и вспоминаю покойную Валентину: «Есин, не ешь варенье банками — наживёшь диабет». При диабете рекомендуют: ничего сладкого, ничего жирного, ничего жареного. Понятно?

С левой стороны прилавка, с разными названиями и с разными приправами, иногда в неожиданных сочетаниях — блюда, приготовленные из кукурузы, гороха, фасоли, картофеля, грибов, перца, помидоров, капусты и лука. За десять дней всё, естественно, надоело, но если прокрасться ещё дальше, к самой стене, то есть другое англо-американское изобретение — кукурузные, овсяные и прочие хлопья. Рядом стоят кувшины с горячим молоком. Обычно в Москве я пью молоко только жирностью в полпроцента, а здесь чёрт с ним…

Вкус молока и этих самых «шоколадных» хлопьев стоит у меня на губах все полтора часа до аэропорта. О такси я уже сказал. Шофёр, естественно, говорит на английском — значит, хорошо учился в школе. Они с С. П. болтают. Вся дорога, без единого просвета, застроена домами. Это богатые виллы, дома победнее, дома бедные, магазины, лавки, лавчонки. Всё это в зелени: кустарники, кусты, много пальм. Вот они здесь и живут, полтора миллиарда. Лишь несколько раз проезжаем мимо полей, в основном это рис, значит, в воде стоят женщины и высаживают в жидкую грязь нежные стебельки. Непрекращающаяся цепь домов — это, конечно, цепь городков и посёлков. Хаотичность — лишь видимость. Я уже на малых приёмах убедился, какой в Индии административный порядок и учёт.

О чём только не подумаешь, пока едешь на машине по дороге с левосторонним движением, когда правая нога инстинктивно всё время пытается нажать на несуществующий тормоз, и не

напишешь, пока летишь почти семь часов в самолёте.

В гостинице мы почти каждый день меняли доллары на местную валюту: это на воду, чаевые, на ром «Старые монахи». Здесь нет никакой самодеятельности, каждый раз молодой портье составлял бумагу, платил нам строго по курсу и выдавал квитанцию. Ощущение, что в Индии компьютер работает как ни в какой стране мира. Не успел пообедать в пляжном ресторане, достаточно назвать номер своей комнаты — счёт уже на рецепции. И всё точно так же — быстро и точно — в аэропорту.

На подъезде вдруг огромный лагерь жалких палаток. Самый нищенский быт, крыты эти хижины тряпьём, полиэтиленовой плёнкой, промасленными пакетами. Всё вокруг усеяно этими самыми рваными пакетами. Если Индии когда-нибудь суждено будет пропасть, она утонет в полиэтилене.

На подъезде к аэропорту наш водитель, всё время ехавший в обычной рубашке, надел форменную куртку — полиция может оштрафовать. Дальше всё привычное: действительно небольшой аэропорт, четыре стойки, быстро работающий паспортный контроль, ещё пока беззаботные лица пассажиров — посмотрим, какими они будут в Москве. Тесный, маленький отвратительный магазин беспошлинной торговли. Здесь, будто всё время испытывали жажду, наши туристы накинулись покупать спиртные напитки. Женщины встали в очередь в ларёк, где продавались косметические кремы и притирания...

13 января, пятница

Кажется, вчера я всё же немножко простудился. Всё прошло довольно удачно. С небольшим опозданием приземлились. Что-то у нас всё же меняется. Очень быстро и прошли паспортный контроль, и получили багаж. Уехать из Шереметьево теперь тоже проблем не существует. Видимо, даже очень состоятельные люди предпочитают ездить не на машине через пробки, а электропоездом от Белорусского вокзала. Скоро и эта проблема из моих дневников уйдёт. Довольно долго на Белорусском ждали шофёра, некоего подрабатывающего узбека, который регулярно возит нас к электричкам на Белорусский или на Павелецкий. Тут я немножко и простудился, но утром принял «ТераФлю» и, кажется, пришёл в норму. Сегодня иду на показ мод к Зайцеву. Главное — мне обещаны «закулисы». Возможно, опять придётся писать: уже прошло пять лет, и у Зайцева снова грядёт юбилей.

<...>

С Николаем Головиным мы договорились, что я приеду что-то

к пяти, мне покажут закулисье Дома моды, покажут суматоху «предпоказа», изнанку и кухню. Так оно и получилось, я даже содрал и сохранил бумажку, в которой были расписаны все выходы манекенщиц и манекенщиков. Сначала шли сгруппированные фамилии модных «эскадронов», мужских и женских. Названия тем показов были такие: «Женские пальто», «Мужские пальто», «Нарядные женские комплекты», «Меха», «Серые мужские костюмы», «Вечерние комплекты», «Нарядные костюмы», «Роскошный вечер», «Невеста». Потом шёл раздел «Финал». Это выглядело так:

Толпа ребят в сером. Проходят толпой, назад по одному.Четвёрка ребят в вечерних костюмах. Вперёд и назад четвёркой.Пятёрка девочек. Идут вперёд клином, назад по одной.Пятёрка девочек. Идут вперёд клином, назад по одной.Смена музыки. Выходит наружу ручеёк из остальных девочек и остаётся на сцене. Выходят Ромаха с шефом и идут вперёд. Девочки выстраиваются в коридор по парам.Выходит четвёрка в нарядных костюмах по логотипу и в случае необходимости помогает шефу с цветами.

Потом идёт самая фантастическая фраза:

Отвал через центр по одной.

Всё это я, перед тем как добыть эту бумажку, наблюдал из зала. Одновременно делая небольшие заметки в записной книжке. Что здесь главное, понять, конечно, трудно, но неимоверно притягательное в каждой зайцевской коллекции имеется. Здесь надо сразу сказать, что по своей сути, по тому, как он видит человека, Зайцев абсолютно и подчёркнуто русский художник. Ах, как недаром он родился в Иванове. Но и, как русский подлинный самородок, всё же выбился в самые верхние уровни жизни. Второе — это, конечно, его внутреннее видение как художника сосредоточено не на фойе Большого театра, позванивающего подлинной бижутерией, не на модных концертах и эстраде, а в первую очередь — дальше скажу парадоксальное — на городских окраинах. Всё очень ярко, красочно, но не из самых дорогих тканей и с очень простым покроем. Я невольно сравниваю его с другим, так сказать, парадным и официально признанным модельером. Если бы всё же Зайцеву доверили одеть армию, то уж наверняка бы она не замерзала — вот и ещё один момент, связанный с происхождением и видением художника.

В итогах зайцевского времени есть и ещё одна символическая деталь. Ну, мы, конечно, иногда все по утрам видели замечательную передачу по первому каналу «Модный приговор». Сейчас её прекрасно ведёт историк моды Васильев. Я-то помню, как всё это лет пять или года четыре назад начиналось.

Зайцевский помощник и мой приятель Николай Головин ещё только выбивал у телевидения график и какие-то своего шефа деньги — о деньгах чуть позже, хотя разговор о них — не панское дело,— а Зайцев тем временем точил концепцию. Потом, когда я увидел первые передачи, я внезапно встретился со своею старой знакомой и замечательным знатоком культуры, бывшим министром Натальей Дементьевой. Она тоже только что эти передачи видела. И, захлёбываясь, мы стали говорить об этом. То, сё, сё, то, и наконец — о невероятном социальном смысле этого проекта. Это ведь не сшить балахон для звезды или скроить из обрезков ткани эстрадное платье для исполнения под фанеру. Научить развращённое модными глянцевыми журналами поколение одеваться достойно. Я опять почему-то вспомнил наших подмосковных и московских девочек с окраины. Милые, будьте красивыми.

Собственно, этим показом начинается юбилейный, пятидесятый год работы Зайцева в искусстве. И здесь приходится итожить всё и говорить о том, что Зайцев-модельер невольно затушёвывает другого Зайцева — художника. Мне ли не видеть то, что подпирает творчество великого, по крайней мере — самого знаменитого модельера России! Мой дом тоже завален коробками с рукописями, папками с неразвёрнутыми мыслями и картотечными ящиками с выписками. Я отчётливо понимаю, на чём стоит моя романистика и публицистика, да и педагогика. Так вот, за, так сказать, ярким и нарядным зайцевским подиумом стоят невероятные и, похоже, ежедневные зайцевские штудии.

Видимо, тот огромный очерк, который я написал о нём пять лет назад, дал мне некое право заглянуть в зайцевские тайники и лаборатории. В огромном Доме моды несколько комнат заняты зайцевским живописным архивом. Ну конечно, здесь есть и эскизы к спектаклям, и наброски со ставшим потом классическим имиджем многих артистов и эстрадных групп. Первый балахон нашей, как любят выражаться на НТВ, примадонны сшил и нарисовал Зайцев, первый облик артистов ещё молодой и тогда «революционной» «Машины времени» хранится в тех же запасниках. Но там же ещё и две огромных коллекции — это живописные видения художника и серия его фотографической живописи.

В своё время первую свою премию я получил в тридцать с небольшим за фотографию. За неделю я, любитель, снял альбом о воюющем Вьетнаме. Это потом я понял, что писатель и фотограф — это две разных профессии. Но понимание, как ставить свет и что такое тень, что такое мимолётное и мгновенно возникающее, осталось. Зайцев свои удивительные

фотографические картины компонует из своих же, с подиума, моделей и аксессуаров своей профессии. Я здесь вспомнил Рембрандта, так любившего в счастливые годы своей профессии покупать дорогие восточные ткани, причудливые раковины и изысканные сосуды. Эти фотографические полотна, в которых земные модели так же, как и в искусстве живописи, перевоплощены в символы, ближе всего недавно показанному у нас Караваджо. Зайцев, видимо, видел его много раньше нас.

Кажется, мне вообще невероятно в жизни повезло: сейчас в Бахрушинском музее открывается выставка, связанная с юбилеем Юрия Григоровича, я о нём тоже писал, в том числе и статью в его юбилейный каталог, но вслед за нею будет открыта выставка работ Зайцева. Я с некоторой грустью смотрел на огромную груду замечательных работ, из которых для выставки отобрана лишь малая толика. О, исконное наплевательское отношение к работающим рядом с нами гениям! Куда всё это денется позже? Я отчётливо вижу, как наследники довольно быстро ликвидируют мой большой архив, расчищая пространство для жизни. Что интересно — сейчас не делают никаких движений музеи. Ну, наверное, в ивановском музее что-то хранится. В своё время Майя Плисецкая сумела передать свой архив в ЦГАЛИ, ей повезло. Но ведь и из государственных архивов пропадают документы, как пропали несколько страниц блоковского «Возмездия». В этом смысле — грустные итоги.

После показа состоялся «для своих» небольшой фуршет наверху, в служебных покоях. Как всегда, колбаска, фрукты, орехи, вино. Что-то попивала молодёжь. Внучку маэстро я уже знал, а здесь был ещё и замечательный паренёк, его внук — Антон. Антон за столом как-то крепко выдавал одному из прихлебателей.

Самое сложное мне в моей будущей статье будет написать финал.

<…>

17 января, вторник

Меня всегда удивляют мои ученики, которые часто жалуются: я бы написал и роман, и пьесу, и рассказ, но нет сюжета, нет, говоря профессиональным языком, информационного повода. Поводов и сюжетов всегда тьма. Вон Достоевский написал «Бесов», возбудившись от газетной заметки. Я пишу, собирая иногда разные сведения, в надежде, что кто-нибудь «возбудится» от моих наблюдений. А вот и повод, чтобы организовать ещё один

сюжет.

Итак, Борис Березовский, наш лондонский сиделец, обратился к патриарху Кириллу, видимо, полагая себя общественным деятелем, с обращением инициировать бескровную, так сказать, духовным путём, смену власти. Об этом сказала утром любимая радиостанция. Ну что здесь скажешь, когда человек, богатый мамоной, обращается к человеку веры и духа. Значит, соизмеряет духовные и нравственные потенциалы. В связи с этим — ах, как мне бы хотелось обойтись без такого привычного в моих записках выражения «в связи с этим», но как по-другому соединишь почти несоединимое? Соединяю. В связи с этим вспомнил я одно местечко из доклада Евгения Примакова — из его доклада в «Меркурий-клубе».

«Несомненный интерес представляет собой «процесс года» — так бы я назвал лондонский суд, разбирающий иск Березовского к Абрамовичу. Меня, я уверен, как и большинство соотечественников, потряс обмен признаниями на лондонском суде. Абрамович заявил, что поэтапно выплачивал Березовскому 2,5 миллиарда долларов за то, что тот обеспечивал ему «крышу». Об уровне этой «крыши» говорят показания Абрамовича, что он может назвать своим другом бывшего главу администрации президента Александра Волошина. Подтверждением этих слов является появление в суде и выступление Волошина в пользу Абрамовича.Березовский, в свою очередь, утверждает, что он придумал и «пробил» схему нефтяной компании «Сибнефть», как известно, образованной указом президента Б. Н. Ельцина на базе одного из самых современных советских нефтеперерабатывающих заводов в Омске и богатейшего месторождения «Ноябрьскнефтегаз». Всё это, по словам Березовского, было выкуплено Абрамовичем за 100 с лишним миллионов долларов, полученных в кредит. В дальнейшем тот продал тому же государству компанию за 13 миллиардов долларов. Березовский подал иск, претендуя на часть этой суммы, т. к. он, по его словам, был акционером «Сибнефти». Абрамович отрицает это, и тут всплывает ещё одна своеобразная «деталь»: владельцы крупнейших компаний не значились их акционерами. Отсюда прямой вопрос: а вообще платили ли они налоги государству?»

<…>

18 января, среда

Опять приходится начинать с газетной информации. Утром вынул из ящика газету. На первой странице: «Проект. Минюст избавит российские законы от норм времён СССР. *Советское на вынос*». Не читая ещё статьи, подумал, что этого надо бы простым гражданам остерегаться больше всего. Уже практически вынесли бесплатное высшее образование, бесплатную медицину, бесплатное распределение жилья, бесплатное курортное обслуживание, полярные надбавки к зарплате и много другое. Писателям и людям творческого труда надо остерегаться «выноса» их льгот на дополнительную площадь. Эту льготу утвердили ещё, кажется, в 1937 году.

Из других газетных новостей — это «Литгазета», которая напечатала несколько статей о нашем премиальном процессе. В том числе и разгромную статью на новое произведение собирательницы почти всех наших премий Ольги Славниковой. Всё это достаточно убедительно. Вообще-то можно только поражаться, с одной стороны, бесстыдству писателей либеральной клики, с другой — грустной лояльности, с которой наши писатели разумного патриотического лагеря относятся к их творчеству. Всё находим какую-то закономерную справедливость.

<…>

19 января, четверг

Закончил перепечатку рукописи и что-то вписывал в дневник — и так почти весь день. А в пять встретился у подъезда с С. П., и поехали в Дом Союзов. Мише Ножкину — семьдесят пять лет. По этому поводу — огромный, на три часа, вечер с поздравлениями, подарками, горой цветов и возвышенных слов. Вечер вёл сам Михаил, много пел, сердечно и талантливо, как всегда, пел. По большом счёту, одной строчки: «Я так давно не видел маму» — было бы достаточно, чтобы уже попасть в историю литературы. Но оказывается, что и шлягер моей молодости: «Опять от меня сбежала последняя электричка» — это тоже дело его рук.

<…>

Дома я уже был что-то в десять часов. Принялся готовить и смотреть телевидение. Сражались два кандидата на должность президента — миллиардер Михаил Прохоров и коммунист Геннадий Зюганов. Зюганов талдычил всё одно и то же. Кое-какие зюгановские заготовки я уже слышал. Значительно интересней говорили его ассистенты. В частности, любопытен был пассаж о продаже Прохоровым какого-то металла за рубеж, теперь у нас он

стоит во много раз дороже, чем прежде. Припёрли его к стене «залоговыми аукционами». Кстати, было сказано, что свою собственность многие олигархи приобрели по стоимости в два-три процента от её подлинной. Очень заискивающе и подобострастно к хозяину выступал прохоровский «ассистент» Ярмольник. Я понимаю, подадут, но зачем так уж унижаться? Кажется, Прохорову помогала наша выпускница Ксения Соколова. Блестящая была девушка. <…>

22 января, воскресенье

К семи часам поехал на творческий вечер Александры Николаевны Пахмутовой в Большом зале Московской консерватории. Естественно, были, как говорится, все… Я, кстати, оказался в консерватории впервые после ремонта. Мне показалось, что она выглядит лучше, чем «реставрированный» Большой театр. Больше строгой подлинности, вкуса. Хорошо всё, кроме туалета, который почему-то перенесли вниз, в вестибюль. На том месте, где раньше был мужской туалет, теперь буфет.

Что сказать о самом концерте? Такой помпы и собрания сил я уже давно не видел. Симфонический оркестр Министерства обороны, хор Свешникова, хор консерватории, концертный рояль, за которым сидела сама Ал. Ник. Ну, естественно, просто гора цветов, и если бы их постоянно не убирали, из-за них не очень высокую Ал. Ник. просто не было бы видно. О шлягерах былых времён не говорю, они всем известны и стали частью нашего сознания, но было несколько новых песен, написанных буквально накануне, которые, как и прежние мелодии, истомили душу. Вот тебе и ответ, стареют ли большие таланты.

Из бытовых наблюдений: мне показалось, что Ал. Ник. переживала за мужа Николая Добронравова, который сидел на самом почётном месте, на проходе шестого ряда, по соседству с директором консерватории Алекс. Серг. Соколовым. И она так была рада, когда в каком-то месте зал устроил овацию и ему. Много было молодых певцов, с прекрасными голосами; правда, не всегда они дотягивали до скрытого трагизма, который во многих пахмутовских песнях. Но всё равно пели все замечательно, а особенно старая гвардия — Кобзон и Тамара Гвердцители.

Так уж получилось, что хотя у меня и было два билета, но ни С. П., ни Жуган, которые были на это событие ангажированы, со мною не пошли, однако взамен я получил удивительного соседа, который вполне искупил отсутствие моих друзей. Рядом сел Валера Белякович, одетый, как всегда, в какую-то рубашонку,

потёртые джинсы, похожий не на народного артиста России, а на рабочего склада, но, как и всегда, с удивительно точной оценкой в искусстве. Здесь он довольно многое откомментировал.

В перерыве Валера рассказал мне удивительную историю. В день землетрясения в Японии и аварии на станции «Фукусима» он в Японии вёл последнюю репетицию спектакля «Гамлет». Сам он в этом спектакле играл Полония. И у него в момент одной из смертей по ходу спектакля должны начинать трястись и двигаться колоны, как лес, который двинулся в «Макбете». Валерий всегда требовал, чтобы это было сделано достаточно интенсивно, но тут вдруг он увидел, что колоны ходят ходуном, цепи трясутся и звенят. Это было землетрясение.

Я, конечно, не утерпел и спросил Беляковича: ну а как премьера спектакля? Оказывается, спектакль состоялся. Отменили поезда, зрителей, кроме двоих, на спектакле не было. Для них и играли.

23 января, понедельник

Утром, спокойно приготовившись жарить себе на завтрак сырники, я включил радио и понял, что ставшее привычкой в последнее время нежелание смотреть телевизор сыграло со мною дурную шутку. Уже почти два месяца не езжу на дачу, а там всегда в субботу был просмотр «разоблачительных» программ по кино. Здесь же, оказывается, пока вчера я наслаждался концертом Пахмутовой и сладостным общением с Валерием Беляковичем, я пропустил потрясающую передачу по всё тому же разоблачительному НТВ. Они, оказывается, дали подборку сюжетов, как и где наши замечательные либералы и подлинные демократы проводили Новый год. Судя по тому скрипу, который раздавался со стороны «Эха Москвы», передача была невероятно ударной. Защитники народа и их личная жизнь. Если получится, я сюда чуть позже вставлю конкретный материал. Вот, кажется, переработка телевизионных сюжетов в комментарий.

«Не успели отгреметь последние праздничные салюты в честь Нового, как его ещё называют — «эпохального», 2012-го, как уже появились первые сообщения об отдыхе известных политических и не только деятелей России. Очень наглядно эту информацию преподнёс канал НТВ. Представители отечественного шоу-бизнеса, политики и даже нашумевшей за последнее время оппозиции провели праздник где угодно, но только *не* в самой

России. Получается весьма интересная и отчасти даже пикантная ситуация. Знаменитости нашей страны, крича с экранов телевизоров и заголовков газет о своей пламенной любви к нашей Родине, предпочитают встречать праздники не дома, а за бугром, причём чем дальше, тем лучше. Не знаю, случайно ли, но первая ассоциация у режиссёров программы указывает на празднование 80-летнего юбилея М. С. Горбачёва в Лондоне. Видимо, мода первого президента праздновать дни рождения подальше от столицы была с лёгкостью подхвачена и «бравыми оппозиционерами». Президент канувшей в Лету сверхдержавы празднует свой юбилей в цитадели геополитических соперников России. Туманный Альбион для них, судя по всему, имеет свою специфику.Всем нам хорошо знакомый блогер Алексей Навальный, изрядно пошумев на площадях и проспектах нашей столицы, тоже не стал исключением и отпраздновал Новый год, как и положено, в солнечной Мексике, ненароком залетев на огонёк в Нью-Йорк. Ну да ладно, у нас всё-таки демократия, летай куда душе угодно, были бы деньги, как говорится. Но одно дело, когда какая-нибудь светская львица, вроде Ксении Собчак, летит в Куршевель, и совсем другое, когда страстные «любители» и «защитники» народа проводят там значительную часть своего времени. Вот, например, очень уж примечательна позиция оппозиционеров Б. Немцова и Е. Чириковой. Первый празднует Новый год на островах, катаясь на сёрфинге. А защитница Химкинского леса, в свою очередь, путешествует по филиппинским джунглям. И после отдыха они дружно идут на поклон в посольство США, к новому послу г-ну Макфолу, уже успевшему «отметиться» на Украине и в Грузии. Надо полагать, ходили они думы думать о России-матушке, как же ей, бедной и несчастной, дальше жить. Так, по крайней мере, утверждают оба наших героя. Немцов, как выяснилось, просто очень любит отдыхать на море. Теперь понятно, откуда у него такой «серьёзный» багаж знаний относительно строительства олимпийских объектов в Сочи.Отдельно стоит сказать и о реакции Евгении Чириковой на простой вопрос корреспондентов: «Цель вашего визита в посольство США?» Ответ был более чем прозаичен, позволю процитировать: «Я иду, чтобы у нас начал работать закон». Что ж — картина маслом! Законы Российской Федерации смогут заработать только при условии посещения представителями оппозиции органов дипломатической службы иностранных государств. Звучит, по крайней мере, странно, не находите?»

Сырники уже были замешены и ложились на сковородку, но тут последовали удивительные вести. В первой выборке документов с подписями в поддержку Явлинского на выборах президента обнаружилось двадцать шесть процентов неточностей при норме в пять процентов. Но у Явлинского есть ещё шанс, потому что у него есть большое количество «страховочных» подписных листов, и это даёт возможность провести экспертизу второй выборки. Ну, естественно, по этому поводу радиостанция тотчас же устроила опрос и голосование. Среди устно «опрошенных» один из слушателей прямо сказал, что Явлинский врун и обманщик. Вспомнили здесь его старое утверждение, что в юности он был чуть ли не боксёром, и его программу «500 дней». Но была ещё одна новость. «Эхо», «Огонёк» и несколько других близких по духу организаций организовали свой рейтинг самых влиятельных женщин России. Забавно, что в нём на одном из первых мест — прелестные балаболки Ксения Собчак, Миткова, Сорокина, Юлия Латынина, Тина Канделаки. А также дамы-тяжеловесы — Матвиенко, Тимакова, Набиулина, Голикова, Батурина. Не услышал я только имени Анфисы Чеховой.

Но это всё, с точки зрения моего внутреннего мира, совсем не основные события дня. Утром я прочёл замечательную статью Александра Разумихина в «Нашем современнике», а вечером ходил в театр Станиславского и Немировича-Данченко — там «Каменный цветок» в честь юбилея Григоровича, ему восемьдесят пять лет. К сожалению, мэтр накануне так заболел, что пришлось отменять не только сегодняшний его визит в театр, но и поездку в Японию, которая должна была состояться через два или три дня. Теперь я несколько дней, пока Григорович не поправится, буду волноваться. Попутно: к нынешнему юбилею Большой театр выпустил новый буклет о мастере — здесь повторно напечатаны моя статья о нём и английский её перевод.

На меня спектакль произвёл на этот раз ещё большее впечатление, чем раньше. Ну, конечно, самое главное — это музыка Прокофьева, она грандиозна, и, слушая её, начинаешь понимать второсортность современных композиторов. Как обычно, во время спектакля пришло несколько мыслей. Во-первых, конечно, что создана вся эта удивительная хореография молодым человеком в тридцать лет. Вот когда так интенсивно работаем, тогда и живём до восьмидесяти пяти, и, дай Бог, он ещё будет жить долго и долго. Но вот балет-то уже живёт пятьдесят пять лет. Во-вторых, я подумал, какое счастье, что это удивительно русское сочинение возникло. Сегодня ничего подобного уже невозможно — русские корни стираются. А теперь это всё, как балеты Петипа, станет неким эталоном, который

будет тиражироваться, изменяясь, многие годы. Это особенность классики, она становится самой жизнью. Ну а в-третьих, здесь сконцентрирован весь Григорович. Здесь и «Спартак», и «Иван Грозный». Но каков слом после первых сцен к полуабстрактным построениям картин «в горé»! Как это было невероятно, просто обжигающе, современно. Здесь я тоже увидел поиски времени. В шестидесятые и искали русскую идентификацию, и возникали новые тенденции в поисках элементов в физике и химии.

<…>

24 января, вторник

Уже несколько раз я слышал, как наша интеллигенция возмущается некой репликой Путина по поводу Бориса Акунина. Покопался в Интернете и наконец нашёл. Вот как в Интернете это выглядело.

«Писатель Борис Акунин (Григорий Чхартишвили) участвует в акциях протеста, поскольку является этническим грузином. Об этом на встрече с главными редакторами российских СМИ заявил премьер-министр Владимир Путин. «Понимаете, люди ведь действуют по самым разным соображениям. Вот, например, мы все любим писателя Акунина. Он пишет очень интересные, для меня, во всяком случае, вещи. Это экранизируется. Он, насколько мне известно, этнический грузин. Я понимаю, что он мог не воспринимать действия России во время известного кризиса и событий на Кавказе, а по сути — вооружённой борьбы между Грузией и Россией, когда Россия вынуждена была защищать юго-осетин и наших миротворцев, на которых напали и просто убили»,— сказал Путин».

А дальше это выглядело так.

«О национальности Акунина Путин заговорил в контексте разговора о диалоге между властью и оппозицией. Он заявил, что готов встретиться с общественными деятелями, участвующими в Лиге избирателей, однако, по его словам, «приглашение к диалогу остаётся без ответа». Главный редактор радиостанции «Эхо Москвы» Алексей Венедиктов спросил Путина, почему бы ему не встретиться с членами Лиги избирателей. «Я не исключаю.

Мы готовы, и я лично готов, и мои коллеги готовы с ними встретиться и поговорить. Не один раз приглашали, кстати сказать, некоторых из тех коллег, которых вы назвали сейчас пофамильно. Не один раз, ни разу не пришли»,— сказал Путин».

Здесь же я нашёл и занятный текст самого Акунина, достаточно обидно высказавшегося о нынешнем премьер-министре.

«Неизбежно возникнет ситуация, когда низы больше не хотят, верхи вконец разложились, а деньги кончились. В стране начнётся буза. Уходить по-хорошему Вам будет уже поздно, и Вы прикажете стрелять, и прольётся кровь, но Вас всё равно скинут. Я не желаю Вам судьбы Муаммара Каддафи, честное слово. Откосили бы, пока ещё есть время, а? Благовидный предлог всегда сыщется. Проблемы со здоровьем, семейные обстоятельства, явление архангела. Передали бы бразды преемнику (по-другому ведь Вы не умеете), а уж он бы позаботился о Вашей спокойной старости»,— пишет Акунин».

И здесь подумаем: имеем ли мы право на человеческую обиду? Кстати, всю эту композицию я решил выписать лишь после того, как сегодня же услышал, с какой настойчивостью по «Эху» говорили о том, что на табличке в Ростове-на-Дону убрали слово «евреи» и, кажется, слово «холокост». Я знаю, что многие это понятие отрицают. Про себя этого сказать не могу. Но если действительно именно здесь было уничтожено семнадцать или двадцать тысяч евреев, то почему об этом не писать? Вызванные по телефону ростовские власти и зам. председателя думского комитета Тамара Плетнёва коряво и плохо оправдывались. Всё нажимали, что, дескать, и русские, и евреи — это граждане СССР. Тогда вопрос и к белым, и к красным: почему из паспортов убрали графу «Национальность»? Всё это, как некую двойную игру, я связываю и с проблемой Путин — Акунин. И если все — граждане СССР, то почему же во время семидневной войны — я тогда работал на радио — все мои интеллигентные знакомые и сослуживцы ходили с горящими глазами: «Как наши намылили арабам шею!»? А ведь тогда СССР поддерживал именно арабскую сторону! Кого сейчас поддерживает Акунин?

Мне кажется, что сейчас несколько человек, так героически поддерживающие оппозицию и создающие Лигу защиты

избирателей,— это Акунин, Улицкая, Быков — в первую очередь поддерживают свои книжные продажи.

В «РГ» утром прочёл гороскоп на Стрельца — это мой знак: «Вам нужно принимать события и людей такими, какие они есть, — с их достоинствами и недостатками». Я и принимаю все события: стало известно, что Б. Н. Тарасову всё же продлили срок его ректорства — ну и слава Богу, не будет этой трёпки с выборами. Отмечу только, что добивался он этого до последней минуты — какой удивительно цепкий человек до власти! Второе, что тоже надо принять: привезли наконец книгу о Вале. Издали её превосходно. Двадцать пачек уже привёз домой. Ура!

Из событий дня — побывал на презентации двадцатого тома «Русского архива». Проект этот, конечно, грандиозный. Затеял его в самом начале перестройки Алексей Налепин, которому посчастливилось оказаться одноклассником Никиты Михалкова. Я знаю этот проект и тома «Русского архива» много лет, чуть ли не с самого начала. Очень жалею, что не начал в своё время его собирать. В частности, когда кое-что мне понадобилось для романа «Твербуль», я обратился к Алексею и тут же получил искомый том.

Состоялась презентация в Историческом музее. Впервые я заходил в музей не через парадный вход, а через служебный, от «хвоста лошади Жукова». Сразу же восхитился порядку и строгости музея. Служебный вход устроен таким образом, что при желании можно снять несколько рам и вкатить сюда хоть баллистическую ракету. Никаких ступеней, а покатый каменный подиум. Не успел переступить через порог, как тут же меня поразил какой-то объективный порядок, свойственный настоящей науке. По бокам широкого прохода стояли половецкие каменные бабы — и много, оставили голой половецкую степь,— и за стеклом, видимо перевезённый из соседнего здания Московской думы, где раньше располагался музей Ленина,— известный и узнаваемый ленинский автомобиль. Царские-то кареты и возок Петра Великого в экспозиции — это уже само собой.

Народа было много — «ведущие специалисты архивов, музеев и академических институтов России» — и я сразу же почувствовал, что оказался в своей атмосфере. К сожалению, был без записной книжки, поэтому кое-чего не зафиксировал. Но зато помню, как Никита Михалков рассказал, что с Налепиным играли в самодеятельности что-то по «Молодой гвардии». И вот тут Никита, к ужасу директора школы и преподавателей, на сцене начал стрелять из стартового пистолета, который он «изъял» у своего великого отца. Совершенно удивительным было выступление Сигурда Оттовича Шмидта, которому уже сильно за

девяносто. Он пришёл своим ходом, да ещё с какой-то академической комиссии, но какая память — всё до фамилии и имени-отчества! — какая ясность ума! В частности, среди многого он говорил о дворянской культуре, которая, в принципе, позже оказалась разночинной. Ведь в России каждый, кто оканчивал в то время высшее образование, получал личное дворянство. В том числе, говоря о дворянской культуре, академик Шмидт говорил о декабристах, движение которых сейчас подверглось критике. Говорил о значении их дела, которое послужило нравственным идеалом для нескольких поколений. Здесь был приведён интересный пример. Недоросль Фонвизина и декабристы — это люди почти одного поколения. Шмидт особо сказал о статье в некой центральной газете, в которой было сказано, что, дескать, царь был такой милосердный, что казнил только пятерых мятежников. Вспомнил академик и последовавший на такую экстравагантную точку зрения ответ. Автор статьи — отвечал, если мне не изменяет память, А. М. Турков — достаточно убедительно «прополоскал» эту царскую милость. Прелестно на этой пресс-конференции выступил сравнительно молодой исследователь Константин Писаренко. Это о происках Франции, которая в 1748 году чинила «неудобства» России. История всегда повторяется в своих основных, векторных действиях. Но как плохо мы её, под влиянием однотонного преподавания, знаем. До сих пор в честь плохо упоминаемого как гонителя Пушкина Александра Бенкендорфа в Голландии устраиваются какие-то конференции и сборы. Он освобождал во время войны 1812 года их города. Названия городов не записал.

<…>

27 января, пятница

Утром ездил в РИА «Новости», там состоялась пресс-конференция по поводу очередной инициативы Путина. К своему, видимо, удивлению, Путин обнаружил, что уровень чтения и, соответственно, культурный уровень нашей молоди резко снизился. В связи с этим наш будущий президент внёс свежую, на этот раз культурную, инициативу. Необходимо составить список из ста книг, которые должен прочесть школьник. Естественно, наши средства массовой информации на этот импульс с необыкновенной скоростью откликнулись.

Ну, конечно, меня в первую очередь, когда позвали, удивила не инициатива Путина, а сама обстановка в здании. На каждом повороте по роскошной девочке, которые все как одна в красных

чулочках и форменных платьицах. Не в том мире живу я сам! В своё время я помню, как с помощью И. Волгина мы составляли список произведений, которые, по нашему мнению, должен знать абитуриент, поступающий в Литинститут. Но здесь формализация имела право: поступление именно в то учебное заведение, в котором занимаются литературой. Здесь, наверное, другое — совершенствование школьной программы. Либерализм в культуре ни до чего хорошего не доведёт.

В пресс-конференции участвовали милая девушка — кажется, лучший учитель русской литературы, Максим Замшев, который очень славно научился говорить — округло, а иногда и содержательно, Витя Ерофеев, борзый волк эфира, и я. Первым мне слово и дали. Я как-то, по своему обыкновению, повернул всю дискуссию в другую сторону. Список, дескать, списком, его всегда можно будет составить, но главная фигура в школе — это всё же учитель, и от него в первую очередь всё зависит. Если учитель будет копать, чтобы прокормить семью, картошку и брать лишние уроки, чтобы подработать, а не занимать своё свободное время повышением квалификации, то ничего путного из этого не получится. Опять вспомнил Серафиму Петровну Полетаеву, свою первую учительницу, и Ирину Хургину, которая преподавала нам литературу в седьмом классе школы рабочей молодёжи.

Днём заезжал в институт, отослал несколько книг о Вале и кое-что положил на проходной. Вечером опять пёк пирог по рецепту Богородицкой. Закончил и отослал Лёне Колпакову очерк о Зайцеве. Моё время на кухне делится между плитой и радио.

По радио, а я слушаю только одну станцию, активная и упорная пропаганда против Путина. Вчера вечером, правда, Медведев, встречаясь с журналистской молодью на факультете в МГУ, сказал, что последние выборы в Думу были самыми чистыми, но, ссылаясь на некоторые другие нарушения, либералы утверждают, что и выборы президента будут такими же. От выборов на должность президента по совершенно, видимо, формально справедливым мотивам отстранили Явлинского. У нас, конечно, странно воспринимается закон. Если он не в твою пользу, то это обязательно «политическая составляющая». Ещё есть хорошее слово «провокация», но это, как правило, возникает, если налицо обычное воровство. Так вот, ещё одна «провокация». Кого мы выбираем! Из Интернета:

«В Москве задержали депутата совета муниципального образования округа номер 54 Санкт-Петербурга, при котором обнаружили кейс с 30 свёртками гашиша общим весом примерно

три килограмма. Об этом 27 января сообщается на сайте Следственного комитета РФ. 32-летний депутат Дмитрий Лариков был задержан в ночь на 26 января у дома 43 на Митинской улице. Задержание производили сотрудники управления Госнаркоконтроля по Московской области».

Я не забыл, кстати, и сейфа госпожи Слиски, заместителя председателя Госдумы.

29 января, воскресенье

Около пяти по Москве я со своим вечным спутником С. П. уже в Израиле, в Эйлате. Студенческие каникулы заканчиваются, что-то хочется увидеть и ещё: деньги, конечно, значат многое, но далеко не всё. Может быть, мы, на моё астматическое счастье, смылись от жестоких морозов, которые пришли в город. Итак, Эйлат, небольшой город и порт, о котором часто упоминает пресса. Аэропорт небольшой, одноэтажный, но и самолёт тоже не самый крупный «Боинг».

В Москве нас предупреждали, что будет крупный шмон, досматривают не только ручную кладь, но и багаж. Предупреждали: будьте внимательными и вежливыми, при досмотре всё терпите. Рассказали даже анекдот, будто бы один паренёк, когда его спросили, почему у него в багаже так много презервативов, лихо ответил в том смысле, чтобы, дескать, *сношать* в Израиле всех евреев. Фраза, конечно, была позаковыристее. Его не пустили, развернули обратно. Но, к нашему удивлению, вещи подали на ленту транспортёра почти мгновенно, а таможенники только лениво сопели и даже не взглянули в нашу сторону.

Естественно, все говорят по-русски. Шофёр, очень немолодой человек, всё время заводивший в нашем маленьком автобусе Моцарта и Баха, сразу предупредил, что повезёт нас длинной дорогой, потому что более короткий путь закрыт, он проходит ближе к Египту; по крайней мере, в той стороне готовятся какие-то новые укрепления. В связи с египетской революцией и победой фундаменталистов на выборах положение, конечно, усложнилось. Уже сейчас туризм в Египет уменьшился вдвое. Длинная дорога дала нам возможность и многое увидеть, и многим поразиться. Ещё из самолёта было видно, что это наконец-то именно те библейские виды, о которых мы столько читали. Сморщенная коричневая земля в складках гор, в распадках которых хранится

нежный голубоватый туман. В моём представлении именно по такой земле бродил со своими овцами и козами Моисей. А удивление вызвали замечательные дороги, те признаки цивилизованной жизни, которые внесло в эту жизнь время. Во-первых, прекрасные дороги; во-вторых, обработанные поля и огромные пальмовые рощи, наверняка посаженные лет сорок-пятьдесят назад. Деревья стояли стройными рядами, но так, что между ними свободно мог пройти трактор.

Часа через полтора показались сначала пригороды, а потом и сам Эйлат. Вполне современный город, расположенный на предгорьях, окружающих большую лагуну. Моря, собственно, мы ещё и не видели. Из нашего отеля «Царь Соломон» видны кусочки воды, стоящие яхты. А из номера, вполне хорошего, после того как мы его поменяли,— и вершины гор, утром опять ставшие бурыми. Отель огромный, территория сравнительно небольшая — пишу из вежливости, практически маленькая, между крыльями отеля несколько бассейнов, и вокруг — амфитеатр лежаков для постояльцев. Расположили нас вначале в номере, выходящем над находящимся под ним рядом огромных кондиционеров. Сергей Петрович со своим безупречным английским отважно пошёл на переговоры, которые закончились его скорой, как семидневная война, победой — за сто десять долларов нас перевели в другое крыло.

Кормят, правда, здесь прекрасно, а главное — вдоволь, как на Сицилии, бесплатных напитков. Вино — красное и белое, пиво и соки. Пока записались на экскурсию в Иерусалим. Кажется, мы ещё готовы соблазнить друг друга на дорогую экскурсию в Пе́тру.

30 января, понедельник

Утром после завтрака — о завтраке чуть ниже особо — отправились гулять. В Эйлате погода хмуровата, солнца нет, даже иногда падает что-то вроде дождя. Для местных жителей это почти невероятное. Город небольшой, но прелестно расположен, как римский амфитеатр, только не вокруг арены, а вокруг небольшой бухты. С местной географией можно справиться сразу. Непосредственно возле бухты — гроздь роскошных отелей, набережная, далее огромный пустырь, для будущего, наверняка такого же роскошного и монументального, строительства, а позже — уже сам вполне современный город. А где древний Эйлат? А его, кажется, и не было, но устную историю его нынешнего возникновения я расскажу тоже попозже.

Прогулка по прекрасной и пустой набережной напоминала

прогулку по зимней Ялте. Но уровень отелей другой. Огромные многоэтажные монстры дорогого отдыха, похожие на те, которые изображены на снимках из Лас-Вегаса или на те, которые я видел живыми глазами в Атлантик-Сити. Но поражают, скорее, не отели, а роскошные и огромные пальмы, которым, наверное, лет по семьдесят. Они лучше всего говорят о стабильности. Все отели стоят не на «первой линии», а отступив от набережной. Внизу полоса роскошных магазинов, баров, кафе; везде уже ни на кого не действующие надписи «Sell» — не сезон. Прохожих почти нет. На набережной только уборщики, это, судя по этническому типу, или арабы, или негры. В ресторане отеля тоже на уборке посуды, горничные, бои — почти сплошь арабы и молодые негры. В этом смысле — как в Москве на тяжёлой и грязной работе безответные гастарбайтеры. Если проходит стайка молодых израильтян, то они шумливы, как голуби. Я уже давно приметил, ещё в самолёте, что израильтяне ведут себя подчёркнуто свободно и раскованно, каждый как бы утверждает своим поведением и гонором собственную личность и причастность к избранному народу. «Я самый избранный!»

В два часа, по предложению нашего «ответственного гида», который нас встречал и будет провожать, у которого мы вечером записались на экскурсию в Иерусалим (сто пятьдесят долларов с брата) и у которого мы, скорее всего, запишемся на экскурсию в Иорданию (это будет уже по триста с носа) — она, оказывается, рядом, флаг на мачте в соседнем с Эйлатом иорданском городе виден из любой точки,— так вот, этот самый гид, которого зовут Пётр, предложил — подарок фирмы — бесплатную экскурсию по городу. В два часа дня мы на неё отправились. В маленьком автобусе, вместе с ещё двумя парами российских туристов. Ну, как известно, простых подарков от туристических фирм не бывает. Вчера же, когда Пётр обмолвился, что после экскурсии нас приведут на фабрику «эйлатского камня», я сразу смекнул, что это, конечно, в дни затихания туристского сезона, просто торгово-рекламная акция. А разве не каждая экскурсия в Израиле заканчивается подобной акцией? На фабрике бриллиантов в Хайфе я уже побывал много лет назад.

Сразу скажу, что экскурсия оказалась хотя и короткой — пятьдесят пять минут, включая посещение фабрики,— но прекрасной. Отчасти я понимаю, что здесь не только коммерция, но, возможно, и какая-то государственная программа — показать достижения. А они есть. Огромный порт, куда практически, по словам нашего гида, поступают все японские легковые машины. Дальше они идут на весь Ближний Восток и в Европу уже по земле. Через город, кстати, идут трейлеры. Я посчитал: на каждом

по двенадцать машин. Огромное количество отелей. В городе пятьдесят тысяч жителей, но в пик сезона проживает до трёх миллионов. Уже нет смысла говорить об отелях, дельфинариях, нефтяном порте, куда из Америки поступает вся нефть, и прочее, и прочее — за всем этим огромные деньги. Но всё это я воспринимал на фоне разговора, который произошёл ещё до обеда.

Утром, как я уже рассказывал, мы с С. П. довольно долго гуляли. Мне очень нравился город — разглядывал вывески, названия отелей. В этих названиях библейские имена. Наш отель назывался «Царь Соломон», видели бар под названием «Моисей», какое-то заведение под названием «Ирод». Названия в основном на английском языке и на иврите. Но два выступления видел на русском языке. Большое объявление: «Выставка недвижимости» — и в одном из магазинов над прилавком с обувью: «Трогать можно». В середине пути попался винный магазин, с особым вниманием мы его обследовали и там, покупая бутылку местного вина, разговорились с хозяином и продавщицей. И вот от них услышали удивительную историю возникновения Эйлата. В общем, оказалось, по словам наших откровенных и обаятельных собеседников, была раньше арабская деревня в Иордании, неподалёку от пропускного пункта между Израилем и Иорданией. Этот пункт был чуть ли не в сегодняшнем городе, и вот в это место приехал где-то в сорок восьмом, кажется, году первый президент Израиля Бен-Гурион. Побывав в этом месте, Бен-Гурион решил — он, кстати, уроженец России,— что это место жизненно необходимо для Израиля, это выход государства к другому морю. Дальше состоялся, как сказали наши лёгкие собеседники, самозахват. Милые люди при этом улыбались, но говорили: «А теперь это наше».

31 января, вторник

Географию лучше всего, естественно, изучать не по карте. Мне наиболее точно и образно география ложится именно во время путешествий. Так продолжим? Уже в автобусе, когда ехали к Иерусалиму, я узнал, что наш самолёт два дня назад приземлился именно в пустыне Негев. Замётано, как говорит молодёжь; образ в сознании, в голове.

А вот теперь едем к Иерусалиму вдоль иорданской границы. Слева одни горы, справа другие, уже иорданские, граница идёт по водостоку огромной долины. Впереди — Мёртвое море. Для меня это счастливая новость, этот пункт географии не предполагался.

До Иерусалима что-то в районе четырёхсот километров — прекрасная дорога, почти пустая. Гид предупредил, чтобы мы потом не интерполировали наиболее бедную восточную и южную часть Израиля, по которой мы едем, на всё государство. Эта часть наиболее бедная и промышленно неразвитая. Дескать, по утрам в западной части страны, в районе Хайфы, Иерусалима или Тель-Авива, выстраиваются по утрам многочасовые пробки. Рассвет ещё чуть набухает, но всё вокруг почти безлюдно и абсолютно серо. Ни одного стебелёчка, почти ни одного деревца. Водосток в долине ложится так, что все воды поступают в Мёртвое море. Сразу предупредили, что Мёртвое море мелеет, за год его глубина меняется приблизительно на метр. Всему есть свои причины. Раньше в Мёртвое озеро поступали воды из реки Иордан, но уже много лет как в районе Кинеретского озера была выстроена плотина, и полноводная река превратилась в речушку. Воды расходятся на нужды сельского хозяйства и городской жизни. Экологи по этому поводу молчат. Я вспомнил в момент рассказа гида и о когда-то нашем Аральском море.

Во всём безжалостном свете дня встало наконец и Мёртвое море. Слепящая кольчуга долины. Дорога бежит по бесконечно пустынному берегу, окаймлённому белой кромкой соли. Как неэстетические, пропускаю промышленные виды химических комбинатов и соляные разработки. Огромные белые кучи — это поваренная соль, розоватые — с присутствием марганца, а в серых кучах с металлическим отливом — кажется, бром или какой-то другой необходимый для жизни металл. Где-то приблизительно в этих районах, по крайней мере — в этой долине, существовали легендарные библейские города: и Иерихон, и Содом, и Гоморра. Археология постепенно доказывает существование всего, о чём ранее писала Библия. Наш русскоговорящий гид Володя — он откуда-то из Украины, два раза подчеркнул, что не еврей,— рассказывает для непосвящённых все эти библейские легенды, даже показывает что-то похожее на соляной столб, в который превратилась любопытная жена Лота. Все ахают и разглядывают диковину. В автобусе пятьдесят три человека; уже сразу — по вопросам — и позже, когда мы приехали в Иерусалим и началась уже друга серия вопросов по православию и христианству, я поражался неграмотности и необразованности наших соотечественников. Какие времена, такие и люди. Кажется, никто не только не открывал Библии, но никто не держал в руках и Евангелия. Но и об этом в своё время...

Море, кажется, так крепко пересохло, что теперь как бы образовалось их два: одно — мелкое и небольшое, первое, если

ехать от Эйлата, а другое — всё-таки побольше, а между морями — довольно значительное болото и канал, чтобы как-то подпитывать одну часть водной глади за счёт другой. Есть проект среднюю часть моря, дабы уменьшить испарение, совсем «обсушить».

Курортная часть Мёртвого моря — это некий рукотворный оазис. Слово «оазис» я в своё время узнал из школьной программы, когда совсем был маленьким, потом уже прочёл стихотворение Лермонтова про три пальмы. Земля, правда, там была аравийская. Знает ли современный школьник слово «оазис»? На берегу стоит несколько очень хороших и, видимо, дорогих отелей, эти самые пальмы, цветы,— всё, естественно, на искусственной подпитке: к каждому цветку, так же как и в Эйлате, подведена трубка, по ней по капле сочится вода. Объяснения нашего гида о лечебных свойствах грязей, солей и климата Мёртвого моря я слушал с большим интересом. Если бы я был достаточно богат, то, конечно, летом уехал бы сюда на месяц, но можно и зимой. Так как море чуть ли не на четыреста метров ниже уровня Мирового океана, то воздух здесь перенасыщен кислородом, вдобавок ко всему в воздухе молекулы брома, йода, какие-то другие очень полезные молекулы, просто рай для астматиков. Но автобус тем временем тормозит.

В этом раю для имущих нам разрешили побыть тридцать минут — съесть в кафе свои завтраки, которыми нас снабдили ещё в гостинице, вымыть в туалете руки, и желающие могли сбегать к самому морю. Вода на ощупь будто бы мыльная — это от огромного количества щёлочи. Естественно, дверь с дверью с кафе, где мы расположились со своими коробками, работал магазин. В магазине продавалась чудодейственная косметика местного производства. Дамы, конечно, заворковали там. Кстати, где-то в районе Мёртвого моря в библейские времена существовало селение, в котором местные знахари готовили какой-то невероятный эликсир, дающий почти бессмертие. У знахарей пытались рецепт снадобья выведать. Знахари не выдавали, тогда всех знахарей вместе с их секретом поубивали. Картинки для нашей жизни типические.

Меня поразило, как много я за один обхват узнал и увидел. Как обо всём этом я мечтал со школьных лет! По дороге в Иерусалим — ехать почти четыре часа — на гребне горы показали и знаменитую крепость Моссад. О её осаде римскими легионерами и о стойкости её защитников, которые предпочли убить себя и свои семьи, нежели сдаться врагу, ходит множество легенд. Недаром выпускники военных училищ и академий Израиля, по словам нашего гида Владимира Владимировича,

именно на территории этой крепости — снизу туда сейчас ведёт фуникулёр — принимают присягу. Смысл клятвы и присяги общепонятен: лучше умрём, чем ещё раз отечество попадёт в зависимость от захватчика. Бедное отечество попадало в эту зависимость неоднократно. Так вот, рассказывая легенду о защитниках, наш гид неожиданно восхитился не их самоотверженности, а упорству римских легионеров. Дело в том, что с одной стороны крепость стоит на огромном, резко обрывающемся утёсе, а вот с другой — на краю огромного, чуть ли не сто метров в глубину, ущелья. Воды и питья у осаждённых израильтян было вполне достаточно. Крепость казалась совершенно неприступной. Так вот, дотошные римляне четыре месяца подряд корзинками носили и закидывали ущелье камнями. И — закидали. Это тоже стойкость.

Но вот уже и белый Иерусалим.

Есть на свете вещи, которые не стираются из памяти со временем. Иерусалим такой же белый и конкретный, каким я его впервые увидел лет двадцать пять назад. Тогда я автобусом приехал из Хайфы. По пути гид рассказывал о некоторых зданиях: там министерство, там кнессет. На этот раз это было, скорее, паломничество, чем экскурсия. Но тогда не было обзорной площадки на холме, под зданием университета. Отсюда гид Володя показал нам знакомый мне, но никак за это время не постаревший город. Различимы были и Храмовая гора, и монастыри, и тёмным пятном виден Гефсиманский сад, Хевронское ущелье и многое другое, что впервые было названо, а потом увековечено в Евангелии. Потом всё это удалось поподробнее разглядеть, когда мы довольно медленно, преодолевая уже возникшие, на этот раз к счастью, городские автомобильные пробки, спускались вниз, чтобы ехать в Вифлеем. Больше всего меня на этот раз поразили раскопки на вершине горы. Небольшое остаточное раскопанное археологами захоронение — норы в податливом камне, куда, как правило, по двое закладывались покойники. Всё это потом приваливалось каменной плитой. Могилу Христа нашла императрица Елена именно потому, что она была одиночная. Но над этими древними пустыми могилами стоял университет, и тут же — огромная каменная плита, на которой были помещены списки жертвователей на университет, внёсших в его казну не менее одного миллиона долларов. С некоторым чувством восстановленной справедливости гид указал нам на фамилию беглого нашего олигарха и бывшего ректора РГГУ Леонида Невзлина. «Его ищет Путин!»

И всё же, и всё же! Самое сильное впечатление — это, как и

прошлый раз, и тоже из окна автобуса, огромное древнее кладбище, раскинувшееся в центре города на склонах Хевронского ущелья. По склону видны многие и многие тысячи могил с почти одинаковыми каменными надгробиями. Мне вообще дорога такая постановка жизни, когда в центре города может находиться кладбище. Разве мёртвые не всё время присутствуют в нашей жизни? Впрочем, здесь есть какая-то ритуальная хитрость, и упокоенные на этом кладбище вроде бы без особых проверок попадут сразу в рай. Опять сведения от гида: могила здесь стоит от пятисот тысяч до одного миллиона долларов. Опять в голову влетела шальная мысль: не здесь ли похоронен отец нашего В. В. Жириновского?

Собственно, город мы больше не увидим. Мы ведь не на экскурсии, а почти в паломничестве. Автобус едет к изначальной точке и нашего христианского мира, и нашей веры — в город Назарет. Здесь родился Христос, этот библейский рассказ все знают. В Назарете я не увижу ничего нового, это много раз и виденное по телевидению, и хорошо запомнившееся по первому моему посещению этих мест. Почему же одно долго и крепко хранится в нашей памяти, а другое исчезает? Тогда всё было неожиданно и непривычно — святые места ещё не было принято показывать по телевизору. Показывали некие исторические места. Я, как русский человек, не могу не быть полностью атеистом. И вот во всех этих местах, у вех священных и памятных знаков святой истории, я про себя повторял и повторяю сейчас только одну молитву: Господи, дай мне веру. Дай мне веру безоглядную и всеобъемлющую, какой владели все мои предки. Господи, помоги мне обрести себя и Тебя, Господи!

Собственно, вся обстановка святых мест мне была хорошо и подробно знакома. Я даже помню низкий вход в храм Рождества, почти лаз. Наш гид Володя тут же всё разъяснил, развеяв моё прежнее незнание. В этом храме раньше вход был устроен по-другому. Как и многое на Святой земле, храм был построен святой Еленой. Уже потом он был и разрушен турками, и перестроен крестоносцами. Раньше в первом храме вход был высокий и торжественный. Но позже, когда святые эти места были взяты турками, вход в храм, вернее, огромные храмовые ворота были перестроены. На храмовой площади в то время расположился базар, и вот, чтобы лихой джигит не смог заехать в храм на лошади или верблюде, ворота уменьшили один раз, превратив в дверь, а потом и в некий лаз. Сейчас я всё это разглядывал заново. Главное и основное было освоено и прочувствовано давно, а вот теперь я, естественно, восхищался открывшимися совсем недавно первозданными, Константиновых

времён, мозаиками и замечательными цельными колоннами. Что же видели эти тёмные, как кровь, камни?

Чего не написал — это о стенах, которые отгораживали эту область Палестины, город Назарет, от соседнего Иерусалима. Бетонные, в три или даже в четыре человеческих роста, плиты и огромные, охраняемые солдатами ворота. Раньше этого не было. А вот сначала в магазин за сувенирами и подарками, а уже потом в храм — это было и в прошлый раз. Тогда это невероятно меня раздражало, теперь я стал терпимей: люди всегда хотят видеть что-то вещественное, производное от их переживаний. Многое изменилось, если так можно сказать, в идеологической обстановке посещения святых мест. Раньше я никогда не слышал, что святые места — это те места, где весь священный товар, который вы купили в местном магазине, может быть освящён без помощи священника. Покупайте, покупайте, покупайте!

Ну а теперь снова в Иерусалим. Здесь — храм Гроба Господня. Наконец-то я ответил себе на вопросы, которые не мог разрешить, когда впервые побывал в этих местах. А где же, собственно, вся каменная скала? Где вся Голгофа? Просто, по гениальному промыслу императрицы Елены, вся скала была заключена, как в футляр, в здание храма. И вот на самых нижних этажах храма, уже на довольно значительной глубине, можно увидеть её святое подножье. Судя по всему, присвоив звание святой, церковь не очень любит уточнения и подробности. А ведь сохранению большинства святынь Палестины мы обязаны этой властной женщине, которая видела вещие сны и к которой приходили видения. Именно она приказала разрыть основание скалы, и под грудой наслоений нескольких веков нашли когда-то сброшенные после казни три креста. На одном распяли Христа, на двух других — разбойников, которые рядом с ним тогда тоже стали святыми. Собственно, в огромном храме сохранились все упомянутые в Библии места скорби: поругание, когда с Христа сорвали одежду, осмеяние — «ты царь иудейский», место самой казни — это наверху, на втором этаже храма. Здесь виден кусок скалы с трещиной, куда вставляли кресты с распятыми на них разбойниками. Место, где стоял крест с телом Господа Иисуса Христа, скрыто под алтарём. Чтобы прикоснуться к этой святыне и ощутить пальцами вечный трагический холод этого места, надо опуститься на колени и проползти под покров. Я пишу об этом так подробно, чтобы как можно крепче сохранить всё и в собственной памяти. Но здесь же есть, но уже внизу, на первом этаже храма, место Воскресения. Это каменное ложе, на котором лежал всегда живой, но на тот момент безжизненный. Это отполированный тысячами ладоней камень. Он, так же как

камень, которым была завалена пещера, заключён в особую часовню. Всё это подлинное, но время многое не пощадило. Храм ведь несколько раз разрушался. Турки пытались срыть пещеру, осталось только основание. Потом этот храм, как и храм Рождества, был восстановлен — правда, в меньших объёмах,— крестоносцами. О подлинности этих мест говорит то, что внизу, в подвалах, найдены остатки старинной каменоломни и еврейского кладбища, в которых и было захоронено тело Христа. Господи, как мало мы знаем в своём суетливом тщеславии. Но я всё-таки иду по своим поверхностным впечатлениям. Здесь же, в храме, есть ещё и святое место миропомазанья — довольно большой камень, на котором был умащён, в соответствии с обычаем, покойный. Каждое такое памятное место занимает отдельную часть в нашем сознании, над каждым курится дым святости и многих рассказов. Но здесь всё это рядом; это для жизни Бога нужно много и пространства, и времени, а человеческая смерть умещается на малом пространстве. Господи, говорю я постоянно себе, помилуй и дай веру мне в Тебя и в собственную бессмертную жизнь.

<…>

3 февраля, пятница

Как добросовестный хроникёр, должен сказать: поездка в Пе́тру обошлась каждому из нас почти по триста без малого долларов на человека. Во-первых, конечно, эти деньги ничего не значат. Я сравниваю с бесценным, что мы увидели в этой поездке. Во-вторых, эта значительная сумма позволяет задуматься, что же такое индустрия туризма, как много она может означать в экономике страны. Ну, в данном случае — двух стран. Для того чтобы увидеть легендарную Петру, надо было из Израиля выехать и оказаться в другом государстве, в Иордании, а уже потом снова вернуться в Израиль. И вот пункт первый: за таможенные услуги, как нам сказали, нам отдельно пришлось заплатить пятьдесят пять долларов с человека. В чью казну эти доллары попадали, я не знаю, но это не пустые деньги.

Должен сказать, что я сильно ошибался, когда объяснял С. П. в тот момент, когда мы ехали из аэропорта в отель, что та кромка беленьких домов и посёлков, которая идёт по левой — по движению — стороне долины, где была уже иорданская сторона, — это сплошная нищета. Я предполагал, что это скудная жизнь крестьян и скотоводов. Как только рано утром мы пересекли границу, пройдя все не такие уж простые формальности, я убедился, что мои знания о жизни этой страны — книжные и воспитаны нашей пропагандой. Вспомнил я и то, как довольно уничижительно во время первой «ознакомительной» экскурсии наш гид рассказывала о стоящем напротив Эйлата иорданском порте Акаба. И порт, и город Акаба — это свободная зона, а сам город — впечатления, когда мы уже возвращались из экскурсии и останавливались в нём уже поздно вечером,— совершенно не уступает Эйлату. Кстати, и многое другое о жизни и этой страны, и вообще Востока — это плод чьей-то диффамации. И на иорданской части Мёртвого моря стоят химические заводы, и всё же большая часть этого моря принадлежит Иордании, и здесь, в Иордании, тоже есть прекрасная гроздь отелей, где лечатся этой водой и этой целебной грязью. Но это всё общие соображения — пока наш автобус мчится по прекрасной скоростной магистрали в глубь страны. Опять два кустика сведений. Параллельно шоссейной дороге идёт железнодорожный путь, по которому из Иордании вывозят драгоценные для сельского хозяйства фосфаты. По запасам и добыче фосфатов Иордания находится на одном из первых мест в мире. Железная дорога построена в своё время турками, чтобы возить паломников из порта Акабы в Мекку. А вот

что касается дорог шоссейных — это в основном местная «самодеятельность»: это сделали инженеры-дорожники, учившиеся в основном в Советском Союзе и Украине. Наш иорданский гид Мухаммед, плотноватый мужик лет сорока пяти, уже в постсоветское время учился в Украине и получил специальность менеджера по туризму. Он неглуп, как видим, образован, и не только по диплому; его русская речь свободна, хотя и не совсем правильна; в тех сведениях, которые он даёт, много исторической науки, а не сказочных вымыслов.

Горная часть Иордании оставляет после себя ощущение невероятной мощи природы. Так измять, буквально как бумагу, тяжёлые складки массивных хребтов неспособны никакие земные силы. Боюсь, что неподвластно это и силам атомным, которые многое могут. Почти нет никаких растений, живая только дорога, пробитая в этих местах непонятно какими силами. Я ещё, как автомобилист, подметил, что дорога тщательно ухожена, все трещины залиты битумом. Опять невольно вспомнил нашу жизнь: здесь дорога от одного ремонта до другого, а тем временем трещины разрастаются, выбоины расширяются, а деньги, отпущенные на повседневный ремонт, раскрадываются. Я не уверен, что этот дикий горный пейзаж я могу сравнить с чем-нибудь подобным и доступным нашему воображению. Такие мощь, космическое безлюдье и самоотрешённость, которые недостижимы ни нашему Кавказу, ни даже Памиру. Впрочем, я видел и Тибет. Здесь другое — непослушное, самостоятельное, дикое и отчуждённое от человеческой жизни.

Вот через эту горную часть, всё время как бы поднимаясь, машина мчит, пока мы не въезжаем на удивительное плоскогорье. Это пустыня с легендарным названием, таким же, как и в Израиле, Негев. Просто это огромное плоскогорье, разрезанное долиной, по которому раньше протекал полноводный Иордан. Сравнение этого участка нашего пути и местности уже найдено до меня. Это пустынное, мрачное даже под солнцем и холодное сейчас пространство усеяно отдельно высящимися скальными образованиями; именно отсюда, думаю,— «лунный пейзаж». Слова эти произнесены нашим гидом. «Лунный пейзаж» величественен каждую секунду своего существования, когда ты проносишься мимо него, но не живёт в конкретных деталях. Он удивляет, пугает, поражает, как некоторое абстрактное начало или вечность. Вечность, как категория внечеловеческая, всегда пугает.

Гид показывает отдалённую гору с небольшой белой точкой на макушке. Это мечеть над могилой одного из библейских героев, брата Авраама — Аарона. Путь на вершину этой горы, по

словам гида, занимает четыре с половиной часа

Где-то здесь же, на сходе с этого горного плато или где-то в его середине — весь двухсотпятидесятикилометровый путь запомнить невозможно,— первая торговая по пути к Петре и в глубь Иордании точка. В совершенно голом и каменном месте — довольно большой крытый рынок. Сразу и магазин, и буфет, и туалет. Судя по огромному набору вещичек и сувениров, которые могли бы приглянуться нетребовательному туристу, этот центр торговли и гигиены рассчитан исключительно на приезжих. Да и торговля здесь — от одного туристического автобуса до другого. Двадцать минут — техническая остановка. Я довольно долго хожу от прилавка к прилавку. Мне этот этнографический музей, выставка этнографии даёт возможность понять, чем и на что живёт народ. Наконец я подхожу к большому прилавку с кольцами, браслетами, перстнями, серьгами. Всё это из серебра, не очень дорогое, но сделано по неповторимо индивидуальным лекалам. Бирюза, какие-то жёлтые камни, серебряные кружева оплёток и оправ. И тут внезапно сердце у меня замирает — входит тупая игла. Я вспоминаю Валю, её кольца и браслеты, которые я раздал после её смерти. Всё это до сих пор стоит у меня перед глазами. С. П., который тоже бродит где-то рядом, подходит ко мне — он тоже, глядя на эту витрину, вспомнил о В. С.

Теперь Петра — этот удивительный комплекс, созданный союзом человека, сделавшего невероятное, и природы, только чуть пошалившей. Природа чуть по каким-то внутренним швам раздвинула огромный горный массив, человек обжил и освоил пространство между скалами. Одно немедленно стало ясно: что наше телевидение, бессчётное количество раз показавшее и главную достопримечательность этих мест — храм «Сокровищница», совершенно не в состоянии передать ни величие этих мест, ни величие человеческого гения.

В природе человека есть стремление умолчать о самом дорогом и откровенном. Видимо, человек останавливается, чувствуя неспособность передать величие прочувствованного. Я тоже не могу адекватно описать то, что я видел, хотя кажется, что забыть ничего не смогу. Повторяю, видел я за жизнь, пожалуй, очень многое. Приблизительно два километра шли мы по очень узкому ущелью, которое вело ко входу, а может быть, и к выходу в удивительный город. В начале этого ущелья в скалах были видны тщательно отделанные входы в пещеры. Это были гробницы. Здесь тоже возникал вопрос: почему ни в одной из гробниц археологи не нашли ни одной человеческой кости? Или: как люди могли жить в такой удивительной близости к мёртвым? Но это

уже не для моего носа. По словам нашего гида, существует двадцать шесть версий истории происхождения и бытования этого города.

Потом ущелье расширилось до довольно большой площади. В одной из скал, в которых эта площадь, как в колодце, располагалась, был вырублен в отчётливо римско-греческом стиле огромный, высокий и глубокий храм. По недомыслию аборигенов, впервые после пяти веков забвения открывших этот храм, они решили, что в некой вазе, в сферическом украшении, венчающем всю постройку, они найдут казну правителя. Начали стрелять, что-то покололи, испортили форму. Покинув эту площадь, ущелье недолго продолжалось, демонстрируя всё новые и новые места захоронений и молений. А потом открылась довольно широкая долина. Ну, здесь была атрибутика целого римского города. Широкая улица с крытой галереей, несколько огромных храмов. Кое-что — и немало — в этой долине было расчищено за счёт американских денег, которые не так прилипают к рукам американских миллиардеров, как у наших. В городе, по подсчётам, проживало около тридцати тысяч человек, а девять тысяч зрителей помещалось в местном театре. Всё привычно, как я видел в Афинах, в Трое, на Сицилии и в Испании.

Вот именно у театра характер нашей экскурсии изменился. Ещё раньше нам предложили: или возвращаться пешком по тем же местам и через то же ущелье, по которому мы уже шли, к началу пути, или — туризм и коммерция неразделимы — за сто шекелей с каждого носа сесть верхом на ослика и отправиться через раскопки наверх, к месту общего сбора. Но это уже совсем другие мысли и совсем другие виды.

На осликов мы садились у античного театра. Ослика подводили к одному из фрагментов античной колонны. И с него уже надо было взобраться в седло. Пришлось вспомнить юность — я тогда ездил верхом в каком-то клубе проката на Бегах в Москве. Наконец — самое последнее. Не очень богатые — по крайней мере, значительно беднее, чем американцы,— иорданцы начали расчищать это ущелье, в котором заблудилась древняя Петра, ещё в шестидесятых годах. Всё было засыпано песком на пять-девять метров. Но ведь дорыли до римских мостовых, до водопровода, который шёл по бокам ущелья. Но сколько же народа теперь кормит этот туризм!

4 февраля, суббота

Ни на одну минуту я не забывал, что в Москве должно было состояться несколько митингов. Но то телевидение, тот русский канал, который владеет зарубежным пространством, работает очень своеобразно. Здесь, в отличие от нашего внутреннего телевидения, которое иногда прерывает свои пляски и оптимистический вой, пляшут и поют почти без перерыва, с утра и до вечера. Это тяжёлое дело — сидеть у себя в номере с включённым телевизором и смотреть шуточки двух старых мужиков, переодетых бабками, и мелодекламацию и пение той части телевизионной стаи, которая называет себя поющими. Наконец, в десять часов вечера, поющий и пляшущий шабаш прекратился, и достаточно развёрнуто, но с никогда не известной достоверностью, показали несколько митингов. На этот раз оппозиция объединилась: коммунисты, националисты, мироновцы и кто-то ещё прошли своим шествием и отмитинговали на Болотной; но огромный, явно, по сведениям телевидения и по картинке, больший митинг состоялся на Поклонной горе. Это уже митинг в защиту Путина! Наконец, митинг двух старых союзников, Новодворской и Борового, на проспекте Сахарова — это уже жалкое зрелище. Здесь уже была какая-то ничтожная и даже оскорбительная для организаторов явка, чуть ли не триста человек. Митинги и за «честные выборы», и в защиту Путина, то есть «не дадим развалить Россию», «нет — оранжевой революции», прошли, как следует из телевизионных новостей, по всей стране. Мне кажется, что здесь противоборство идеологий двух этносов. Русские не хотят идти под ярмо либералов, которые в основном представлены еврейской интеллигенцией. А тем временем Путин испытанным путём объезжает всю страну, меняя свой курс. Мне кажется, он наконец-то почувствовал своё одиночество от команды. Она, конечно, сдаст его на съедение тут же, как только ей придётся выбирать. По крайней мере, с ним воюет та часть интеллигенции и масс, которую поддерживала его администрация.

Если разбираться в феномене, почему Путин, рейтинг которого понижался месяц за месяцем, так быстро набирает былую популярность, он заключается, на мой взгляд, именно в тенденциозной оппозиции к нему нетерпимых. Жириновский — это «свой», Зюганов — привычный, но вот возникла трибуна, состоящая из людей иных, в том числе и этнических, взглядов на жизнь страны. Вот тут страна и ощетинилась.

<…>

6 февраля, понедельник

<…>

По «Эху Москвы» с некоторой грустью говорят о том, что, скорее всего, Путин победит на выборах. Правда, сегодня опубликовали список доверенных лиц Путина на этих выборах. Многие из этих популярных лиц мне просто отвратительны, и, зная многих, я понимаю, почему они взяли на себя эту почётную миссию. Нет, я прекрасно понимаю почему… Наверное, потом будут говорить своим либеральным друзьям, что не могли отказаться, что, дескать, вынуждены были пойти на это из-за коллектива…

7 февраля, вторник

К одиннадцати приехал в институт. Собственно, приехал, чтобы побывать на семинаре у Вл. Юрьевича Малягина. Были некие сигналы о его не очень обязательном чтении студенческих работ. Наших студентов иногда не поймёшь: то они требуют мастера, то требуют няньку.

<…>

Довольно интересно говорил Малягин о своём чтении пьес на одном из конкурсов молодых. Одна из самых распространённых моделей с таким набором действующих лиц: проститутки, маньяки, гомосексуалисты. Все ориентируются на телевидение. Многим кажется, что если взять дно общества, то уже получится драма. Восемьдесят процентов — это чернуха. Кажется, если взять подонков общества — уже гарантирована драма.

<…>

9 февраля, четверг

<…>

О Путине я пишу довольно часто; он похож на медведя, обвешанного лающими собаками. Путин отмахивается лапой. Правда, последнее время он как-то занервничал, всё время проводит какие-то встречи. Я уже не говорю о его списке доверенных лиц, в которых артисты и спортсмены. Артисты должны принести голоса зрителей, а спортсмены — болельщиков? Я при подобном раскладе поступил бы наоборот. Вчера Путин встречался с руководителями разных конфессий. Я знаю конфессию, в которой только несколько Марков, и только потому, что они имеют разум и опыт, проголосую за него. Путин

недаром говорил о радиостанции, которая просто объявила ему войну. Но, впрочем, бывают и исключения. Марков, наверное, больше, чем я думаю. Сегодня выступал Михаил, кажется, Хазин — просто блестящий аналитик. Среди прочего повторил и недавний тезис Путина об олигархах и приватизации. Примеры из лондонской тяжбы Абрамовича и Березовского. Общество не признаёт легитимной прошедшую приватизацию. При этом все говорят, что не надо революции и выступлений масс. А Ленин революцию называл праздником истории. У меня-то ощущение, что если что-то быстро не поменяется, то революция может грянуть. Недавно об этом говорили в институте. Я ведь отчётливо понимаю, что в этом случае я, одинокий и старый человек, наверняка пострадаю. И всё же чувство справедливости во мне клокочет: пусть сильнее грянет буря!

Днём поехал в «Литгазету», чтобы отвезти Лёне Колпакову книгу о Вале, а после сходить на выставку Семёна Кожина. Выставка — в специальном аукционном зале Торгового двора. Прелестный зал начала прошлого века, модерн. Ходили, наверное, с час. Живопись, как и театр, обладает какой-то витальной силой и выпрямляет психику. Прекрасные пейзажи России, Англии, Ирландии. Среди работ — дом Лоуренса Оливье и Вивьен Ли, об этом доме я читал у Дзефиррелли. К сожалению, здесь далеко не всё, что Семён написал,— нет оригинала огромной акварели из Ирландии, которая висит у меня дома. И нет многих полотен, которые репродуцированы в его большом альбоме. Я пообещал Семёну позвонить Мише Фадееву: может быть, Миша, как первоклассный галерейщик, ему поможет с продажей. Всё это в манере академической, от которой никогда не устаёшь, живописи.

Звонил С. Чупринин: они выдвигают Ваншенкина на премию Москвы. Я боюсь, что это повредит Максиму. Но так мы никогда ни одного молодого не пробьём.

<…>

11 февраля, суббота

<…> Сегодня день памяти Ирины Константиновны Архиповой. Днём в храме отслужили в её память; говорят, очень хорошо пели её коллеги. А вечером в Рахманиновском зале Владислав Пьявко устроил концерт. Было на улице холодно, что-то около двадцати. Сумел по телефону уговорить С. П. Он подошёл что-то к пяти, принёс мне рыбу, которую купил в Тёплом Стане, и мы с ним поехали. Машину оставили у театра Марка

Розовского. Я ещё раз как-то подумал, каким образом под достаточно средний театр получено и отремонтировано такое роскошное здание. Вот что значит дружить с мэром и либеральными властями.

В программе концерта стояло так: все вокальные сочинения Свиридова. Одни поют Массне и Верди, а кто умеет, не забывает и о Свиридове. Я думал, что это будет просто хороший концерт, но оказалось, что я присутствовал при явлении искусства. Каким редким умением выхватить мелодию из сердца обладал этот ученик Шостаковича. И какой редкий сплав музыки и поэзии ему удавался. Иногда не знаешь, кто кого ведёт. Но надо ещё сказать, что и аккомпаниатором, и автором всего проекта была замечательная пианистка, профессор Елена Савельева. Про себя отмечу: ещё и очень красивая женщина. Всё соединилось к успеху. Свиридов, к чести композитора отмечу, писал свои шедевры не на слова всё время присутствующих на телевидении Резника и переводчицы с японского… а на стихи Пушкина, Блока, Есенина, Маяковского, Лермонтова и тоже очень неслабого и, как и все предыдущие авторы, отчётливо национального Александра Прокофьева. Всё нарастало от номера к номеру. Овацией проводили уже первых исполнителей — певиц Екатерину Маркову и Анну Викторову, потом с невероятной точностью и силой пел Владимир Байков, красавец-бас. Ему великолепно вторил на флейте-пикколо Артём Науменко. Молоденький, почти хрупкий мальчик с виртуозным мастерством. Надо бы мне это имя запомнить. Когда на сцену вышел хор имени А. В. Свешникова и спел три хора из музыки к трагедиям А. К. Толстого, я думал, что это уже апогей концерта. Выше уже подняться, казалось, было невозможно. Тем более что дальше в программке значилось: «Страна отцов» — поэма для тенора и баса на слова А. Исаакяна. Мыслилось так: дежурная музыка гения на тему дружбы народов. Вот это и стало неповторимой кульминацией вечера. Ну, естественно, пел и В. И. Пьявко. Удивительно, но эта поэма с пятьдесят первого года, когда её исполнили в Ленинграде, больше не исполнялась. Я думаю, что это связано с отсутствием нужных голосов. Какую божественную перекличку устроили Байков и Пьявко! Но и какой божественный смысл при этом высекался из стихов Исаакяна, которые так просто и значительно перевёл Блок.

Не могу умолчать и о небольшом инциденте. Где-то в середине Пьявко не смог взять особо высоко, трагически высокую ноту, которую надо было ещё взять, не подъезжая к ней, а резко, с перепадом. Он её не взял. И тут случилось как в цирке, когда атлет не уходит с арены, пока не исполнит во второй раз

смертельный трюк. Владислав Иванович остановился, аккомпаниатор вернулась на несколько тактов назад, и этот крик с отвесной горы наконец-то прозвучал. Какой был триумф!

12 февраля, суббота

В Москве жуткий холод. Ездил на Ленинградский вокзал покупать билеты в Ленинград себе и Лёве Аннинскому. Мы едем в Гатчину на встречу с читателями. Всё стало проще, очередей в кассах никаких, вокзал не могу сказать, что полон пассажирами. Но вот в вестибюле метро на Комсомольской площади — отогреваются — огромное количество бомжей и нищих.

Сижу дома, не читаю и не пишу, лениво просматриваю Интернет. Воруют генералы и полковники, и их сажают. Как тенденция — за последнее время много детских самоубийств. Сегодня: «В Москве школьница выпала с двадцать третьего этажа». Несколько дней назад в подмосковной Лобне две четырнадцатилетние девушки покончили с собой. А в селе Тамбовка Амурской области во дворе своего дома повесился подросток. А несколько дней назад опять выпрыгнул из окна московский подросток. Мы опять и здесь чуть ли не первые по всему миру.

Вчера по телевидению, которое почти не смотрю, показали встречу Зюганова с подмосковными текстильщиками — павловские платки. В процессе встречи выяснилось, что в форме наших военнослужащих нет ни одной капли ткани с русской шерстью, какой уж здесь русский текстиль. Так талантливо наше министерство обороны расходует свои деньги. Обязательно эту информацию постараюсь вставить в свой новый очерк о Зайцеве.

Так как телевизор смотрю мало, то сегодня устроил себе день просмотра. Самое любопытное — это реакция лучших людей страны на два предвыборных предложения В. В. Путина. Аудитория состояла ещё и из самых богатых людей — промышленники и деловые люди. В первом случае Путин поднял тему о приватизации девяностых. Боже мой, какие телевизионная камера показала кислые лица в дорогих итальянских костюмах. Во втором случае, обращаясь почти к такой же аудитории, В. В. Путин спрашивал у итальянских костюмов, как они относятся к налогу на роскошь. Какое здесь раздалось упоительное хихиканье! Какие подмигивания: наш-то что творит!

13 февраля, понедельник

С утра выбирал цитаты из книги, которую уже читаю несколько дней. Это огромный том документов и публикаций, посвящённый истории возникновения и ситуациям вокруг Сталинских премий. Выписывая цитаты, я обратил внимание, что книжка стоит тысячу рублей, но стояла бы мёртвым грузом, если бы случайно не попала мне на глаза. В этом и ещё одно преимущество традиционных библиотек перед разными электронными приборами. Уже глаз на полках рифмует смыслы. Естественно, кое-что интересное и поучительное для себя и времени нашёл. Например, злорадство соратников по искусству, когда начались первые неприятности в Камерном театре, которым руководил Таиров. Театр поставил пьесу Демьяна Бедного «Богатыри», в которой издевательски освещено Крещение Руси.

Ценин, заслуженный артист Камерного театра: «До тех пор, пока не кончится монархия в нашем театре, до тех пор, пока единолично все вопросы будет решать Таиров, не считающийся с ведущими работниками театра, до тех пор театр будут преследовать политические провалы».

Станиславский, народный артист СССР: «Большевики гениальны. Всё, что делает Камерный театр,— не искусство. Это формализм. Это деляческий театр, это театр Коонен».

Леонидов, народный артист СССР: «Когда я прочёл постановление комитета, я лёг в постель и задрал ноги. Я не мог прийти в себя от восторга: как здорово стукнули Литовского, Таирова, Демьяна Бедного. Это страшней, чем 2-й МХАТ».

Яншин, заслуженный артист МХАТа: «Пьеса очень плохая. Я очень доволен постановлением. Нельзя негодными средствами держаться так долго. Сейчас полностью выявляется вся негодность системы Таирова. Чем скорее закроют театр, тем лучше. Если закрыли 2-й МХАТ, то этот нужно подавно».

Хмелёв, заслуженный артист МХАТа: «Совершенно правильное решение. Руководство видит, где настоящее искусство, а где профанация его. Надо ждать за этим решением ликвидации Камерного театра. Этому театру делать больше нечего».

Кедров, заслуженный артист МХАТа: «Если закроют Камерный театр, одним плохим театром меньше будет».

Станицын, заслуженный артист МХАТа: «Это театр, в котором плохо играют, плохо поют, плохо танцуют. Его нужно закрыть».

Самосуд, художественный руководитель Большого театра: «Постановление абсолютно правильное. Камерный театр — не театр. Таиров — очковтиратель. Идея постановки «Богатырей» порочна. Демьян Бедный предлагал мне эту пьесу ещё в

Михайловский театр, но я от неё отказался».

Мейерхольд, народный артист республики: «Наконец-то стукнули Таирова так, как он этого заслуживал. Я веду список запрещённых пьес у Таирова, в этом списке «Богатыри» будут жемчужиной. И Демьяну так и надо. Но самое главное в том, что во всём виноват комитет и персонально Боярский. Он меня травит».

В этой же книжке есть замечательный эпизод, связанный со Сталиным, о котором так много последнее время пишут, и в основном с эпитетами «кровавый». Этот эпизод можно назвать так: «Как возникла Сталинская премия».

«В тридцатые годы, чем дальше, тем больше, культ Сталина разрастался до невероятных размеров. Любое слово вождя, где бы оно ни было произнесено, немедленно подлежало публикации. И каждый раз, будь то его выступление на съезде, статья в газете или изданные миллионными тиражами книги, в приёмную Сталина привозились аккуратно запечатанные пачки новеньких банкнот — очередной гонорар.Все деньги, которые поступали на имя Сталина. Поскрёбышев складывал в огромный металлический шкаф, который стоял в приёмной. Однажды, это было в начале 1939 года, после того как из издательства в очередной раз привезли новую порцию денег, Поскрёбышев стал укладывать их в шкаф и уронил несколько пачек на пол. Он опустился на колени, принялся их подбирать, и в это время в комнатку вошел Сталин. Он молча посмотрел на пачки денег в банковской упаковке, лежащие на полу, на испуганное лицо Поскрёбышева и буркнул:— Зайди!»

Дальше, после того как Поскрёбышев объяснил, что это за деньги, Сталин созвал членов Политбюро для традиционной разборки.

«— Как позволяет вам ваша партийная совесть получать деньги за то, что вы говорите или пишете от имени партии? У нас есть талантливые писатели, учёные, но мы им не платим столько, сколько платят вам. Поэтому предлагаю всё, что вы получили за партийные публикации, немедленно вернуть в бюджет. И начнём с меня. Видите — в приёмной уже сидят люди и принимают деньги. И сегодня же оформим постановление, запрещающее издательствам выплачивать гонорары за выступления или печатные публикации членам и кандидатам в члены Политбюро,

членам ЦК, а также наркомам и замнаркомам».

Любопытно, можно ли кого-либо из наших министров или просто больших начальников оттащить от денег? Для завершения сюжета сообщу: именно во время этой сталинской разборки кто-то из соратников предложил: а почему бы этими деньгами не начать финансировать некую премию?.. Дальше какой-то счастливец выдавил из себя слово: Сталинская.

Продолжение этого сюжета — следует. Книга не дочитана.

Днём приходила девушка-корреспондент из «Вечерней Москвы». Довольно быстро выяснилось, что она заочница из нашего института — Женя Коробкова. Договорились об интервью мы чуть ли не две недели назад, когда я был в ЦДЛ на утреннике в честь Высоцкого. Мороз сегодня стоял для Москвы непривычный — чуть ли не тридцать градусов. Сразу потащил Женю на кухню греть и пить чай. Моя студентка, начитавшись моих дневников, где я довольно много пишу о собственной кулинарии, пришла со щедрыми дарами, я даже застеснялся. Здесь был кусок сыра, какое-то печенье, которое я до сих пор не раскрыл, и коробка жареной таллинской кильки в томате. В качестве интеллектуального презента Женя вручила ещё и пять номеров «Тонкого журнала», который, кажется, она и выпускает. У неё надежда на то, что у меня бывает много пишущего народа, так надо журнал раздавать. Я, в свою очередь, вытащил коробку конфет и собственного изготовления яблочный джем. Кто кого?

Прихлёбывая чай, начали разговаривать. Женя вынимает крошечный диктофон, я рассказываю, что журналисты экстра-класса обычно работают без диктофона. Рассуждаем об институте, об искусстве, я начинаю что-то рассказывать из своей практики. А до этого договорились, что газетный материал будет как бы из двух параллельных записей: моей и Жени. У Жени, кажется, есть хвосты за пятый курс, во мне заговорил преподаватель, и я объясняю, что не следует тянуть, а надо переходить к дипломной работе. Незаконченный институт не даст возможности по-настоящему заняться работой. Говорим о карьере, о том, что в начале жизни закладывается фундамент всему, что сделано будет потом. Но, как обычно, я не очень помню, что я говорю в свободном полёте. Всё у Жени в её диктофоне, потом увидим, что я наговорил.

Прощаясь, я пытаюсь всучить Жене какой-нибудь бутерброд: приедете в редакцию, попьёте чаю. Думаю, хорошо, что я вчера купил какого-то копчёного мяса, хлеб есть. Но у Жени другой план: она соглашается на банку моего собственного — яблоки тоже свои — джема. «Буду поить дам в редакции чаем, приговаривая, что это собственный есинский джем».

<...>

14 февраля, вторник

Приехал довольно рано на работу, ни Ксении, ни Надежды Васильевны ещё не было, но появился А. Е. Рекемчук и сразу же начал говорить о вчерашнем диспуте между Никитой Михалковым, сыном знаменитого поэта Сергея Михалкова, и Ириной Прохоровой, сестрой бывшего члена КПСС и нынешнего миллиардера Михаила Прохорова. А. Е. уверял, что Прохорова была активнее, наступала, буквально не давала слова сказать Михалкову, но оба были мелковаты. Возможно. Впрочем, многие говорят, что Прохоров — это опять проект Путина и Кремля и участвует он во всей этой канители, во-первых, чтобы не оказаться Ходорковским, а во-вторых, близость к власти — это всегда близость к деньгам. Я, к сожалению, этой передачи не смотрел.

Возможно, я бы и не вспомнил об этом разговоре, но вечером получил письмо от Ефима Резника, и в нём опять об этом замечательном диалоге. Вот как видится это издалека. А в Америке тоже идут предвыборные страсти. Цитату даю с «захлёстом».

«У нас вовсю идёт предвыборная кампания, мы очень опасаемся, что Обама будет переизбран, и каких дров он нарубит в следующие четыре года, страшно подумать. Он уже загнал богатейшую страну мира в долговую яму, из которой ей не выбраться за пятьдесят лет, число бедных под его «мудрым» руководством удвоилось, средний класс потерял уверенность в завтрашнем дне и т. д. Он представляет новые налоговые льготы среднему классу, натравливает плебс на богатых, всё глубже запускает руку в пенсионный (и медицинский для пенсионеров) фонд, что мы на себе чувствуем, платя за медицинские страховки всё больше и больше. Но его популистские лозунги популярны, а у республиканцев не видно сильного кандидата, который мог бы ему противостоять. Но до ноября ещё далеко, так что остаётся надеяться.Кажется, аналогичная ситуация в России. Сегодня посмотрел дебаты между Никитой Михалковым как представителем Путина и г-жой Прохоровой как представителем Прохорова, длились они целый час, но я досмотрел до конца. Г-жа выглядела гораздо ярче и напористее, но поразило мелкотемье разговора. О чём она говорила? Что библиотеки в провинции

давно не пополнялись. И с этой хохмой они идут в президенты! И вообще, что это за дебаты между «представителями», а не самими кандидатами? Какая-то пародия».

<…> В институте пробыл до семи часов. В шесть пришлось идти и открывать подготовительные курсы. Есть обстоятельства, когда приходится говорить почти то же, о чём говорил раньше, и почти в тех же выражениях. Как это раздражает.

Вечером опять, вместо того чтобы смотреть телевизор, читал прежнюю книжку о сталинских премиях, наконец-то добрался до знаменитого разговора Сталина и Эйзенштейна. Выбрал кусочки, которые как-то меня взволновали. Сталин ведь не всегда был, как сейчас его огульно хотят представить, неправ.

Россия всё-таки особая страна, и присловье: «Что русскому хорошо, то немцу смерть» — возникло не случайно.

«**Сталин**. Царь Иван был великий и мудрый правитель, и если его сравнить с Людовиком XI (вы читали о Людовике XI, который готовил абсолютизм для Людовика XIV?), то Иван Грозный по отношению к Людовику на десятом небе. Мудрость Ивана Грозного состояла в том, что он стоял на национальной точке зрения и иностранцев в свою страну не пускал, ограждая страну от проникновения иностранного влияния. В показе Ивана Грозного в таком направлении были допущены отклонения и неправильности. Пётр I — тоже великий государь, но он слишком либерально относился к иностранцам, слишком раскрыл ворота и допустил иностранное влияние в страну, допустив онемечивание России. Ещё больше допустила его Екатерина. И дальше. Разве двор Александра I был русским двором? Разве двор Николая I был русским двором? Нет. Это были немецкие дворы».

О проблемах экономики в средние века:

«Замечательным мероприятием Ивана Грозного было то, что он первый ввёл государственную монополию внешней торговли. Иван Грозный был первый, кто её ввёл, Ленин второй».

Сталин как «крутой» историк:

«**Сталин**. Иван Грозный был очень жестоким. Показывать, что он был жестоким, можно, но нужно показать, почему необходимо быть жестоким.Одна из ошибок Ивана Грозного состояла в том, что он не дорезал пять крупных феодальных семейств. Если он эти пять боярских семейств уничтожил бы, то вообще не было бы Смутного времени. А Иван Грозный кого-нибудь казнил и потом долго каялся и молился. Бог ему в этом деле мешал… Нужно было быть решительнее».

К проблемам православия в тридцатые годы:

«**Молотов**. Исторические события надо показывать в правильном осмыслении. Вот, например, был случай с пьесой Демьяна Бедного «Богатыри». Демьян Бедный там издевался над Крещением Руси, а дело в том, что принятие христианства для своего исторического этапа было явлением прогрессивным.**Сталин**. Конечно, мы не очень хорошие христиане, но отрицать прогрессивную роль христианства на определённом этапе нельзя. Это событие имело очень крупное значение, потому что это был поворот русского государства на смыкание с Западом, а не ориентация на Восток».

Об отношении с Востоком Сталин говорит, что, только что освободившись от татарского ига, Иван Грозный торопился объединить Россию, с тем чтобы стать оплотом против возможных набегов татар. Астрахань была покорена, но в любой момент могла напасть на Москву. Крымские татары также могли это сделать.

«**Сталин**. Демьян Бедный представлял себе исторические перспективы неправильно. Когда мы передвигали памятник Минину и Пожарскому ближе к храму Василия Блаженного, Демьян Бедный протестовал и писал о том, что памятник надо вообще выбросить и вообще забыть о Минине и Пожарском. В ответ на это письмо я назвал его «Иваном, не помнящим своего родства». Историю мы выбрасывать не можем…»

О плановой экономике в искусстве:

«Эйзенштейн говорит о том, что было бы хорошо, если бы с постановкой этой картины не торопили. Это замечание находит оживлённый отклик у всех.**Сталин**. Ни в коем случае не торопитесь, и вообще, поспешные картины будем закрывать и не выпускать. Репин работал над «Запорожцами» одиннадцать лет.**Молотов**. Тринадцать лет.**Сталин** *(настойчиво)*. Одиннадцать лет».

Плохо я себе представляю трёх наших последних президентов, так свободно говорящих об истории и искусстве.

<…>

20 февраля, понедельник

В совершенном унынии от дня за столом и компьютером, уже после шести пошёл в фитнес-центр. Это всегда поднимает мне настроение. Все борются: молодые люди — за пляжную красоту и уверенность мышц, девушки — за стройность, пожилая негритянка, спускающая пятый пот на беговой дорожке,— за своё здоровье, старые люди — за возможность умереть внезапно и без болезней. Полтора часа в спортивном зале как-то почти меня привели в порядок, и я уже, после душа и раздевалки, остывая, сел в холл, почитывая своего вечного Холмса, как на телефон пришло сообщение от Миши Тяжева: «С. Н., в «Новой газете» напечатана рецензия на ваши „Дневники“». Я перезвонил Мише, он работает, вернее — подрабатывает, в театре — сидит в гардеробе и иногда в массовках выходит на сцену. Миша говорить не мог. Тут же позвонил С. П., постоянный читатель этой газеты. Газета у него была, его дом рядом, я зашёл. Ждал я всего, чего угодно, но уж не добра…

Сразу скажу: ничего подобного в жизни я о себе, пожалуй, и не читал. В принципе, я всегда мечтал о такой рецензии, о такой точности и таком проникновении в материал, о такой филологической добросовестности. Недаром совсем недавно я обратил внимание на то, как добросовестно Захар Прилепин отбирает и с каким блеском рецензирует книги в «Новом мире». Именно он и является автором этой рецензии на «Дневники». И вот опять, по поводу совсем недавно написанного — о нашей литинститутской системе: во время встречи с губернатором Костромы я увидел Ваню Волкова, о стихах которого так

замечательно писал Захар. Ваня, совершенно изумительный поэт, ведь тоже не окончил Лита.

Но ещё до того, как я пришёл к С. П., потому что терпеть до завтра мне было совершенно невозможно, позвонил Женя Сидоров. Рецензию он уже прочёл. Женя — аналитик, человек не только тёртый в литературе, но и чрезвычайно опытный. «Это чрезвычайно для тебя важно, это взгляд писателя другого поколения. Притом писателя чрезвычайно популярного и востребованного молодыми».

Выписываю не самое комплиментарное, а наиболее полезное и новое для меня. В конце цитаты будет суждение о Сети. Как точно!

«Согласен я или не согласен с точкой зрения Есина (а я, как правило, согласен), безусловно одно: эти дневники станут одним из наиважнейших свидетельств о наших днях. При том, что никаких сенсаций и сплетен о тайных интригах тут нет вовсе.Я сам читаю уже, наверное, том восьмой или девятый, наверняка знаю, что ничего оглушительно нового не узнаю, когда прочту очередную есинскую «летопись» за год,— и, тем не менее, меня не оторвать от этого чтения.Но почему?Я вот сказал: ничего нового не узнаю,— но, с другой стороны, что мы такого нового узнаём, когда судорожно листаем бесконечные перекрёстные ссылки Сети? Что от этих знаний остаётся спустя неделю, день?То, что я знал о себе сам и что давно принял за установку, прочитав подобное в дневниках Гиппиус,— большое запишут и без вас.Есин подходит к временам с какой-то другой стороны. Явно неглупый человек поставил себе задачу не мыслить глобально — и такой подход вдруг открыл что-то, до сих пор не сформулированное никем.«Я пишу не дневник, а летопись обывателя»,— признаётся Есин.Тут нет никакого кокетства — несмотря на то, что слова эти произносит автор многих романов (как минимум один из которых, «Имитатор», имеет статус культового), лауреат премий, председатель жюри кинофестивалей, до недавнего времени ректор Литинститута и прочая, и прочая.Что такое, в конце концов, дневники Пришвина или Чуковского — которые вдруг осветили самую важную и страшную часть XX века совсем иначе, чем до этого литература и публицистика? Это именно свидетельства не столько участников событий, сколько наблюдателей, которые, как им самим казалось, находились на кромке истории.Но выясняется, что с этой кромки многое видно куда лучше. В деталях скрывается не только дьявол, но и дух».

А теперь мне надо объяснить, почему я занимаюсь таким цитированием, которое очень похоже на самовосхваление. Я не принадлежу к какой-нибудь мафии, к кружку литературных единомышленников, которые, расталкивая всех, продвигают только своих. Я не стараюсь и не умею занять себя в политике, чтобы, подобно Акунину, Быкову или Улицкой, получить то «паблисити», которое создаёт видимость славы и так помогает в книжной продаже. У меня нет ни детей, ни близких, которые со временем будут шевелить мои рукописи и пытаться отыскать справедливость. Я обо всём должен позаботиться здесь и сейчас.

«Есин нашёл (придумал? создал?) очень сложный интонационный рисунок для своих дневников.Привычных дневниковых примет в виде бесконечного сведения счетов с друзьями и недругами (с друзьями — чаще), откровенной злобы и неустанной мстительности (привет и поклон Нагибину, хотя не только ему), самотерзания и тайного самолюбования — всего этого у Есина вроде бы и нет.Вроде бы... Потому что ирония, сарказм, раздражительность — всё это присутствует, но будто бы на пятой горизонтали. Тяжкое, неприятное, горькое — всё это, как лекарство, почти без остатка растворяется в тихой интонации.Есин откровенен, но не навязывает читателю свои откровения. На какие-то потайные вещи он время от времени намекает — и этого внимательному читателю оказывается достаточно. Хорошая, умная недоговорённость — главная отличительная есинская черта.При том, что вовсе нет ощущения, что автор «Дневников» боится кого-то обидеть.Он не сводит счёты, но и не строит ни с кем отношений. Какие ещё отношения? Такая длинная жизнь за плечами, поздно уже начинать, надо было минимум на полвека раньше...«Сейчас мы уже завидуем не славе и удачливости, а тому, где кого похоронят»,— походя роняет Есин.В «Дневниках» Есин не беседует с потомками — мы видим тут полное отсутствие пафоса. Нет ссылок на свою прошлую правоту — и вообще лобовой, чванливой уверенности в собственной правоте. Нет смакования своих былых и недооценённых (или оценённых) заслуг. Ненавязчивая афористичность, словесная жестикуляция, еле заметная — и оттого ещё более точная».

По большому счёту, это описание моего рефлектирующего, довольно слабого характера. В смысле стиля — как сложится. Я своим ученикам всё время говорю, что без собственного стиля и

собственного «литературоведения», т. е. понимания, что такое литература, писателя нет. Я ведь по-другому и писать не могу, а как бы иногда хотел писать хотя бы как мои ученики. Но на стиль надо ещё «намотать» и собственные неудачи, и страдания, и зависть, и желание всё это перетерпеть.

Ну, примеры, которые Захар Прилепин приводит, я опускаю. В конце концов, даже из средне написанной книги набрать что-то всегда можно. Делает это Прилепин с мастерством опытного журналиста, хотя за этим стоит вкус и неизменная черта крупного писателя — сострадание к чужой боли. Я привожу, чтобы не красоваться, только важные для меня выводы. Надеюсь, что аспиранты, так полюбившие мои дневники, будут теперь цитировать.

«Восхитительно ровная, стоическая, мудрая интонация.На самом деле — сложнейшая гамма чувств, бешеный рисунок кардиограммы и огромная человеческая страсть заключены в этом ровном, с тихой полуулыбкой, голосе.Такой голос настраивается целой жизнью».

Эта не вполне радостная для старого человека мысль вполне совпадает с моим собственным литературоведением: стиль шлифуют и создают годы.

22 февраля, среда
<…>

Две новости. Одна плохая, другая трагическая.

Как же всё-таки на всех этажах наши люди борются за власть. Такая страсть возникает не только из стремления во власти себя реализовать, свои возможности. Но из понимания, что власть в России — это ещё и нечто большее, вплоть до возможности воровать и устроить своё благополучие. В городе Лермонтове Ставропольского края кандидаты в депутаты местных органов, которых не зарегистрировала местная избирательная комиссия, ворвались в здание администрации и организовали голодовку. Но здесь и другое — возможно, более любопытное: как же всеми путями власть, уже получившая полномочия и возможность лакомиться мёдом, не хочет ничего отдавать! Как держится, как

борется, на что только не идёт!

Теперь — другое; я обоих знал.

Умерла Людмила Ивановна Касаткина, а ещё совсем недавно умер её муж Сергей Николаевич Колосов. Кто-то ещё на радио мне рассказывал, что уже в ГИТИСе Серёжа Колосов, который ходил летом в красной маечке, приглядел себе девушку, которая к славе вывезет и его. Лучшие свои роли Касаткина сыграла в его фильмах. Телевидение назвало Касаткину великой актрисой. Ну, согласимся с этим. Но вот какое возникло размышление: уже ушло несколько действительно звёзд, действительно очень крупных актрис и актёров, но ведь на сегодняшнем горизонте нет никого, кто мог бы сравняться с ними по влиянию на публику. Всех милых, часто способных актрис, которые могли бы с ними конкурировать, я просто не вижу.

23 февраля, четверг

Никогда я не могу рассчитать время: «Сапсан» в Санкт-Петербург отправляется только в тринадцать тридцать, а я вскочил уже в семь. Долго возился с уборкой на кухне, делал зарядку, без которой теперь обойтись просто боюсь, потом жал из морковки и имбиря сок, а потом уже пришёл Миша Тяжев, чтобы помочь мне с сумками с книгами. Проводы. С Мишей съел омлет, но самое главное — принялись разговаривать. Меня всегда занимало, как студенты, которые чуть ли не весь день сидят на занятиях, так обо всём осведомлены. И о том, что какие-то девушки — они борются за права женщин — под гитару что-то промурлыкали в храме Христа Спасителя, и о том, как собирают народ на сегодняшние митинги, и о выступлении Патриарха. Потом Миша стал рассказывать какие-то театральные истории.

Я всё-таки вызвал Мишу пораньше, потому что не знал, как сегодня сложится утро. Уже в семь по «Эху Москвы» стали говорить о нескольких митингах, которые должны состояться. И в защиту Путина, и в поддержку его оппонентов. Будто бы с Урала едет, чтобы поддержать премьер-министра, несколько составов с рабочими. А ещё о том, что вчера ездили по Садовому кольцу какие-то машины с белыми ленточками. Кажется, машины будут ездить сегодня. А какой тогда будет трафик? Это особенность сегодняшней Москвы: всегда неизвестно, доедешь ты до цели за час или за пятнадцать минут. Всегда неизвестно, перекрыли ли дорогу из-за манифестантов или шествия, или транспорт держат, потому что едет правительство. Даже метро стало ненадёжным.

Сидим с Мишей, беседуем, пьём чай, едим омлет, ждём

Самида. Он должен отвезти меня на вокзал. Я рассказываю Мише, почему колеблюсь голосовать за Путина, хотя только за него и стоит голосовать. Из комнаты притаскиваю «Литературку», которую читал вчера перед сном. Вот и цитата, которая просветила мне мозги. Цитата из Мохнача.

Самид, как и обещал, приехал около одиннадцати. До поезда ещё два с половиной часа. Самид по-приятельски повезёт меня на своей машине на вокзал. Москва совершенно свободная, да ещё Самид, по старой привычке таксиста, везёт нас путями быстрыми и короткими. Самид в каком-то смысле фигура показательная и в социальном, и в человеческом плане. Приехал в Москву из Ленкорани тихим пареньком, работал на ЗИЛе, закончил там вуз, инженер-автомеханик; пока учился, прирабатывал таксистом. В начале перестройки Самид организовал какое-то своё дело, поступил в Лит на семинар к В. Орлову. А Володя всегда был мастером с очень высокой требовательностью. Что здесь — социальные условия или личность? Растолковывал это Мише по дороге.

Самид не может забыть прошлогодней ситуации с его перевыборами. У него нагорело, его волнует и будущее института.

Так как времени до отправления поезда ещё много, решаем заехать минут на сорок в парк ЦДСА и погулять. Пришвартовываемся со стороны Олимпийского проспекта. Парк теперь, оказывается, называется Екатерининским. На проспекте по случаю праздника и митингов много милиции, это хорошо, машину не угонят.

Сегодня потеплело, что-то около двух градусов с минусом. В парке светло, ночью выпал снег. Дети катаются с ледяной горки, родители вытирают им носы. Ходим кругами втроём по парку и разговариваем. О литературе, о прошлом, гадаем, что же будет дальше; душа летела. Иногда в эти полёты вторгалась проза. Я рассказал о вырезке из газеты «КоммерсантЪ», которую Ашот бросил мне в почтовый ящик. Обычная «школьная история». В Лефортовском суде рассматривается дело бывшего ректора Московского института государственного и корпоративного управления Андрея Звягина и главного бухгалтера. Следствие считает, что они по липовым договорам списали свыше восьмидесяти шести миллионов рублей. Здесь целая история, до конца и неясная, но довольно типичная. О себе уже давно знаю: все мои разговоры неизменно я возвращаю к двум вещам — о том, что я пишу, и о том, как обстоят дела в институте. А здесь, у нас в институте, как говорят слухи, произошло следующее: пришёл приказ из министерства вдвое сократить зарплату

ректору, проректору и даже главному бухгалтеру. Конечно, можно порадоваться: теперь и я буду, вместе с господдержкой, получать столько же, сколько и главный бухгалтер, и проректор по хозяйству, которые и не доктора наук, и не заведующие самой большой в институте кафедрой, и не знаменитые писатели, и не профессора. Я приблизительно догадывался, откуда берутся деньги для этих зарплат и каким образом, чтобы не было обидно, компенсируется даже господдержка, которая не полагается ни хозчасти, ни бухгалтерии. Но кто же распорядился так уплотнить довольство нашего начальства?

Действительно, знает всё только студенчество. Миша рассказал, что сам видел по телеку, что когда Путин говорил о необходимости поднять размер студенческой стипендии, его спросили: а откуда взять деньги на эти повышения? Путин сразу и не задумываясь ответил: уменьшить зарплату ректоров и проректоров. Нет, это я, пожалуй, буду голосовать только за Путина.

«Сапсан» — это, конечно, замечательное новшество. И две столицы стали ближе, и народу стало намного удобней. А что касается стоимости, то в основном ездят командированные и бюджетники — это переливание денег из одной госструктуры в другую.

У вагона встретил Лёву Аннинского, ехать с ним одно удовольствие, сразу погружаешься в высокий строй ассоциаций, литературных реминисценций, воспоминаний. Скоро я окончательно буду знать весь казацко-еврейский строй его семейной биографии, сцепления там замечательные, и всю историю его студенческой дружбы с Натальей Дмитриевной Солженицыной. Я слушаю это уже во второй раз. Всё-таки один университет заканчивали, вместе ходили в байдарочные походы. Два «кстати» соображения. Первое: Наталья Дмитриевна была чемпионкой Союза по гребле, возможно, в юношеском разряде. Вторе «кстати» касается университета, вернее, сразу двух — Московского и Петербургского. По радио утром прозвучала такая история. Отчего это ректоры этих двух университетов не декларируют свои (возможно, университетские) расходы и доходы? Вроде бы забавно по этому поводу ответила прокуратура. Университеты основаны ещё Петром Первым и Елизаветой Петровной, и не нам вмешиваться в старые, ещё царские законы.

Литературные рассказы и сплетни очаровательны, под их аккомпанемент можно ехать хоть до Пекина. Но вот Лев Александрович немножко задремал, его медийное, узнаваемое лицо стало печальным, и я принялся читать второй номер «Нового мира». Спасибо, конечно, Андрею Василевскому, что

меня этим чтением снабжает, но очень как-то журнал погрустнел в смысле увлекательности и стал однотонным. Прозу и поэзию я в нём давно не читаю, но и критика увяла. Взял «Книжную полку»... Вот результаты. Читать можно было только высоколобые дневники Кублановского. Мне тем более всё это интересно, что, как и у меня, всё это 2009 год. Но как это всё высоко и элитарно. <...>

24 февраля, пятница

Нас с Лёвой поселили в самом центре Гатчины, в старинном, полукруглом в плане здании, в котором ещё чуть ли не в восемнадцатом веке помещался какой-то цейхгауз. Я всегда знал, что на первом этаже здесь был мрачноватый по убранству ресторан, но с очень неплохой кухней. Не один раз во время Гатчинского фестиваля нас там кормили. Оказывается, на третьем этаже, под самой крышей, существует ещё и маленькая прелестная гостиница. Небольшие номера с отличной ванной комнатой, в которой стоит душевая кабина, прихожей, с избытком тепла, провинциальной стерильной чистотой, хорошо простиранным и отглаженным бельём и просторной постелью. Вечером мы, конечно, хорошо поужинали за казённый счёт — в поезде ели консервированный борщ, разогретый в буфете на микроволновке: полакомились запечённым в сыре судаком и салатом по-гречески, а утром нас ещё накормили завтраком не хуже, чем в Париже. По крайней мере, круассаны были не хуже. Из русской добавки в меню был творожный сырок, но горячую воду для кофе пришлось брать из кулера.

Уже утром выяснилось, что мы заняты только с часа дня. Отправились гулять по памятным местам. Для Лёвы это ещё и некая память о его жене Шуре, маленькой женщине-птичке, которая умерла совсем недавно. С Лёвой они когда-то обошли весь город, все соборы. Город, кстати, несмотря на оттепель, производит впечатление хорошо вычищенного и ухоженного. Теперь уже мы с Лёвой — в памятное путешествие. В Павловском соборе я был впервые, это середина девятнадцатого века. Очень точна и выразительна скупая форма, деревянные, будто в хате, полы из тяжёлых лесин. На канон поставил десяток свечей — почти за всю родню, которую помню. В Покровском соборе я бывал и раньше, здесь такая же дорого стоящая простота и изящество, как и в Павловском. Здесь иконы с изображением Иоанна Кронштадтского и Марфы Гатчинской. В соборе идёт ремонт, всё сурово, через несколько дней начинается пост.

В час пришла машина, и мы поехали в библиотеку — через железную дорогу, мимо аэродрома, самого старого в стране, которому в прошлом году исполнилось сто лет.

В этой библиотеке я уже был прошлый раз. Всё такая же образцовая чистота, порядок, хорошая мебель, ощущение, что работа здесь не показная, на публику, а постоянная и серьёзная. Старшеклассники — первая встреча была с ними — уже сидели. Вторая встреча была с библиотекарями; кажется, были и учителя, хотя учителя, самая консервативная часть провинциальной интеллигенции, ни на что ходить не любят. Встречи эти обе прошли хорошо, мы с Лёвой дуэтом, помогая друг другу, споря и часто не соглашаясь друг с другом, вели свою песню. Не очень высоко ценя себя, я всё-таки предполагаю, что подобные встречи местной интеллигенции с информированными людьми из столицы как-то поднимают общий уровень. Кстати, библиотекари отмечают, что читать стали больше, и в частности молодёжь. В общем, на двух этих встречах мы с удовольствием полетали.

Самым интересным, однако, были разговоры с директором, Еленой Леонидовной. Это сильная, несмотря на взрослых дочерей, ещё красивая, умеющая наблюдать и думать женщина.

Сначала о некоторой, в связи с близостью к Ленинграду, экспансии в Гатчину людей из Средней Азии, но в основном с Кавказа. В классах уже больше черноголовых ребят, чем белобрысых. Рассказала Елена Леонидовна о недавней драке мальчишек. Черноголовые ребята пришли в библиотеку в своих тюбетейках. Им сделали замечание, что в России не принято находиться в помещении в головном уборе. «А у нас принято». Кто-то из русских мальчишек сбил панамку с головы наиболее задиристого, началась драка.

<…>

25 февраля, суббота, первая половина дня

Утро в этой чудесной гостинице, где чуть ли не в восемнадцатом веке была суконная фабрика, потом Дом молодёжи, потом, когда всё развалилось, образовались гостиница и ресторан. И ресторан хорош: сравнительно недорого и хорошая кухня. Итак, утро, я ем булочку и пью чай, по телевизору патриарх Кирилл читает проповедь о мытарях и фарисеях. Убедительно, плотно, обращаясь скорее к сегодняшнему молодому поколению, нежели к старым людям, основному контингенту верующих. Вышел из гостиницы и сразу пошёл в Покровский собор, он напротив. Последняя неделя перед постом.

В соборе народу немного. На высоких хорах певчие поют: Господи, помилуй... Я опять просил веры. Слева на клиросе женщины исповедовались, я опять струсил...

После собора пошёл в большую прогулку по городу. Дошёл аж до рынка, который за Павловским собором. Недаром: купил две пары шерстяных носков. Ещё раз убедился, как замечательно красиво и функционально был спланирован город. Вот и сейчас он удобен и напоминает город, а не просто большое торжество, как Москва. Уже почти перед самым отъездом в Вырицу забежал в столь любимый мною парк. Жизнь определённо идёт вперёд: появилась небольшая оградка на входе возле кафе «Дубок», кое-что из разрушающегося в парке огородили. На озере, в огромной полынье, масса уток, которых подкармливают. Возле них бродят и голуби, норовя что-нибудь отбить.

25 февраля, суббота, вторая половина дня

В моём возрасте пора бы сосредоточится только на себе, но меня ещё волнует сама жизнь и характер её извилистого течения. В час дня меня прихватил шофёр отдела культуры; к сожалению, Даниил Мкртчан, нынешний начальник, молодой парень, который всё это и организовал, заболел, и я так его и не увидел, и вот без провожатого я поехал на выступление в Вырицкую детскую библиотеку. Вот такие поездки без «надсмотрщика» иногда позволяют легче и скорее разговорить незнакомых людей. Так с этим немолодым дядькой-шофёром и произойдёт, когда позже он повезёт меня в Ленинград. У меня ведь сегодня посещение театра и обед у Юрия Ивановича на его ленинградской квартире.

В этих шофёрских рассказах и исчезновение гатчинского домостроительного комбината — вернее, переход его в другие руки, а во время этих волнений работа у этого водителя ушла. Да и кому мы теперь нужны, пожилые люди? И занятная, но всё-таки сомнительная информация о том, что всех глав сельских поселений района, которые не обеспечили на парламентских выборах победу «Единой России», вынудили свой пост покинуть. Отметил, что в Вырице, куда мы едем, раньше была тьма пионерских лагерей и летних детских садиков, сейчас всё это пропало, участки скупили. Правда, мужичок, мой шофёр этот, принадлежит к тому слою вечно всем недовольных русских людей, которые так хорошо жили и работали при советском строе, но сейчас прошлую эпоху называют «совком». Как Юрий Кублановский, о котором я ещё скажу.

Детская библиотека — это большой дом, бывшая школа, где на первом этаже спортивные секции, а на втором библиотека. Встретила директор, очень милая и энергичная, уже на лице которой было написано, что она любит свою работу. Но всё это читается и в самом здании, в порядке, на лицах ещё двух её сотрудниц, которые работают с детьми. Директора зовут Татьяна Николаевна, запомнить мне легко, так зовут Таню Скворцову. Сели пить чай и разговаривать, потом пошли смотреть залы и фонд. Как ни странно, переход библиотеки, согласно закону о муниципальном управлении и финансировании, в подчинение поселковому начальству принёс добрые плоды. В прошлом году за два миллиона отремонтировали крышу, дают деньги на формирование фондов. Как положительное можно отметить некоторый подъём любви к чтению. Посёлок, конечно, маленький, всего пятнадцать тысяч человек. Раньше работало несколько заводов, но, как и положено, в перестройку они растворились. Жители ездят на работу в Ленинград, молодёжь уже не возвращается. Но развернулось дачное строительство, есть даже дачи, построенные по образцу царских дворцов, в синей краске, как дворец Екатерины в Царском Селе, и с золотом. Я в этом момент подумал о скромном налоге на роскошь, который нам обещает ввести Путин. Но чтобы обложить налогом такой дворец, надо, чтобы его площадь превышала тысячу метров. По мнению Путина, который озвучил эти цифры, если площадь твоей дачи составляет лишь девятьсот девяносто девять квадратных метров, то это лишь средний класс. Из нового в работе библиотеки — час устного чтения. Приходит уже привыкшая к этому ребятня, и ей час читают вслух книжки. Естественно, группы разбиты по возрастам. Что-то всё же в стране происходит и позитивное...

<...>

Но самое главное — наконец-то я попал в театр к Додину. Пьеса на двух актёров, мне хорошо знакомая: Леонид Зорин, «Варшавская мелодия». Играли — Уршула Магдалена Малка, молодая актриса, видимо полячка, акцент у неё природный, и Данила Козловский. Это было, конечно, потрясающе. Я ещё никогда не видел, чтобы зал так молчал во время любовной сцены. Несколько огорчила меня вторая половина спектакля — скорее, своей идеологией: русский человек на рандеву. Прелестный молодой сильный парень превратился в обывателя... Это второй спектакль, который я видел в режиссуре Додина. Мастер, конечно, огромный: какие мизансцены, какие кружева он вытрясает из актёров!

Оставшиеся два часа до поезда я потратил на прогулку по Невскому. Чем Москва отличается от Петербурга? Это город,

конечно, аристократов, хотя и обедневших, но вежливых, подтянутых, щедрых к нищим, вежливых друг к другу. Москва — это город купеческой психологии, и потом, москвичи, как правило, свой город не любят. У ленинградцев — культ города. Вот пример, который показателен для обоих моих тезисов. Около одиннадцати часов вечера зашёл в Дом книги. Боже мой, какое огромное количество людей просто сидят на лавках, установленных в книжных залах, и читают книги, которые стоят на прилавках. Листают самые дорогие художественные альбомы. Некоторые, чувствуется, сидят здесь давно. В Москве такое невозможно — надо использовать для извлечения прибыли каждый клочок торговой площади! И вот, наконец, второе: какое невероятное количество книг именно о Петербурге выставлено на стеллажах и прилавках.

26 февраля, воскресенье —

27 февраля, понедельник

Два дня как-то слились, в них не было ничего необычного. А ничего и не возникает, если не читаешь, никуда не идёшь; но мелкие факты жизни составляют её фон и основу, которые, по большому счёту, и являются жизнью. Для меня главное пока — это мой дневник и мои студенты. Естественно, хочется какой-то иной свободы, больше времени; пусть так называемое «основное» ползёт само, а ты — в новых начинаниях, пишешь роман или придумываешь пьесу. Но всё приходится тянуть, а может быть, наиболее важное и интересное в жизни откладывать.

<…> Ещё никогда выборная компания не проходила так горячо и активно. Лёгкость, с которой недавно ломалась Украина, а потом менялся режим в Египте и Ливии, разжигает многих людей. Всё кажется таким близким и досягаемым. Ах, как недаром, говоря о жизни своих молодых героев, Толстой, Достоевский, Стендаль постоянно вспоминали Наполеона. Кто же всё-таки сказал: «Двуногих тварей миллионы, мы все глядим в Наполеоны»? В воздухе разлита ложная досягаемость власти. Но разлита и смертельная боязнь сильного и крепкого человека, долго и со второго ряда наблюдавшего за травящей его компанией и пока никак не имеющего возможности кого-то одёрнуть. Как же многолика и коварна демагогия демократического правления. Как же в этом году агрессивны Зюганов, Жириновский и даже Миронов! Они уловили и почувствовали мнимую «возможность».

Я думаю, что они так много и громко кричат, так много

обещают потому, что твёрдо знают, что это у них это последняя избирательная кампания. И главное, обещать можно что угодно, не считаясь с возможностями государства,— всё равно не изберут.

Вчера, возвращаясь из магазина, видел семейную пару очень немолодых пенсионеров, гордо идущих с белыми ленточками на груди. Чего, интересно, они хотят? Что изменится в их жизни? Двадцать третьего в Москве, в Лужниках, состоялся огромный митинг в поддержку Путина. Вчера люди с белыми ленточками попытались создать «живое кольцо». Но Садовое кольцо оказалось чуть больше «живого». Я думаю, что больше боятся не прежнего Путина, а Путина с его новым опытом, который уже начинает понимать, что если не дать народу новую надежду, по-прежнему поддерживая только капитал, к которому, наверное, принадлежит и он сам, его власти придёт конец.

Вечером в понедельник, пока я мастерил себе в мультиварке куриный плов, то есть что-то резал, закладывал, посыпал, солил и перчил, я всё время слушал «другую сторону». С каким-то деятелем «Единой России» вёл по радио спор Гарри Каспаров. Я уже не говорю о непримиримости сторон: для одних Путин совсем нехорош, другие его поддерживают. Я не политик, чтобы во всё это влезать, но лишь один пункт. Довольно резко Каспаров говорил о доверенных лицах Путина. В том числе сказал, что целый ряд фигур, которые стали доверенными лицами кандидата в президенты, потерялись в глазах либерального сообщества. Назывались, по-моему, только две фамилии — Михалков и Табаков, но подразумевалось совершенно иное. Стали доверенными лицами Путина люди, которые в этой среде считались своими, которые в беседах и закулисных разговорах, видимо, неласково отзывались о премьере. Каспаров эту категорию людей определил как ищущую своих материальных и административных выгод.

28 февраля, вторник

<…> …Я вскочил в шесть утра, но тут ещё и развернул вчерашнюю газету. Здесь просто удивительная статья Павла Басинского о нашей бунтующей интеллигенции. Простят ли теперь это Паше либералы? Статью я, конечно, поцитирую, но в этом же номере и ещё известие: Олегу Павлову дали «за исповедальную прозу» премию Солженицына. Он это, конечно, заслужил, я помню, как он занимался солженицынской почтой в журнале «Москва». Правда, думаю, всё равно он не получит того признания, о котором мечтает. Но и премия, я думаю,— это в

первую очередь инициатива Басинского.

Наверное, не я один обратил на это внимание. Почему в нынешней политической баталии на стороне действующей и, вероятно, грядущей власти — несколько крупных режиссёров и руководителей театров, а на стороне оппозиции — много писателей, причём очень разных, таких как Эдуард Лимонов и Борис Акунин, Захар Прилепин и Людмила Улицкая, Герман Садулаев и Дмитрий Быков? — вот так Павел начинает. Пропускаю среднюю раскатку, и вот первый тезис.

Писатель в нынешних условиях, стоит ему только заикнуться о своей любви к власти, рискует потерять тех читателей, которые идут на Болотную, а тех, кто стоит на Поклонной, он вряд ли много приобретёт. Да что говорить — и так всё понятно.

Что говорить, например, о таком феномене, как «Гражданин поэт» Дмитрия Быкова и Михаила Ефремова, когда из ничего, из пустоты, из разреженного политического воздуха и малозатратных усилий весьма и весьма, впрочем, талантливых людей рождаются и телешоу, и радиозаписи, и гастроли от Саратова до Лондона, и книга на закуску? И вот уже принимаются заказы на торжественные «похороны» этого проекта в Крокус Сити Холле, где цена билетов варьируется от пяти (партер) до тринадцати (VIP-места) тысяч рублей.

Ну разве, скажите, не выгодно бунтовать? Очень!

Всё остальное в этой статье, а есть пассажи очень занимательные, я опускаю.

Семинар, как я уже написал, прошёл довольно удачно. Ребятам прочёл и статью Басинского, и тот перечень позиций, по которым мы, по мнению ООН, «впереди планеты всей».

Мы первые — по экспорту природного газа, по величине природных ресурсов, по разведанным запасам каменного угля.

Первые — по запасам леса, питьевой воды, по экспорту азотных удобрений, по физическому объёму и экспорту алмазов и т. д.

Но первое же место — по количеству *самоубийств* среди *пожилых* людей, *детей* и *подростков*.

Первые — по числу разводов и рождённых вне брака детей; по *абсолютной убыли населения*, по числу умерших от алкоголизма и табакокурения; по употреблению героина; по продаже *поддельных лекарств*; по количеству *авиакатастроф*.

Но! Однако!

У нас — первое место в мире по темпам роста числа долларовых миллиардеров, второе место — по количеству долларовых миллиардеров после США и шестьдесят седьмое место — по уровню жизни.

Мы занимаем сто одиннадцатое место по средней продолжительности жизни, сто тридцать четвёртое место по продолжительности жизни мужчин.

Может быть, нам действительно нужна новая власть?

29 февраля, среда

Пожалуй, не выспался, до двух ночи смотрел по «Культуре» фильм об английском короле Генрихе VIII — отце королевы Елизаветы. Мне всё это любопытно, я стараюсь закрыть недостатки своего образования. Но какова политика канала — всё по-настоящему значительное идёт только после двенадцати ночи. Я это подметил давно, до двенадцати они выполняют свои обязательства перед обывателем и рекламодателями, которые желают, чтобы их реклама была размещена исключительно среди пошлятины, которой не брезгует и этот канал.

У нас идут выборы. Вместо самих кандидатов часто воюют в эфире их доверенные лица. Согласимся, что эффект иногда бывает чрезвычайно выразителен.

«В ходе предвыборных дебатов между кандидатами в президенты Михаилом Прохоровым и Владимиром Жириновским последний устроил настоящий скандал, оскорбив доверенное лицо своего оппонента — певицу Аллу Пугачёву. Примадонну российской эстрады политик включил в число «политических проституток» и посоветовал «сидеть молча».Конфликт начался, когда певица, присутствовавшая на съёмках телепрограммы «Поединок», задала провокационный вопрос лидеру ЛДПР: «Владимир Вольфович, думаю, вы со мной согласитесь, что президент страны — это лицо страны. Пример для подражания, пример для массы граждан нашей родины. У меня такой вопрос: когда вы хамите — ну ладно мне, я к этому уже привыкла от вас, — вы что хотите доказать? Когда вы врёте нагло в эфире этой программы — зачем?.. Если бы вы стали президентом, вы бы поменяли свою линию поведения?» — «Я веду себя так, как я считаю нужным,— парировал Жириновский.— Мне имиджмейкеры не нужны. Мне разрешение, как Михаилу (Прохорову.— *Прим. ред.*), никто не давал создавать партию, я её сам создал».— «Значит, это природное, да?» — «Молчите! Я с партией...» — «Не хамите мне».— «Я с партией здесь. Я отвечаю. Вы молчать должны сидеть. Все! Вы вопрос задали — я отвечаю так, как я считаю нужным. Не нравится — убирайтесь вон!» — «Не

уберусь. Назло вам не уберусь».— «Выведет охрана».— «Я веду себя как певица, а не как певичка. Не ори на меня, будущий президент... Я думала, что вы кружевник, политик, хитрый человек, а вы просто клоун и псих»,— заявила Пугачёва Жириновскому. «Я такой, какой я есть. В этом моя прелесть»,— парировал либерал-демократ. В ответ певица назвала политика „позором нашей страны“».

Под этим сообщением в Интернете стоят разные, почти символические соображения читателей. Например:

«Жириновский против Прохорова. К обязательному просмотру».

«Столкновение Жириновского и Пугачёвой «станет классикой»,— охарактеризовал передачу в своём твиттере Соловьёв». <...>

1 марта, четверг

Утром пришло совершенно неожиданное письмо от Максима Лаврентьева. Все мои хлопоты, чтобы представить Максима на премию Москвы, оказались неудачными. Всё опять упёрлось в бумажку. В своё время Максим или не получил, или в порыве какого-то своего гнева выбросил членский билет СП России. А это, так как он сейчас не работает, потребовалось. Я пытался сговориться с некоторыми людьми, чтобы обойти всё усложняющиеся и усложняющиеся требования московской бюрократии и помочь Максиму. Но вот письмо. И в этом году, как почти всегда, премию будут получать одни старики!

<...>

Днём состоялся учёный совет, очень интересно наш новый проректор Игорь Курышев докладывал нюансы будущего строительства. Наконец-то наша хозяйственная часть заговорила нормальным интеллигентным голосом. Всё это разнесено по времени, и я очень не уверен, что даже, как нам обещано, в конце 2012 года на нашу территорию придут строители. Меня расстроило, что не будет реставрировано наше основное здание. Всё ведь и затевалось, чтобы со временем разгрузить этот знаменитый дом и привести его в порядок.

Потом начался отчёт декана М. В. Ивановой о прохождении сессии. Самые чудовищные результаты — на первом курсе. На втором назвали несколько людей, и в том числе и моего Мокрушина. Он не сдал русский язык Е. Л. Лилеевой, которая к подобному относится отстранённо-академически. А я помню, как я возился с её дочерью, когда её могли отсеять по творчеству. А сколько придурочных внуков, правнуков и племянников наших преподавателей мы, нянчась с ними, выучили. <...>

Дома слышал, как на «Эхе Москвы» в беседе с Ольгой Журавлёвой журналист Максим Шевченко буквально сдирал кожу с либералов. Какой был блеск в его рассуждениях и оценках. К сожалению, я так говорить и думать не могу.

2 марта, пятница

Вчера вечером, после того как закрыл компьютер, звонила Олеся Александровна Николаева — говорила, как ей понравилась

книга о Вале, её христианский дух. Именно это я и хотел бы услышать от любого своего читателя. Эту книгу должен был бы прочесть каждый. Почему же книгу издали таким маленьким тиражом? Удивилась, когда узнала, что тираж у меня практически дома и что книгу я напечатал за свой счёт. Но вот что удивительно: книга, похоже, неплохо продаётся. По крайней мере, несколько дней назад Вас. Вас. попросил у меня ещё две пачки «Её дней».

Вечером на «мерседесе» моего соседа с восьмого этажа Анатолия поехал на давно ожидаемый вечер Вячеслава Зайцева. Всё происходило неподалёку, в спортивном дворце в «Лужниках». Оказывается, именно туда сейчас переехал концертный зал «Россия». Мне кажется, я даже узнал те же люстры, подвешенные под потолок. Лёд или что там внизу во время представлений закрывают огромными щитами. На них уже и ставят привычные по цвету красные бархатные кресла. Работа эта, конечно, адова. Ну а трибуны чуть «умягчены» алым бархатом. Уютно, красиво. Всего в зал входит 4,5 тысячи человек. На этот раз, кроме сцены, в зал через кресла, первые ряды которых были поставлены под углом, брошен огромный подиум. Всё-таки модельер!

В каком-то смысле этот вечер был для многих показателен. Во-первых, показатель любви народа к Зайцеву и интерес к делу, которое он представляет,— зал был полон, и хотя, наверное, довольно много было приглашённых, билеты проданы. Впрочем, дешёвые билеты от 700 до 1200 рублей были сметены ещё в январе. Но ведь были и желающие заплатить 20 000 или 25 000 рублей, чтобы сидеть где-нибудь в ряду перед самим юбиляром или поближе к нему. Так ли будет обстоять дело у Юдашкина, который традиционно устраивает что-то похожее на 8 Марта? Во-вторых, сам вечер по красоте, по тому удовольствию (о костюмах и нескольких дефиле я уже не говорю), которые зрители получили,— это было исключительно. Правда, чуть длинновато, с 7 до 12 ночи, и зрители, кроме, конечно, старых гранд-дам на первых рядах, всё это высидели. Началось всё с очень бойкого и даже где-то искромётного выступления 97-летнего Зельдина, потом Цискаридзе, а дальше и пошло, и пошло... Зельдин, собственно, и задал высокую ноту вечеру — пел, как обычно, под «минусовку», а не под «фанеру», как многие эстрадные звёзды, т. е. живьём. О костюмах, каждый из которых был фантастическим, я уже и не говорю. Кажется, было чуть ли не 120 манекенщиц и демонстраторов моды.

Сидел я на этом замечательном вечере-концерте не просто так. В самом начале у меня появилась мысль, что надо бы к двум моим большим очеркам о Зайцеве добавить что-нибудь ещё и

сделать книжку. Поэтому весь свой пригласительный билет испещрил мелкими заметками. Я люблю так работать, когда жизнь постоянно даёт живые импульсы.

Из занятного. Я, автор нескольких статей о юбиляре, проходил как VIP-гость. Это отдельный вход, раздевалка, бесплатный буфет с вином и прочими разностями. Но дело не в этом. В большой комнате, в которой расположились гости — из людей, непосредственно мне знакомых и крупных, министр Авдеев, Г. Б. Волчек, Л. И. Шевцова и многие с лицами, смутно узнаваемыми,— мы с Анатолием со своими рюмками и тарелочками стали возле стеночки. Но почти тут же была и некая дверь, возле которой, не отходя, присутствовал молодой человек с жёсткой осанкой спецслужб. Очень он как-то подозрительно рассматривал наше пирование. Потом я узнал, что на вечере, просидев пять часов, была жена Д. А. Медведева Светлана. Но это я узнал уже потом.

<…>

4 марта, воскресенье

Свой гражданский долг я выполнил, уже вернувшись с Теплостанского рынка. Ездил и, собственно, сговорил меня С. П. Затоварились, каждый для себя, под полную завязку. В том числе и огромной — на двоих, на 8 кг,— сёмгой, которую я к вечеру засолил. Картошка, морковь, лук, творог, мясо, орехи, фрукты здесь иногда почти вдвое дешевле, чем у нас в центре. Уже вечером я об этом рассказал — совет ближнему — Серёже Арутюнову, который в этом районе и живёт. У него на этот счёт своя теория. В этом районе много войсковых частей, отдельные полки, школа военных музыкантов, полк комендатуры и т. д. Это влияние военных на местную власть. В конечном счёте, жёны военных являются основными покупателями на этом рынке. Надо не забывать, что военные, видимо, и основные избиратели в этом районе. Всё очень занятно.

Вечером, слушая радиотрансляцию по «Эху» и наблюдая происходящее по телевизору, сравниваю с тем, что видел своими глазами. С некоторым недоумением ведущие радиостанции встречают рапорты наблюдателей, у которых всё на избирательных участках в порядке. Но есть и места, где возникают у интеллигенции сомнения. В Дагестане, например, на одном из участков был произведён «вброс бюллетеней», и выборы на этом участке уже признали несостоявшимися. Я думаю, что здесь дело не в Путине, а в местных выборах, которые проходят

параллельно. Заинтересованность, скорее всего, здесь. Я об этом сужу по своему участку, который у меня в школе напротив дома.

Атмосфера была как обычно, спокойно взял два бюллетеня; за кого голосовать на выборах президента, мне было ясно давно, а вот с местными выборами было не очень ясно. Надо было оставить троих претендентов. Я оставил, вернее, отметил галочками, двоих от компартии и единственного кандидата от «Яблока». Но вот любопытно. Когда я подошёл к урне для голосования, то увидел человека, который в своей тетрадке отмечал каждого голосующего. Мне показалось это очень верным, по крайней мере — целесообразным: здесь уже не вбросишь. На всякий случай я поинтересовался задачей... И этот немолодой мужчина сказал, что он интересуется только выборами местной власти. Очень точно, здесь важен каждый голос... Естественно, этот наблюдатель — я поинтересовался — хотел бы проконтролировать именно кандидата от «Яблока».

Но ещё до этого радиосеанса я смотрел новости по НТВ. Показывали голосующих претендентов. Жириновский в красном пиджаке и красном галстуке. Зюганов, который сказал несколько слов о нарушениях. Тяжёлое у Геннадия Андреевича положение: надо на ближайшие шесть лет и с властью ладить, и не переставать выказывать свою оппозиционность. Всех остальных — дружную чету Медведевых и неженатого Прохорова — пропускаю. Но вот после того, как вместе со своей женой — это было показательно — проголосовал Вл. Вл., вдруг выскочило несколько девиц, скинув майки и обнажившись: то ли у них на груди были пропутинские, то ли антипутинские лозунги, я не разобрал. Но груди были хорошие, их тут же полиция приодела. Вот как, судя по Интернету, это произошло:

«Мировой суд Гагаринского района Москвы арестовал активисток украинской группы «FEMEN», устроивших 4 марта акцию на избирательном участке, где голосовал кандидат в президенты Владимир Путин с супругой. Девушки — гражданки Украины — были признаны виновными по статье 20.1 (мелкое хулиганство).Трое участниц группы «FEMEN» днём 4 марта пришли на избирательный участок номер 2079 в Российской академии наук, разделись и, выкрикивая антиправительственные лозунги, попытались унести урны для голосования. Девушки были задержаны сотрудниками правоохранительных органов, дежурившими на избирательном участке».

За несколько дней до этого и в храме Христа Спасителя произошёл приблизительно такой же инцидент. Забежали голые,

но в масках девицы с радиоусиливающей аппаратурой, кричали: «Богородица, убери от нас Путина». Потом скрылись.

Мне-то ясно, что всё это хорошо организовано и проплачено.

К девяти часам стало очевидно, что Путин побеждает. Будет один тур. Ну и слава Богу. Нужны ли мне перемены? Я ведь обуржуазился, только душа ещё молодая и хочет достатка и счастья всему народу, а не только тем, кто что-то украл или приватизировал. Где-то в десятом часу показали митинг на Манежной площади в поддержку Путина. Плачущий Путин, вернее, Путин с слезами на глазах — это... А что это означает? Не знаю. Очевидно только одно: если что-то в России не изменится, то волна пойдёт на волну...

5 марта, понедельник

<...> Ну, выборы теперь уже официально закончились, голоса подсчитаны, победил со счётом 68% дорогой Владимир Владимирович. Из неожиданностей в этой избирательной кампании — третье место у миллиардера Михаила Прохорова. Интеллигенция и богатые люди хотят во власть. Жириновский откатился на четвёртое место; как он это переживёт, не знаю. А в Санкт-Петербурге, родном городе, Путин получил 58 процентов голосов, но в Москве меньше 50 процентов. Ещё раз подчеркну, что именно обеспеченную Москву с её переменчивой интеллигенцией, у которой, как правило, отсутствует национальное русское чувство, но есть любовь к деньгам, Путин и его верный Сурков долгие годы пестовали.

<...> Теперь занятные детали, которые порой кое-что объясняют. Когда днём уходил в автомагазин — покупать «дворники», то у соседнего подъезда встретил свою соседку-общественницу, о которой уже писал в дневнике: она каждое лето занимается расширением маленького садика у нашего корпуса. Разные цветы в течение всего лета поочерёдно радуют глаз. Но сегодня речь не об этом. Эта пожилая женщина стояла возле подъезда и о чём-то разговаривала с молодым человеком. Молодой человек держал в руках лист бумаги. По привычке во всё вмешиваться начал разговор с незначащей сегодня фразы: «Поздравляю, вот у нас и новый президент». Тут же выяснилось, что молодой человек — это внук, зовут Антоном. Видимо, общественная деятельность в этой семье в крови. Внук был наблюдателем на выборах в нашей школе. И вот теперь он стоит в растерянности, потому что решает, куда ехать и жаловаться.

Вчера поздно вечером он вместе с другими наблюдателями ознакомился с протоколом, в котором всё было абсолютно нормально. Но уже утром обнаружили, что протокол претерпел серьёзные изменения.

Наслушавшись с утра «Эха Москвы», я сразу спросил: «В пользу Путина?» — «Нет,— сказал мой сосед Антон,— были приписаны голоса Прохорову».

<…>

6 марта, вторник

Самое интересное началось после семинара у нас на кафедре. Вспоминали, как вчера прошёл митинг на Пушкинской. Утром я ухватил в Интернете, что митинг как бы уже лишился силы. На кафедре мои собеседники дополнили, что пришло народу значительно меньше, чем ожидалось, всего 13 тыс. человек. Максим, оказывается, был на трёх митингах и эту мысль аргументировал так: «За последнее время народ насмотрелся на «вождей» на митингах, и рейтинг Путина сразу повысился». К моему удивлению, очень резко по поводу складывающейся ситуации высказалась Олеся Николаева. Она вспомнила ещё, как тянула руку, прося слова, на передаче у Владимира Соловьёва. Я это видел, так же как видел и Волгина,— они оба выглядели как просители. Олеся рассказала, что сравнила всю ситуацию с ситуацией, описанной в романе Достоевского «Бесы». Опять призывы к разрушению Петруши Верховенского, опять жажда «разбудить» Россию и вести её неизвестно куда. Это было страстное выступление, на что я заметил Олесе Александровне, что это как раз её тусовка… В литературе это можно, а в жизни, которая может повредить отдельным литераторам, этого нельзя? Но гнев на то, что происходит, на оппозицию у Олеси Александровны был праведен и силён. Уже позже мне рассказали, что после этого выступления на ТВ её телефон раскалился от брани. Ну, это естественно, «товарищи по работе». Оппозиция — как вологодский конвой: шаг вправо, шаг влево… В связи с этим вспомнил Таню Бек, которая тоже себе позволила своеволие, высказалась как думала…

<…>

7 марта, среда

Начну с анекдотов, которые уже не только снова появились

после нескольких лет затишья, но, кажется, ещё и расцвели.

Анекдот первый:

Американская академия киноискусства присудила «Оскара» за роль второго плана Медведеву Дмитрию Анатольевичу...

Анекдот второй:

Теперь стишок, который нашла наша преподавательница. Стишок был написан в 1906 году в Англии и тогда же переведён на русский. В Англии тогда, как у нас теперь, тоже что-то происходило:

Вы, приспешники короны британской,
Что правите среди порока, карт и шампанского!
Прочь! Демократии идёт авангард,
Чтобы править среди порока, шампанского и карт!

<...> По поводу оппозиции мнение почти у всех общее. Когда коснулись так называемых приписок, то все были едины: по Москве они как раз были в пользу Прохорова. Как иллюстрацию приводили данные по тем районам, где находились Высшая школа экономики и её общежития — там процент голосов, поданных за миллиардера, был наивысший. Это как с Наполеоном: в то время многим казалось, что так быстро вбежать в гору для энергичного человека возможно. Сейчас многим кажется, что и миллиардером тоже, если захотеть и если ты учишься на экономиста, возможно быстро сделаться. Но если миллиардер станет президентом, то это совсем не означает, что все автоматически станут богатыми людьми. Миллиардер хочет сохранить свои деньги, во-первых, а во-вторых, стать ещё богаче. Но в принципе, кто по недомыслию, кто по социальному чутью, голосуют за тех, кто им по мечтам ближе. За Прохорова как альтернативу всем остальным голосовал наш Юго-Запад, да и вообще богатые районы, а вот на окраинах Москвы лидировал Путин.

У Путина сейчас невероятно тяжёлое положение. Ему надо решить, с кем он. Многие его обещания и слова не превратились в дело. Поговорили о нанотехнологии, о медицине, о росте демографии, о дорогах, об ипотеке. Но всё время крутились вокруг последних событий. Вспомнили разноцветные пиджаки Жириновского, в которых он появлялся на разных каналах — то в красном, то в жёлтом. Вспомнили также его льстивые и подобострастные поздравления новому президенту. Бывший третий стал четвёртым, и теперь ему надо заново устанавливать отношения с самым главным. Ах, как ненадёжна жизнь политика!

<...>

8 марта, четверг

В девять тридцать включил, как проснулся, радио: всё началось с того, что ширится поддержка кампании в защиту девиц из «Pussy Riot», которые сейчас находятся в узилище. Я об этом, кажется, уже писал. Дело в том, что ещё до выборов несколько половозрелых девиц — как выяснилось, среди них были и молодые мамы,— в масках и непотребном виде влетели вместе со своей радиоаппаратурой в храм Христа Спасителя и прокричали панк-молитву «Богородица, убери Путина». Что-то было сказано и по поводу действующего Патриарха. Прошло несколько дней, бесстрашных певиц полиция разыскала, и вот теперь они ждут суда — за хулиганство и оскорбление чувств верующих они могут получить срока. Либеральная общественность заволновалась. Утро восьмого марта ознаменовано просьбами особо жалостливых христиан и публики, которая исповедует только голый либерализм, не судить лихих девчонок. Побаловались, и баста. Во-первых, конечно, вряд ли суд даст не штрафы, а срока. Но бойкие девочки уже, как матёрые правдолюбки, как политические заключённые, объявили голодовку. Во-вторых, я бы хотел увидеть, как отреагировали бы на что-то подобное, если бы подобные кощунственные действия были совершены в синагоге или мечети. В последнем случае — разорвали бы на месте. А в первом — вряд ли бы заговорили о милосердии. Но дурам надо бы сначала покаяться.

<…>

9–10 марта, пятница — суббота

<…> Вечером пришёл Игорь и принёс диск с огромным, в четырёх частях, фильмом… Про Путина, который я пропустил. Сели смотреть, две части просмотрели, но диск я везу с собой, досмотрю. Эти, как я неоднократно убеждался, фильмы, которые делает Би-Би-Си, часто, в силу своей творческой объективности, достигают у нас в стане обратного эффекта. Здесь вся история Вл. Вл. И становится ясно, что почти всё, что он делал, шло на пользу России. И главное: Россию не расчленили, Чечня не ушла, даже олигархов приструнил. Ощущение, что показанный накануне выборов фильм прибавил Путину в рейтинге. Если об олигархах, то для меня здесь два знаменательных момента.

Первый — наконец-то я увидел знаменитого Невзлина. Какая занятная, сытая и самоуверенная физиономия. Тут же вспомнил, что видел его фамилию среди жертвователей Иерусалимского

университета. Чьи деньги жертвовал? Гид тогда мрачно пошутил: «Их разыскивает Путин».

Второй — это занятное интервью с Ходорковским. Можно, конечно, поражаться мужеству Ходорковского, который не дал себя вытолкнуть в эмиграцию, но многозначительно его соображение относительно способов приобретения богатства. Смысл этого заявления таков: не нарушу закона, но использую лазейку и всё несовершенство законодательства. И это всё не мелочь, а огромные деньги, которые должны были поступать в бюджет.

<…>

11 марта, воскресенье

Вчера вечером приехали в Кострому. С моста через Волгу она мелькнула огромным светящимся ожерельем и ушла направо. Влево, на стрелке, где река Кострома впадает в Волгу, чуть видимый в сумерках, растаял Ипатьевский монастырь. В памяти ещё долго останутся два светящихся на гребне высокого берега «корабля» — университет и администрация губернатора. Город со времени, когда я в последний раз побывал здесь лет двадцать назад, в начале перестройки, сильно разросся. Светлые улицы, высокие новые дома, автомобили, реклама, привычные «интернациональные» вывески. Проехали почти через весь город, мимо вокзала и довольно скоро оказались в Козловых горах. Это то местечко, славящееся своей красотой, на берегу Волги, о нём мне как о чуде природы рассказывал Витя Симкин. Здесь, в заборах и выгородках, за шлагбаумом, небольшой посёлок, что-то вроде, как раньше бы сказали, обкомовской дачи,— «Губернский двор». Похоже и на Болшево, и на Комарово — коттеджи, дачи, домики, павильоны, гостиницы.

Утром встал рано, ещё до завтрака, и обошёл всю территорию, спустился к Волге. Боже мой, какой плёс и простор! Вдоль берега на снегу следы снегоходов, вдали чёрными точками застыли рыбаки.

Снег на участке удивительно белый, берег в соснах, почти у каждой дачи оборудовано святилище для ритуального приготовления русского национального блюда — шашлыка. Дорожки вычищены; ещё накануне рассказали, что, пока губернатор-москвич не купил себе квартиры, в одном из домиков он здесь и проживал. Живя в этом райском посёлке, отчётливо можно себе представить, почему так многие стремятся во власть.

После завтрака колесо закрутилось. Марина Кудимова, Надя

Кондакова — наша предводительница, Роман Сенчин и Володя Костров уехали проводить семинар с молодыми писателями, а у оставшейся группы — экскурсия, поездка по городу, а потом выступления в Доме народного творчества — в основном студенты и пишущая молодёжь. Здесь ничего не описываю, пришлось всё это под недрёманным оком местного телевидения вести мне. Ещё раз поразился, как хорошо и точно Надя Кондакова собрала группу. Интересны и неожиданны были все: и Алиса Ганиева, и Максим Лаврентьев, и Миша Бойко, тот самый критик из «Независимой газеты», чьё интервью с Лямпортом меня в своё время удивило. Вот в два приёма я и перечислил всю нашу группу. Утром, правда, к нам присоединились Бисер Киров с женой и критик-американист Николай Афанасьев.

<…> Вся поездка организована таким образом, чтобы, с одной стороны, мы все побывали в различных местах и встретились с жителями и интеллигенцией, а с другой — чтобы как-то отблагодарить и нас, показать побольше и поразнообразнее местные знаменитые края и достижения культуры. В этом во всём я вижу ещё советские культурологические привычки. Смотрим мы, конечно, на Кострому во все глаза. Город сильно изменился, как бы вылупился из серого запустения.

Закончился день в хорошо знакомом мне, как, впрочем, и Художественный музей, театре имени Островского. И театр, и музей подремонтировали, привели в порядок. В музее я в молодые годы организовывал выставку художников, а в театре шла моя пьеса. Театр стал просто изумительным после ремонта. Маленькая Александринка или Большой. Не уверен, есть ли что-либо подобное ещё в России.

Со времён моей юности в Костроме многое приросло: памятники, музеи, как мы увидели, галереи. В центре, как бы с другой стороны театра, появился и музей театрального костюма. Небольшой, занятный, со своей программой и концепцией. Театр существует в городе 200 лет, на театральных складах 12 тысяч костюмов недействующего репертуара. Нам показали костюмы к недавно шедшей на сцене «Снегурочке» А. Н. Островского. Для Костромы это, естественно, культовый драматург.

Ну и теперь последнее — посещение спектакля в театре. Должна была идти «Гроза», но кто-то заболел, и шёл на замену новый спектакль. Пьеса, сочинённая местными актёрами. Некий не очень удачный перепев «Давным-давно» Гладкова. О женском героизме и участии в войне — и трусости и мздоимстве мужчин. Пьеса к случаю: и к 8 Марта, и к юбилейным дням войны 1812 года, а заодно и к выборам — вечная в России тема воровства.

Неудачную пьесу и сыграть очень трудно. Актёры отчаянно комикуют, но нет реплик, условные характеры — и нет результата. В первом акте лишь две более или менее остроумные реплики. Но — словно в самодеятельности, которая требует, в надежде на эффект, подлинности в реквизите и декорациях,— прекрасные декорации и замечательные костюмы. В конце первого действия — слабые, как юные сопли, аплодисменты. Остались на второй акт исключительно из вежливости. Зато театром я любовался весь вечер.

После ужина в нашем «Губернском дворе», не очень обильного, немедленно стал смотреть телевизор. В Москве — митинг оппозиции «За честные выборы» на Новом Арбате. Когда уезжал, как уже писал, слышал по радио ликующий голос Ксюши Лариной, а потом и часть выступления Максима Виторгана. Его отец, актёр Виторган,— кажется, доверенное лицо Путина. Сын рассказывал, как избирателей обманули. Путин победил в цифрах. А ведь действительно: если есть много приписок, то разве выборы честные? Другое дело, что стрёмно допускать к власти команду честолюбцев — В. Рыжков, Б. Немцов, М. Касьянов,— которая у власти уже была. Все они также участвовали в событиях 91–93 годов, все — политики, в то время как Путин всегда был только чиновником. Но всё это становится почти неинтересным. Полиция, по словам из телевизора, обещала перекрыть одну-другую сторону проезжей части на Новом Арбате, если соберётся около 50 тысяч человек, но ограничились лишь одной частью о стороны кинотеатр «Октябрь» — собралось что-то чуть больше пяти.

12 марта, понедельник

Утром пришлось ехать в Галич, невероятно старый, почти легендарный город. Господи, как ещё давно слышал об этом городе от незабвенного Вити Бочкова. Прислали за нами из Галича «Волгу» с совершенно бесстрашным пожилым шофёром Александром Валерьевичем. Летели по заснеженным дорогам, как ветер. День сегодня выдался довольно пасмурным и снежным. Пролетали мимо обжитых и полуброшенных деревень. Позёмка переметала дорогу, и я думал о том, сколько же сделали наши предки, чтобы обжить эти места, расчистить поля, сеять хлеб, и сеять лён, и в банях рожать детей. Потом я стал думать, скольким мы обязаны незаметным людям за то, что берегут эти места, хранят родину.

Через три часа в низине показалось белое облако — это

огромное Галичское озеро, на берегу которого и стоит город, древние князья которого спорили с Москвой о верховенстве. Город особенно не разглядели, потому что машина покрутилась и въехала во двор районного Дома народного творчества. Ах, как жаль, что я органически почти не запоминаю имён, и в дальнейшем моём описании происходящих чудес могут быть ошибки. Тогда буду рисовать непоименованные картинки. Уже в коридоре, довольно тесном, выстроились в стилизованных национальных костюмах три уже не очень молодые женщины с хлебом-солью в руках. Они ещё и пели какую-то величальную гостям — а разве я не написал, что ехал я на эти литературные посиделки с Надей Кондаковой? И пели так мило и душевно, что гости чуть ли не заслезились. Вообще, всё, что происходило дальше, вызывало у гостей ощущение: не по чину величание. Но, с другой стороны, было исполнено так искренне и органично, что невольно думалось: а ведь будь на нашем месте премьер-министр, они бы и его так же, по такому же разряду встретили, потому что по-другому они и не умеют.

<…> Ну конечно, это музей: горница в крестьянском доме, с половиками, с парадными элементами крестьянского быта. Музей, конечно, был самодеятельный, всё это наскребалось по деревням. Но из соседней комнаты в этот момент опять послышалось пение — а там снова музей и даже живые картины. Три прежних женщины пели песню. Одна, сидя на лавке, качала в люльке ребёнка, другая пряла лён, третья лён теребила. И опять маленький номер для гостей. В песнях, оказывается, может оказаться что угодно, вплоть до технологии обработки льна. «А мы лён сеяли, сеяли…» Гости, конечно, чуть и подпели хозяевам, и даже покружились с ними в хороводе, а потом принялись задавать вопросы. Музей оказался не вполне обычным, а — по-научному выражаясь — интерактивным: маленький посетитель — школьников сюда водят постоянно — может потрогать любой предмет. В мужском углу мальчик примерится к плотническому инструменту, а девочка покрутит ручку у маслобойки. Тут же мы, конечно, узнали то, что знали и без этого: денег в бюджете на подобные забавы и ребячьи шалости нет, но эти три женщины — все они, конечно, в этом районном Доме народного творчества и работают методистами, вместе со своим директором,— выиграли президентский грант в миллион рублей. Здесь бы сразу мне и сказать, что много позже — уже после того, как мы провели основную часть нашей работы, поговорили с местной интеллигенцией, Надя почитала стихи, я ответил на все вопросы, выслушали местных писателей, съездили в местный краеведческий музей, о котором, если хватит терпения

всё описывать, я скажу чуть позже,— нас в этой же комнате и накормили обедом, чем, как говорится, Бог послал. По-домашнему и, наверное, принесённой из дома снедью, но удивительно вкусно. Мои читатели последнее время сетуют: меньше я стал писать о еде. Выполняю их заказ. Винегрет, солёные огурцы, солёные помидоры, белые грузди, солёные рыжики, кислая капуста. Потом удивительно наваристый — грибов не жалели — грибной суп, потом отварной картофель с замечательной куриной котлетой, потом чай с мармеладом, мёдом и мочёной брусникой. За обедом я также получил два кулинарных рецепта. Я ведь в самом начале говорил об озере, которое знаменито своим ловом рыбы, которая всё не переводится, потому что здесь одно из волжских нерестилищ. Один рецепт — как готовить фаршированную щуку (я, как оказалось в разговоре, готовлю фаршированную щуку по-еврейски), а другой — как фаршировать судака на местный манер и запекать его в батоне.

Но всё-таки о главном: в небольшом зале народа было человек пятьдесят. Наши с Надей выступления пропускаю, но говорили ещё и местные люди, и говорили интересно. Есть здесь и свои писатели, и свои публицисты, и учительницы, которые пишут стихи, и читающие люди. Мне было интересно. Ещё с советских времён в местной библиотеке сохранилось десять моих книг. Я к этому списку прибавил ещё три — «Дневники» за 2009 год, «Власть слова» и книжку о Вале «Её дни». Библиотека, естественно, ничего не покупает — на покупку книг президентского гранта нет, система государственного книгораспространения предусмотрительно нашим государством уничтожена. <…>

Какие остались впечатления? Кстати, один из местных писателей, Виктор Андреевич, житель этого маленького города Галича, в котором 17 тысяч жителей, привёл в качестве отрицательного примера нашей внутренней политики цитату из последнего номера «Литературной газеты». Это говорила госпожа Набиуллина, которая занимается нашим внутренним развитием. Суть этой цитаты в том, что, как в своё время «неперспективные» деревни, у нас появились «неперспективные» города. Госпожа Набиуллина предлагает с городами поступить, как и с селом. Этот пример — и сама речь Виктора Андреевича, который, как и читатель «Литгазеты», возмущён готовностью правительства экономить на русской истории и русском будущем. Я тоже этим возмущён, потому что когда ехал в Галич на машине, то размышлял, что люди в тех деревнях и сёлах, которые ещё не

бросили свои дома, охраняют целостность наших пространств, не дают нашей родине скукожиться до уровня разросшихся, как плесень, мегагородов. А после беседы с этими учительницами и местными журналистами и литераторами, после посещения небольшого краеведческого музея, в котором директор получает 12 тысяч рублей зарплаты и ведёт серьёзную научную работу, я подумал, что слишком уж мы надменны перед нашей провинцией. Я подумал, что, замученные нашим телевидением и его представлениями о культуре прекрасного и глубокого в человеке, где самая красивая — Ксения Собчак, а самый умный — Виктор Шендерович, мы совершенно неверно представляем себе интеллектуальный уровень провинциалов. Далеко не все они спились, далеко не все опустились под тяжестью жизни, законодательства и равного налогообложения для бедных и супербогатых, и очень многие из них ещё держат советский уровень заинтересованности в общественной жизни и культуре. Кстати, недавние выборы президента дали здесь Путину 52 процента голосов.

<…>

15 марта, четверг

Часа в четыре приехал домой, и сразу же на меня нахлынуло множество московских дел и событий. Во-первых, раскрыл «Литературку» — там прекрасная статья Серёжи Арутюнова о «Маркизе». Или он сам, или газета придумали исключительный заголовок: «Второе пришествие очевидца». Рядом со статьёй Серёжи — большое письмо ли, нет, скорее статья, преподавательницы из Стерлитамака и читательницы газеты по поводу новой работы Паши Басинского о Горьком. Не успеваю я ничего читать! А Паша, оказывается, уже успел написать 416 страниц «Страстей по Максиму Горькому. Девять дней после смерти». Преподаватель из Стерлитамака очень точно ухватила основной принцип, по которому последнее время пишутся работы, которыми так интересуется публика: «Сама книга является всего лишь компиляцией, составленной из разнообразных текстов, принадлежащих близким А. М. Горького, публицистам, краеведам и т. д.» Цитату не продолжаю, для меня здесь важна тенденция: как недаром иногда знаменитые, казалось бы, писатели чуть ли не каждый год пишут по толстенному тому. А они просто умненько всё компилируют! Об ошибках, которые заметила читательница, тоже не пишу. Заканчивается эта очень обширная статья уже общим рассуждением, касающимся не одной

книги: «Что касается меня, то решение принято: читать книгу Басинского о Толстом не буду! Не хочется думать, что жюри «Большой книги» ошиблось. А на столе у меня лежит роман очередного лауреата БК Михаила Шишкина «Письмовник». Надеюсь, повезёт...»

Вообще, много неожиданного и даже трагического случилось, пока я в Костроме занимался встречей с трудящимися. В Казани, например, полицейские при помощи бутылки из-под шампанского пытали в отделении милиции попавшего к ним в лапы человека. Изнасилование при помощи бутылки, а человек умер. Теперь идёт скандал, и в отделениях ставят камеры видеонаблюдения. В Москве идут страсти по поводу танцовщиц и певуний, пытавшихся осквернить храм Христа Спасителя. Всё это я прочёл, взявши в руки «Российскую газету».

Раздел про культуру и искусство, где безраздельно царствуют в кино — Кичин, в театре — Алёна Карась, я уже давно не читаю; ещё Кичина читать можно, а вот Алёна — это такое сухопарое умничанье, что с души воротит. Не читаю я и Михаила Швыдкого, потому что всегда знаю, что у него в подтексте. Но вот общественно-криминальный отдел «Российской газеты» мне всегда интересен.

Принялся слушать радио, разбирать вещи, варить из рыбьей головы солянку — благо, с дачи привёз две банки солёных огурцов. Огурцы, конечно, в зимние морозы помёрзли, но в дело ещё годятся. Вечером всё-таки не смог удержаться и принялся опять смотреть сериал Анны Козловой. Одно очевидно: девочка всё-таки выгрызла себе место возле денежного телевидения. Весь её немалый опыт, о котором я читал в её романах, пригодился. Всё-таки это интересно. Неужели все женщины такие — или они такие внутри себя? Я, конечно, завистливо язвлю, но утерпеть не могу. В прошлой серии дети четырёх или пяти лет играли презервативами и рассуждали, зачем эти «шарики» нужны, а в сегодняшней был впервые на нашем экране продемонстрирован опыт куннилингуса. Не могу также не вспомнить, что очень давно, ещё студенткой 3-го курса журфака, Анна написала отрицательную рецензию на мой роман о Ленине. Недоступного для неё не существует.

Пока варил солянку, слушал горячие дебаты по «Эху» о том, что обязательно необходимо, в первую очередь — церкви, простить панк-певиц. На радио всё размышляли: преследование их началось из-за того, что они не любят Путина, или потому, что они спели и сплясали? К сожалению, я прослушал фамилию священнослужителя, с которым под рубрикой «Народ против» беседовали «привилегированные слушатели»,— говорил и

отбивался он прекрасно. Но почему же народ против, чтобы этих музыкантш наказали? Может быть, их надо наградить? Совершенно справедливо замечено, что если бы их не забрали, то вполне был возможен и самосуд. Посмотрел бы я на нашу общественность, если бы дамочки сплясали в синагоге или в мечети. У нас постепенно складывается порядок, что общественное мнение может нажать на любой суд — и суд пойдёт на попятную.

<…>

К шести часам приехал домой, готовил, обедал, слушал радио, смотрел передачу Малахова «Пусть говорят». Везде говорили исключительно о «Бунте кисок» — можно и так перевести название группы, в которой состоят бесстыдницы, плясавшие в храме Христа Спасителя. Защитники, среди которых Марат Гельман и телеведущая Богушинская, говорили о «художественном жесте». Видите ли, это протест против близости церкви и власти. А когда в начале перестройки Хануку праздновали в Кремле, это о чём говорило? А почему тогда никто не испортил праздника и не покричал что-то на этом празднике? В дискуссии по НТВ очень точен и аргументирован был Максим Шевченко. У Малахова точно говорил Бурляев. Но мне лично ещё понравился один из мусульманских служителей, который говорил, что из девушек надо бы выгнать беса.

<…>

16 марта, пятница

Старость — это когда времени хватает только на себя, чтобы каждый день запускать изношенный организм и по возможности поддерживать его. Замыслы и свершения во всём литературном блеске — только в голове, уже писать не то что не хватает сил, но и не хочется ничего делать. Времени хватает только на себя, на обслуживание дряхлеющих сил и угасающего интеллекта. Есть слова, которые ты не можешь быстро вспомнить, обещания, о которых забыл. Время, чтобы выполнить необходимое, утекает. Час в день на зарядку, потому что без неё уже почти невозможно, а вот как случится — и утром не заведёшься! Через день, ну иногда через два — в спортзал, иначе одряхлеешь, суставы перестанут гнуться, сахар взлетит. Вот на это всё и пустил всё своё утро. Правда, час ещё почитал книгу журналиста «Комсомольской правды» Александра Анциферова «Функция Бонапарта. Путешествие из Октябрьского переворота в Ватерлоо». Читал с карандашом, много интересного. Здесь проводится до

удивления точная мысль о термидорианском перевороте, который производится во имя того, чтобы достижениями революции, то есть тем, чего сумел добиться народ, могли воспользоваться народившиеся элиты. Здесь напрашиваются аналогии с Францией и её Великой революцией. Но напрашиваются аналогии и с нашим временем. Книжка вышла в 2009-м, и «горячего» сегодня здесь нет, но и оно соответствует старому правилу. Если Путин — представитель олигархов и крупного чиновничества, то народившаяся новая буржуазия требует и для себя власти и собственности. Народ здесь не в счёт. Народ среднего достатка ходит на митинги.

<…> В каком-то смысле Москва перестала быть цивилизованным городом, в ней можно смириться, что долго едешь на работу и с работы, а уже в театр ехать, чтобы прибыть в хорошем настроении, просто невозможно. О чёртов московский транспорт и дороги!

Теперь о спектакле. В каком-то смысле мне везёт. Я всё-таки дружу с талантливыми людьми, и они меня не подводят. В таком небольшом количестве московских театров есть спектакли такого напряжения и такой поразительной силы художественного воздействия! Яшин опять поставил замечательный спектакль. Всё, казалось бы, очень просто: деревушка на острове, тётки, парень калека, жители, фильм, который Голливуд снимает на соседнем острове, и вот этот паренёк отправляется посмотреть эти съёмки, и если повезёт… Но опять какая-то сила в этой драматургии, где действие идёт в далёком 34-м году, находить какие-то параллели и иллюзии с нашим временем. «Какое, милые, у нас тысячелетье на дворе?» Играют, как я уже писал, ученики «Щуки». Играют редкостно; то, что молодые играют людей разного возраста и играют почти без быта, возводит всё представление почти в символ времени. Как всегда, замечательные декорации Елены Качалаевой; она предложила такую композицию — берег-причал, которая в известной мере предопределила решение. Человек всегда на обрыве.

<…>

19 марта, понедельник

Завтра день рождения у В. С. Завтра же я собираюсь устроить презентацию Валиной книжки в нашем кафе «Форте». Уже сговорился с Альбертом Дмитриевичем, вчера вечером и сегодня созывал гостей. Я планирую позвать человек 25. Ну, конечно, будет народ из «Литературной газеты», мои друзья из

«Независимой», Максим. Дозвонился до Светланы Хохряковой, послал приглашение Вячу Баскову. К сожалению, не будет Жени Сидорова, он в Париже на книжной выставке. Дозвонился до Виктора Матизена, и он меня и обрадовал. Я выяснил, что, помимо своей работы журналиста, он ещё преподаёт в школе и иногда берёт учеников. Естественно, его ученики все поступают. Судя по его книжке, которую я прочёл уже давно, Витя замечательный, требовательный и весёлый педагог. Но здесь для меня важен другой аспект, который касается и меня, и почти любого деятеля искусств: если хочешь в наше время заниматься любимым делом, выражать себя, писать или рисовать, то надо ещё и зарабатывать именно на это самое деньги. А разве я работаю в Лите не для того, чтобы продолжать существовать как действующий писатель?

Из политических новостей — очень занятный демарш Сергея Миронова. Он сказал, что его фракция будет голосовать против того, чтобы при президенте Путине премьер-министром стал Медведев. Миронову не нравятся эти перестановки. Медведев, дескать, прекрасный юрист и без работы не останется. Возможно, это мнение связано и с нежеланием Путина иметь в премьер-министрах человека, знающего, в основном, жизнь по компьютеру. Но обещание было дано. Хотя это уже моя трактовка событий.

Ну, видимо, весна: зацветает герань у меня на подоконнике в кухне. <…>

20 марта, вторник

По обыкновению, в день семинара не сплю. Проснулся в шесть и почти до девяти метался по комнатам. В основном искал интонацию семинара и фантазировал план разбора текста Саши Драгана. У него замечательный, многослойный и дышащий текст. Решил анализировать в первую очередь те многочисленные причины, которые делают текст интересным и заставляют читать. Довольно много говорил вначале о Костроме, о том, какой я её застал почти через двадцать пять лет. Немножко, но лениво поговорили о политике. В два пошёл обедать с ректором, а в четыре уже презентация.

<…> Сегодня же в четыре часа провёл презентацию книги о Вале, сегодня как раз день её рождения. Всё происходило в нашем кафе «Форте». Было замечательно, тепло и спокойно. Когда я принёс в зал книги, то, повинуясь какому-то наитию, Володя, метр и распорядитель, положил их как раз на тот самый стол, за

которым мы с Валей сидели, когда последний раз вместе заехали к Альберту Дмитриевичу из Дома кино. Тогда играл джаз. Как Валя любила джаз, воспринимая его всем своим естеством! К сожалению, не приехал Матизен; позвонил Серёжа Шаргунов — внезапно ему надо было забирать ребёнка из детского сада; из «Независимой» не приехали Алиса и Миша Бойко; Марина Кудимова уезжала в Новосибирск на фестиваль, а Саша Неверов был у врача. Владик Пронин просто не доехал, у Лёвы плохое самочувствие. Но зато был всегда верный в подобных случаях Андрей Василевский, приехал Максим; конечно, Леня Колпаков, Г. Хорт, Лена Ягорунина, Светлана Хохрякова; пришёл, окончив семинар, Паша Басинский; ну и институтские: Миша Стояновский, С. П., который побыл до пяти и ушёл вести свой семинар, Л. М. Царёва, Е. А. Табачкова, Лёша Козлов, издатель, и Вася Гыдов, книгопродавец. Кого забыл? Всем благодарен, всем было хорошо, Альберт Дмитриевич «сочинил» прекрасный, обильный и вкусный стол, питья и еды было вволю. Милая моя птичка, где ты сейчас летаешь? Пишу, а у самого глаза на мокром месте.

<…> Утром «Эхо Москвы» не без символической ухмылки рассказало, что в избиркоме к грядущей инаугурации вновь избранного президента подготовили проект нового президентского удостоверения. Оно будет отличаться от того, какое было вручено Медведеву. Новый документ имеет графу, позволяющую его продлевать.

21–22 марта, среда — четверг

<…> Ещё вчера в Тулузе некий француз алжирского происхождения сначала расстрелял несколько военных, вернувшихся из Афганистана, а потом убил двоих детей и взрослого в еврейской школе. Месть правоверного. Его довольно быстро разыскали и 32 часа бездарно атаковали квартиру, в которой он затаился. Взять живым террориста, как хотела власть, не удалось. Во время штурма, отстреливаясь, он выпал из окна и оказался убитым попаданием в голову.

Трагедия с тулузским стрелком разворачивалась на фоне удивительных событий, которые произошли в одной из вологодских колоний. Здесь преступника среди белого дня вывезли на вертолёте, который перед этим был захвачен сообщниками. Довольно, правда, быстро этого бойца поймали. В каком мире мы всё-таки живём! Но мир всё-таки откликается и на мелочи: в приложении к «Независимой газете», в «Ex libris»-е,—

ироничная констатация моей торговли на книжной ярмарке. «К числу событий не первой свежести можно отнести и презентацию второго издания романа Сергея Есина «Ленин. Смерть титана». Впрочем, писатель брал числом — ИД «Комсомольская правда» представил все книги экс-ректора Литинститута». Есть и портрет. Ни в зеркало, ни на собственную фотографию уже смотреть нет сил.

23 марта, пятница

Чем больше читаю наших заочников — а в основном это пока их дипломы,— тем отчётливее вижу существование двух литератур. Одна идёт поверх всех потребностей общества, поверх традиций и даже внутреннего интереса читателя — это литература толстых журналов, премиальная литература, ну, литературу коммерческую, пошлую и низкую — она существовала всегда — я не беру в расчёт; другая литература — это литература глубинная, отечественная, тесно связанная с жизнью народа и с обстоятельствами жизни страны. Попутно расскажу как бы не связанный с этим сюжет. Вчера у меня был художник Семён Кожин. Среди прочего говорили о наших банках. И вот тут Семён развернул мне целую теорию о том, что на роль банкиров были ещё в средние века выдвинуты еврейские фамилии именно потому, что в список недозволенного, который диктует их религия, ростовщичество не входит. Говорили также о роковой метке русского народа — чувстве греха, которым, по идее, живёт каждый русский. Кстати, о еврейском капитале я, кажется, читал в одной из ранних работ Маркса, надо бы это посмотреть ещё раз. Но полный Маркс у меня на даче.

Собственно, весь день до глубокой ночи читал дипломы, поражаясь, как всегда, таланту наших студентов-заочников.

<…>

24 марта, суббота

Не могу выбросить из сознания вчерашнюю удивительную передачу по НТВ. Это был один из сильнейших ударов по нашей эстраде, которую — мне кажется, платно — НТВ постоянно поддерживает. Здесь было вывернуто всё, что только можно вывернуть: безголосые певцы, постоянные выступления под «фанеру», заказ и организация «солистами» всех горячих материалов, даже, казалось бы, вопреки собственному имиджу —

в торговле всё сгодится. В ход, лишь бы твоё имя не сходило с уст, идёт даже подстроенная самим же исполнителем автомобильная авария. Мне думается, этот удар по эстраде не случаен. Совсем недавно, в первую очередь — деятели культуры, объявили передачу о митингах, выпущенную НТВ, подлогом. Ответный удар: а кто у нас фальшивомонетчики?! Я полагаю, что могут последовать и новые разоблачения. Впрочем, похоже, всё затихает; по крайней мере, писатели уходят в кусты. А вот НТВ-шники, кажется, готовят ответный удар, который нанесут завтра, в воскресенье вечером.

<...>

25 марта, воскресенье

В Обнинске идёт снег. Довольно рано выехал, чтобы поспокойнее добраться. Долго разыскивал металлическую коробку с письмами отца моей матери из лагерей. Я помню, он писал ей много и часто, тогда ведь не переговаривались по мобильнику и не писали друг другу СМС-ки. Об этой коробке я помнил всю свою жизнь, и вот время, кажется, для неё подошло. В разборе, вернее, в перепечатке этих писем мне обещал помочь Яся Соколов. Почерк у отца был старомодный, с вензелями и выкрутасами, а я, по своей нетерпеливости, разбирать чужие почерка не очень люблю. Всё это я делаю из двух побуждений. Первое — сеанс заканчивается, и надо быть наготове, т. е. закончить все дела. Второе — новый роман, семейный, уже бродит во мне.

К четырём уже приехал с дачи и сразу включил телевизор: «Евгений Онегин» Чайковского из «Метрополитен-опера», но пело несколько наших — в частности, Дмитрий Хворостовский. Оторваться уже не смог. Здесь у меня опять возникло два соображения. Во-первых, я впервые в этой опере вижу, что главным героем могла стать не только героиня — Татьяна, симпатичное, милое и русское по своей целостности существо, но и сам Онегин. И дело не в том, что Хворостовский статен и хорошо несёт внешний рисунок роли,— он её ещё и верно, полно поёт. Здесь я вспомнил недавнее высказывание Майи Плисецкой, связанное с её балетными трактовками: надо слушать музыку, в ней всё есть. Действительно, как никто, Чайковский умеет быть близок к подлинному тексту литературы. Но и Татьяна была бесподобна.

Слушал оперу на кухне, кое-что поваривая и помешивая в своих многочисленных кухонных приборах. В результате, кроме

поразительных впечатлений от оперы,— морковные котлеты, сырники и в мультиварке рагу из овощей с мясным фаршем.

Вместо личной жизни, как и почти каждый день,— телевидение. Я уже писал, что, рассчитывая на один определённый эффект, телевидение часто добивается совершенно другого. Всё-таки состоялась встреча оппозиции и обвинившей её в продажности телестанции НТВ. Ну наконец-то я увидел всех людей, о которых всю весну слышу по радио. Не монстры. В эфире произошёл театрализованный скандал. Вроде бы оппозиционеры ушли из студии, потом вернулись, все стали думать о стране, о будущем. Я попутно размышлял о стимулах этих протестантов, об их стремлении сесть на место нынешней власти и, по русскому обычаю, стать такими же, как эта власть. Но ещё до этого, не в примирительной, а в обвинительной части передачи, было высказано многое, и я окончательно уяснил: не без, как и положено любой оппозиции, иностранных денежек поживают наши смелые оппозиционеры и оппозиционерши. НТВ-шники неплохо подготовились. Только американский Конгресс выделил на обучение России демократии 200 миллионов сребреников. И говорите о своём бескорыстии!

<…>

28 марта, среда

Среда — это мой традиционный выходной день. Утром пошёл в спортзал, но решил не на традиционные занятия, а на почти двухчасовое занятие йогой. Измотался, конечно, до изумления, каждая косточка болит, но чувствую, что всё это на пользу, каждый сустав потерял гибкость и заледенел. Будем всё раскачивать, гонка за выживание продолжается.

К обеду приходил Павлик Косов, забрал несколько книг — он собирается делать документальный фильм обо мне, о дневниках — и принёс записанный на диске свой последний фильм — о Михаиле Кузмине. Вечером я фильм посмотрел, даёт представление об эпохе, очень мило всё сделано, но трагизм этой судьбы почувствовать трудно. Деликатно кое о чём фильм стыдливо умалчивает. Но хрестоматийное стихотворение «Где слог найду, чтоб описать прогулку...» прозвучало. Не прозвучало, кому стихотворение было посвящено и ради чего написано... Но всё равно Павлик молодец, это ещё одно подтверждение, что моя жизнь в Литинституте проходит не даром. Эти мальчишки, ещё несколько лет назад писавшие вступительные этюды,— уже специалисты, уже нашли своё дело в жизни и свою судьбу...

<…>

29 марта, четверг

<…> Когда начинаю думать, что дневник мой совсем обмелел и писать практически нечего, жизнь всегда что-нибудь подбросит. В метро, а не был я там чуть ли не с выборов, купил «Новую газету». К счастью, она опять появилась, а совсем недавно, недели на три, по крайней мере, у нас на «Университете» через автомат газета не продавалась. Горячая газета, того и гляди, от неё что-нибудь запылает.

Всю дорогу туда читал «Новую газету», а обратно — «Шерлока Холмса» на английском. Газета, в принципе, меня расстроила, она полна теми отвратительными фактами, которые принуждают бояться жить. И с каждым днём всё страшнее. Если конспективно, то так.

«Секретное ДТП с участием машины из кортежа министра Нургалиева расследовано не будет — все документы изъяты и спрятаны». ДТП, кстати, случилось летом на 22-м километре Калужского шоссе, по которому каждую неделю я без кортежа езжу на дачу. Летом же появилась в «НГ» и публикация. «Тогда же «Новая газета» предположила: подобная секретность и суета связана с тем, что в машине из кортежа министра внутренних дел Нургалиева ехала его жена с подругой, на дачу спешили. Как теперь выясняется, мы были правы».

На нескольких полосах — о пытках, которым подвергают задержанных наши полицейские. На деталях не останавливаюсь — снова из газеты: «О нравах в ведомстве г-на Нургалиева — стр. 2–3». А на этих страницах — и о самом министре, и о его подчинённом, министре Татарстана.

Чтобы не тянуть: самое страшное — это некая дискуссия между гранд-дамами газеты Юлией Латыниной и Еленой Рачевой по поводу расстрела двух парней в Белоруссии. Ещё недавно я думал о том, как сложно и тяжело бремя власти. Подписав приговор и отказав тем самым «террористам» в помиловании, Лукашенко взял на себя огромную ответственность. Я бы с грузом такого решения жить не смог. А если служебная ошибка? Да и вообще, своей подписью лишить человека жизни — это не для меня, я слабак. Но тут выясняется — всё это в газете,— что система доказательств далеко не безупречна; возможно, это совсем не те парни. Выпускница Литинститута Юлия Латынина батьку Лукашенко целиком поддерживает. Она даже протестует против реакции на этот расстрел, которая возникла в России. Как

страшно и жить, и читать.

<…>

Иногда я тороплюсь вернуться домой только потому, что тороплюсь что-то донести до дневника. Не забыть, записать полнее. К сожалению, я запамятовал точное время заседания нашего клуба и пришёл уже к середине большого выступления Михаила Леонтьевича Титоренко — директора Института Китая. Кое-что мне всё же удалось зафиксировать — наверное, с ошибками — на мой маленький компьютер, но главным здесь, на мой взгляд, было несколько рассуждений.

Китай. 9 классов — бесплатно. Среднее, высшее медицинское — бесплатно. 51% населения — в городах и в посёлках. Предел, которого можно достигнуть экстенсивным развитием в промышленности и на селе. За высокие показатели Китай заплатил своей экологией. 80% водоёмов отравлено, дефицит воды. Невероятное количество руды и угля. Китай — сборочный цех мира. Собственных брендов — 5 процентов. Огромные деньги китайцы тратят на образование и науку. Миллионы — на стажировку и обучение за рубежом.

2 миллиона человек уже думает не по-китайски. Новый либерализм. Борьба. Урбанизация. Колоссальный разрыв уровня жизни горожан и крестьян. Слой безземельных крестьян. Свои участки они продали. Землю отбирают под строительство дорог и промышленных предприятий. Крестьянские волнения.

Задача армии — внутренняя стабильность. Рождение одного ребёнка — проблемы. В некоторых районах — дефицит рабочей силы. Мужское население на 42 миллиона человек превышает женское.

Двухмиллионная армия. 185 баллистических ракет. Космос — на уровне СССР 70-х годов. 750 тысяч солдат — вдоль границы с Россией, но основные силы — против Тайваня. Следят за путями доставки сырья. Китай и Россия заинтересованы друг в друге. Никакой угрозы со стороны Китая в ближайшие 10 лет быть не может. Китай выступает как конструктивная сила.

<…>

Теперь к «гуманитарной» части. Это уже из моих рукописных записей.

«Русские и китайцы похожи тем, что во всех делах у них главным является духовная составляющая». У нас — совесть, божественное, у китайцев — предки, следование закону.

«Если на одной из трёх дверей будет написано «Не входить», то русский сначала направится именно к этой двери, китаец — никогда».

«Китайцы всегда помнят добро, которое было сделано для них, но никогда не забывают и о зле».

«Китайцу сложно придумать что-то новое, но если вы это новое придумали, то именно китаец доведёт это новое до высшего совершенства».

<…>

31 марта, суббота

Утром разбирал металлический ящик, который привёз с дачи. В нём у меня хранились мои ранние письма и бумаги. Я тогда предполагал, что стану великим писателем и все мои бумажки пригодятся. Пригодятся, но исключительно только мне и моему щенячьему любопытству. Искал-то я, конечно, письма моего отца к матери и детям, буду шарить теперь по разным другим местам. Но, хотя отцовских писем не нашёл, было много любопытного и забытого. Письма девочек, которые ухаживали за мной и за которыми я ухаживал, и даже мой, довольно безжалостный, табель за первый класс. С подписью моего незабываемого классного руководителя Серафимы Петровны Полетаевой. Это ещё одно доказательство, что не всегда из отличников и вундеркиндов получается что-то путёвое. Я пишу об этом ещё и потому, что у нас в институте каждый год мы собираем молодых гениев из Москвы и из провинции. Если бы вы видели мамаш, которые привозят своих талантливых дочек! Об этом мне довольно забавно рассказывал Лёша Антонов. Впрочем, недавно и телевидение сказало, что в лучшем случае хоть что-то из этих гениев прорезывается в пересчёте 1 к 10.

<…>

Да и вообще много интересного: письма Капитолины, актрисы, с которой я дружил в Ташкенте, Тани Лукьяновой, которая меня провожала в армию и которая потом исчезла из моей жизни, кое-что, связанное с моей жизнью в кино, и даже «кодекс поведения», который я вряд ли сочинил — скорее всего, откуда-нибудь списал. Занятно, что, в принципе, по этому кодексу я и живу, кроме одного пункта.

Вечером ходил в театр Покровского. Естественно, пригласил В. А. Вольский. В театре восстановили «Ревизора» — как бы условно опера с музыкой Вл. Дашкевича и со стихами Юлия Кима. Конечно, получил большое легкомысленное удовольствие. В этом театре всегда высокий уровень исполнения и самого спектакля. Особенно хорош был Хлестаков — сравнительно

молодой парень, эдакий «русский тенор» — Борис Молчанов.

Если сказать себе, что это лёгкая музыка, что это мюзикл, без каких-либо претензий на оперную глубину,— всё прекрасно. Всё весело, бодро, даже остро, но ни одной запоминающейся мелодии. Ощущение замечательной музыки к кинофильмам. Слово «остро» тоже написал не зря. Действительно остро: и коррупция, и сами фигуры — между Путиным и Медведевым. «То флейта слышится, то будто фортепьяно». Почему-то вспомнил покойного Рафаила Вольского: совершенно замечательно он одел всех артистов. Чего стоит один фрак Хлестакова, расшитый маскарадными блёстками!

1 апреля, воскресенье

Утром ездил в «Ашан», запасался продуктами и овощами, которые не ем. Этот магазин ещё раз мне подчеркнул, насколько всё в нём дешевле, чем в лавчонках и магазинчиках на улице. <…>

Наш «Ашан» — на самом деле это «Капитолий», в котором и «Ашан», и куча других магазинов, в том числе здесь ещё и целых семь кинозалов. В магазине увидел, что идёт новый фильм Павла Лунгина «Дирижёр», о котором мы говорили с Андреем Плаховым. Какие-то восторги я читал об этом и в «Российской газете». Но газетам я не доверяю, решил посмотреть сам, взял дешёвый билет за 300 рублей.

Лунгин у нас последнее время стал специалистом по православию. Но этот православный фильм, основное действие которого происходит в Израиле, очень уж странный. Всё сделано по прекрасным западным образцам. Чтобы восхитить обывателя. Огромные самолёты, комфорт роскошных гостиниц, широкие панорамы Иерусалима, знаменитые святыни. Отец — знаменитый дирижёр, сын — почти хиппи, флирт певца, богатые женщины, едущие в паломничество, кровь, смерть, надежда. Есть всё вне контекста высокого вкуса. Хороша и достойна только музыка — «Страсти по Матфею», написанная одним из иерархов нашей церкви. Под музыку и Иерусалим, видимо, и давали деньги. Сценарист — тоже Лунгин. Я всегда просто физически страдаю, когда вижу что-то лживое на сцене, когда что-то корявое и с претензией читаю. Здесь всё лживо — и актёр, который делает вид, что дирижирует, и сама коллизия: сын дирижёра умирает в Иерусалиме, где отец дирижирует ораторией. Плохой текст, лживые ситуации. <…>

Что-то возникает лишь у Лены Мороз. По-настоящему интересный крошечный эпизод — это когда снаряжают на теракт молодого террориста. Его стригут, моют, одевают, его обнимает отец. Душераздирающая сцена. А потом в нарядной толпе раздаётся взрыв.

Кстати, все эти красоты Иерусалима, страсти музыки, самолёты, гостиницы и взрывы в выходной день, на сеансе в 15:30, в большом и просторном зале наблюдало не больше 10–12 человек. Если мы делаем блокбастер, так уж делаем!

<…> Тема замечательного православного изделия Павла Лунгина на этом не закончилась. Вечером, когда жарил рыбу,

включил телевизор — всё о том же. Какой прекрасный фильм, на экранах будет только две недели, а потом, так сказать, к Пасхе, пойдёт по Первому каналу.

2 апреля, понедельник

<…> В Сибири разбился самолёт, летевший из Тюмени в Сургут,— много погибших. Причины придумали к вечеру: не облили самолёт противообледенителем. Мельком сказали, что этому итало-французскому самолёту, купленному и перекупленному, уже больше 20-ти лет. Наш бизнес постоянно экономит на «человеческом факторе». В итоге — смерть. Я уже давно заметил, что, защищая «экономный» бизнес, наши эксперты обычно всё сводят к ошибке пилотов или к «внешним причинам» — не завезли соответствующих реагентов,— так для бизнеса менее опасно: и пассажиров отпугнёт меньше, и к устаревшим машинам меньше претензий.

По поводу этой катастрофы встрепенулся президент и приказал всё возможное сделать, чтобы наиболее тяжело раненных потерпевших доставить в Москву. Вспомнил тут я: когда случилась трагедия в клубе «Хромая лошадь», потерпевших тоже везли в Москву. В огромной Перми не хватило ожоговых мест, не хватило в огромной Сибири. Что же это такое с нашей медициной?! В Америке чуть ли не в каждом штате огромные научные медицинские центры, известные на весь мир, в Германию мы постоянно отправляем в самые труднопроизносимые и плохо известные городки лечить больных с неизвестными широкой публике трагическими заболеваниями, а у Тюмени нет возможности лечить таких больных. В связи с этим вот ещё какая возникла у меня мысль…

По радиостанции «Эхо Москвы» постоянно, два раз в день, слышатся призывы к гражданам помочь детям, которым нужна та или иная операция или дорогостоящее лечение. Звучат названия разных клиник, порой в малознакомых городах Германии, Америки и Израиля. Нужны деньги, деньги, деньги. «Им нужна ваша помощь!» Как хорошо сознавать, что эти деньги у наших сердобольных граждан порой находятся. Но здесь два вопроса: мы что, совершенно не можем лечить редкие заболевания у детей? И второй: у нас что, действительно вся медицина сосредоточена только в Москве и нацелена только на лечение самых распространённых заболеваний?

3 апреля, вторник

Утром взялся за 3-й номер «Нашего современника», который каждый раз присылает мне С. Куняев. Общее впечатление довольно безрадостное и по стихам, и по прозе. Впрочем, в стихах есть и кое-что любопытное. Ощущение, что С. Куняев передоверил журнал своим помощникам, сосредоточившись на собственных высказываниях. Женя Шишкин попробовал себя как публицист и культуролог. Вне разговора и вне критики.

А вот работа самого Ст. Куняева очень интересна, филолог он опытный, знающий, начитанный — филологическое образование в МГУ даром не проходит. В пять утра начал читать его большой материал, посвящённый Анне Ахматовой, и пока не закончил — остановиться не смог. А ведь у меня сегодня семинар, надо бы было что-то посмотреть ещё и из своих учеников. Поначалу читал с раздражением: столько раз уже Анна Ахматова бита, ну чего придираться к манере... Однако постепенно мысль Куняева прояснилась: он замахнулся на весь Серебряный век, в силу ряда причин почти у нас обожествлённый.

<...> Семинар закончил в 13:30, и сразу же началась кафедра. Это обычные увещевания преподавателей следить за своими студентами, помнить, что они их духовные наставники. В том числе поговорили и о будущем приёме и рецензировании. Олеся Александровна очень ещё и до кафедры была возбуждена всей ситуацией, которая разворачивается вокруг девок, спевших молитву в храме Христа Спасителя. Все они до судебного разбирательства ещё находятся в изоляторе. Это, конечно, напрасно, но и, с другой стороны, совершён бесстыжий и даже смешной акт — их признали «узницами совести». В силу своей православной позиции Олеся Александровна вынуждена этих певиц осуждать. Но проблема и шире: дозволенность и границы искусства. По предложению О. А. мы, видимо, проведём единый институтский семинар на эту тему 24 апреля. Мои слова, я говорил об этом в самом широком смысле, о том, что это всё же демократический лагерь, который всегда О. А. и её муж, отец Вигилянский, поддерживали, обоим не понравились. Но я ещё сказал, что она теперь может не ждать премий, которыми её всегда награждало именно либеральное литературное сообщество.

Вечером ходил в Колонный зал — в рамках юбилея Ростроповича состоялся прекрасный концерт. Главными действующими лицами были Большой симфонический оркестр им. Шостаковича и дирижёр Юрий Темирканов. Сначала играли

лядовскую «Кикимору»: казалось бы, некоторая игра со звуком, звукоподражание, картинки леса, а потом всё разошлось до небесных хлябей, стало мощно и плотно. Как, в принципе, рано началась «современная» музыка! Потом — концерт Шостаковича для виолончели с оркестром. Автор посвятил Ростроповичу, так что это было в духе фестиваля. А главное, в духе был ещё и солист — итальянец Энрико Диндо. Это артист с удивительным звуком и силой. Удивительно, что концерт, написанный в 1995 году, звучит так трагически, будто создан только сегодня. Но всё же, видимо, главным номером вечера стало «...al Niente» Гия Канчели. Музыка эта — невероятной силы и выразительности. Я уже давно понял, что главное — не воспринимать симфоническую музыку как некие картины... Сейчас для меня это всё куски чувствований, на которые должна отзываться моя душа. Она отозвалась. Музыка так была хороша, что её даже страшно слушать второй раз.

4 апреля, среда

В нашей стране соскучиться трудно. Утром буквально оглушило известие: «Почти пять часов понадобилось пожарным, чтобы потушить башню делового комплекса „Москва-Сити“». Это одна из тех башен, которые смотрятся с метро-моста как выпирающие из челюсти клыки на фоне спокойной картины Москвы, стадиона и Новодевичьего монастыря. Одна из тех башен, о которых в самом начале своей карьеры новый мэр С. Собянин сказал, что это градостроительная ошибка.

Вот как я скомпоновал по прессе картину пожара. На 67-м этаже высотки загорелась деревянная опалубка, из-за ветра пламя быстро охватило несколько сот квадратных метров. Это два последних этажа постройки. Мотопомпы. С 30-го этажа мотопомпы пожарным пришлось на 67-й этаж тащить пешком. Лифты на этой высоте были отключены. В тушении пришлось задействовать вертолёты.

Но и это не всё. Среда для меня, после тяжёлого вторника, некий день свободы, я дома, колесо к следующему семинару начнёт крутиться в четверг или в пятницу. В этот день выходит «Литературная газета», и уже много лет я получаю домой «Российскую газету». Что нового?

Начнём с правительственной газеты. «Семнадцать человек сгорело на строительном рынке на юге Москвы». А всё очень просто: нажива — двигатель и губитель жизни. На рынке существовал склад, владелец этого склада в своей квартире

зарегистрировал 11 человек — все они сгорели — таджиков, но жили они все не у него в квартире, а в складе, вместе с другими таджиками. Чтобы все думали, что в складе никто не живёт, на всякий случай пленников наживы на металлическом складе запирали. Замок висел на дверях, все могли его видеть. Вот так таджики и погибли.

Сюжет второй: газета уже писала о гибели самолёта в Тюмени, я тоже не прошёл мимо этого. Главная причина — всё-таки лёд, образовавшийся на стабилизаторе. Сэкономили на реагенте? Сэкономили на обслуживании? Газета пишет: шесть человек похоронят в Ханты-Мансийске, двоих — в Сургуте, двоих — в Нефтеюганске, одного — в Твери, шестнадцать — в Тюменской области. Это разброс прибыли и экономии.

И наконец — третий эпизод: «В министерстве обороны украли 190 миллионов рублей. Ядерный откат». Откаты возникли при строительстве станции, которая могла бы фиксировать, в какой точке земного шара произошёл ядерный взрыв. Вот так мы и живём: приватизация с её основным лозунгом «даже пойманный — не вор» продолжается и принимает новые формы!

<…>

6 апреля, пятница

Такая трудная весна. Авитаминоз или старость? Постоянно устаю, часто хочется лечь и просто смотреть телевизор. Так в конце жизни лежала и смотрела телевизор Валя. Может быть, она меня зовёт. Вчера, возвращаясь из университета Туро, проезжал по улице Орджоникидзе мимо стены крематория, перекрестился. Представил себе зелёную керамическую банку, в которой её пепел… А где-то поблизости пролетала её беззлобная душа. Всё время ожидаю, что опять в теле почувствую свободу и радость, а это всё не приходит и не происходит.

Ещё вчера пришла новость, что бывший мебельщик Сердюков… уходит в отставку. Об этом поговорили и на «Эхе», почти по этому поводу, по крайней мере — по поводу личности, написал мне из Ленинграда и мой приятель, ещё недавно военный и афганец, Геннадий Клюкин.

«Завтра — собственно, без нескольких минут уже сегодня,— даст Бог, съезжу на угол Боткинской и Сампсониевского, там будет сходняк протеста по поводу убирания ВМедА им. Кирова с её привычного места и выноса за пределы Питера в Сестрорецк.

Этот Сердюков и сюда добрался!.. Народ в трансе: как можно российское национальное достояние вот так раздолбать?! Пустить под нож то, что сотнями лет накоплено было, что даже фашисты не смогли разрушить? Ну где она, эта замечательная 64-я статья советского УК — измена Родине?»

<…>

Но должен огорчить и себя, и Геннадия: потом появилось сообщение, что министр раздумал и, кажется, остаётся на другой срок.

<…>

12 апреля, четверг

Утром в «Российской газете» — большое открытое письмо производителей молока. Суть его — как достала их конкуренция, и в первую очередь — Белоруссии. Она, видимо, очень обострилась после вхождения России и наших соседей в Единое экономическое пространство. В этом письме приводятся и многие другие факты. В частности, большое количество разных пищевых фальсификатов. Упоминалось здесь и пальмовое масло, и украинский сыр. Насколько всё это справедливо, я не знаю, но в этой статье было несколько цифр, которые меня заинтересовали. Например: «Рынок буквально завален белорусской молочной продукцией, изготовленной из молока стоимостью 9–10 руб./кг». Далее так: «Чтобы хоть как-то конкурировать, российские переработчики вынуждены снижать закупочную цену на сырое молоко до 12–13 руб./кг». Но если всё это так и такие цены реально существовали, почему я, постоянный покупатель молока, их не заметил? В лавках на улицах пакет молока стоит выше сорока рублей за литр, в магазинах — почти пятьдесят. Кто же забирает разницу? Переработчик или торговля? И разве существует подобная разница в цене между закупкой и готовой продукцией где-нибудь за границей?

Обо всём этом я бы не писал, если бы вчера не столкнулся со странной ситуацией в Интернете. Я решил проверить, как расходится моя новая книжка, написанная о Вале. Что же я обнаружил? Она стоит: в книжном магазине на Тверской — 450 рублей, в интернет-магазине — 383 рубля, в сети «Озон» — 497 рублей. Но здесь надо иметь в виду следующие два обстоятельства. Первое — весь тираж хранится у меня, и я сдавал его в продажу по цене 160 рублей за том, ниже себестоимости.

И опять уточнение: тираж мог уходить только из одного места — из Книжной лавки Литинститута. Так кто же накручивает у нас такие поразительные цены? Сколько посредников кормит нищий писатель? И как тут не вспомнить советскую книжную торговлю?

Днём обещал приехать обедать Вилли Люкель из Марбурга, муж Барбары. Мы знакомы с ним и Барбарой уже чуть ли не 20 лет. С раннего утра я принялся готовиться: сходил в магазин, купил овощей, купил осетинский пирог, начистил и нажарил картошки и рыбы. Даже купил полкило ранней клубники. Поговорили о порядках в Германии и у нас. У них тоже реформируют образование. Вилли говорил о лишних предметах в школе и об организации изучения иностранных языков. В том числе поговорили о государственном воровстве у нас и в Германии. Судя по всему, там ребята тоже не промах. Поговорили об умении правительства под влиянием общественности давать задний ход. Германия вроде бы решила избавиться от своих атомных станций...

<...>

14 апреля, суббота

<...> Я давно хотел попасть на Пасху в собор. Много раз смотрел пасхальную службу по телевизору и всегда считал подобные передачи одними из лучших на телевидении. Но последнее время я всё настойчивее ищу в себе некий внутренний слом, который принесёт не головную, а подлинную веру. Я почему-то верю, что это придёт, и постоянно ищу те ситуации, когда моя душа раскроется. Вот теперь я уже точно постараюсь, если, конечно, буду жив, прийти сюда же на следующий год именно потому, что в этом году всё было не так удачно.

Оказалось, что все эти пригласительные билеты на патриаршую службу имеют несколько градаций. В центре храма и слева от алтаря — это для более привилегированной публики. Вход в эти части собора — через нижнюю церковь. Слева, как раз напротив своего места, во время службы я даже увидел стоящих в специальной ложе Медведева с женой, Путина без жены и одинокого Собянина. Наверное, здесь, в храме, была собрана вся чиновничья элита, несмотря на их грехи и веру. Всё я увидеть не мог, потому что в «моей» части храма, между стоящей публикой попроще и передней частью, где, собственно, происходило всё действие, было отгорожено ещё некоторое пространство, на котором, как только началась служба, поднялась со своей аппаратурой пресса. Они отгородили всю толпу верующих

низшего разряда от происходящего. Путина и жену президента в красном платье и с белой накидкой я увидел только в какую-то щель между спинами и телевизионными трубами. Мы все слушали, но, правда, видели, когда кто-нибудь из священников, прислужников или сам Патриарх выходили из Царских врат. Патриарх был значителен, возглашал с силой и внутренней уверенностью мхатовского актёра. Я в этот момент перестал думать, носил ли он всё-таки на руке драгоценные, стоящие целое состояние часы «Брегет», воспетые ещё Пушкиным, или не носил. Я отзывался Патриарху: «Воистину воскресе!»

Ушёл я из храма в начале второго часа и службу досматривал с прекрасным комментарием уже по ТВ дома. Эти передачи с простыми и одухотворёнными лицами верующих у ТВ получаются всегда и неизменно.

Собственно, расстроили меня не плохие и неудобные места, к этому я был готов, а окружающий меня народ, вернее, несколько довольно случайно попавших сюда молодых людей. Не повезло.

Во-первых, я узнал, что несколько активно протискивающихся всю службу вперёд и вперёд совсем юных девушек рассчитывали в первую очередь на то, что попадут в телевизионную камеру. Они аккуратно отжимали публику и медленно стремились в зону телевизионного обзора. Но Бог с ними и с их девичьим честолюбием.

Второе, что меня просто удручало, это разговор двух молодых людей, стоящих передо мной, и некоего мужчины постарше, который им много объяснял за жизнь. Из их непрекращающихся разговоров я узнал, что один паренёк из Белоруссии и учится на военного дирижёра — часть его, вернее, военный музыкальный университет находится на Комсомольском проспекте. Другой разговорчивый паренёк, из Украины, рассказывал о сложностях и ценах жизни у него на родине. Но инициатором оживлённой беседы был всё-таки мужчина постарше. Он рассказывал, как у них в Троицком был Путин. Для молодых провинциалов, которые видят перед собой вождя в непосредственной, а не телевизионной близи, это было невероятно интересно.

На всё это я, конечно, не обратил бы внимания, если бы во время этого разговора несколько священников по переменке не читали Евангелие. Я пытался вслушаться в слова, которые именно сегодня имели для меня огромное значение, но не мог сосредоточиться. Милое светское жужжание всё время влетало в смысл. Правда, потом всю компанию с женской отчаянной решимостью отчитала моя соседка. Но сосредоточенные минуты были потеряны.

Я уже наблюдал за многочисленной охраной, за

телевизионщиками, за служителями в рясах и без ряс, которые кого-то проводили и ставили вперёд, за манипуляциями со светом — его включали и выключали, проверяя готовность. Всё это было похоже на какой-то большой театр перед премьерой.

Путин и Медведев, или — Медведев и Путин с женой Медведева и мэром, появились уже ближе к двенадцати и после праздничного возгласа Патриарха вскоре и уехали. Сразу начали снимать охрану...

15 апреля, воскресенье

Я уже не разбираюсь, высыпаюсь я или нет, бодрость — вещь приходящая и случайная. Утренняя молодая бодрость уже давно отбушевала. И утром было тому серьёзное подтверждение. Вчера звонил дежурный из гаража и сказал, чтобы я приезжал — получить или внести какие-то деньги. На обратном пути около «Лужников», уже с набережной зачем-то подъехав под мост, я запутался и прямо на дороге спросил у постового капитана, можно ли мне проехать налево. Но когда я обернулся и повернул налево, передо мной оказалось три дороги. Впереди абсолютно пустое пространство, ни одной машины, ничего, за чем можно было бы последовать, и, направляясь вперёд, я совершил ошибку — на полкорпуса въехал на сплошную линию, сейчас же во всём разобрался и тут же получил некую беседу. Капитан, с которым я разговаривал, а вернее, который, как мне показалось, скорее вымогал у меня некую «ссуду», всё время называл меня «отцом». Тот словесный балет — «отберу права на четыре месяца», «пусть вас суд прощает» — я не описываю. Я здесь тоже мастер влиять на психику и влиять на подсознание. Я очень аккуратно заронил в нём тревогу, что справедливость — не только колесо на разделительной полосе, но и некоторое его участие, когда он не предотвратил мою невольную ошибку. Отобрав мои водительские права, доблестный капитан сдался перед моей гипотетической жалобой, нежеланием что-то ему предлагать и прерывать доходное время. Стояло замечательное утро для охоты. Народ уже разговелся и возвращается домой. Почти у каждого можно спросить: «А ты вчера не пил?» И здесь — уже можно брать всё. А я предлагал ему писать акт, и ещё неизвестно, как в дальнейшем себя поведу. Фамилию, должность и звание я уже спросил. Но суть всё-таки не в этом. Права, вздыхая по неполученной выгоде, полицейский мне вернул. А вот его настойчивое «отец» теперь останется со мною, и, видимо, уже навсегда. Не смотрись в зеркало, отец!

Весь день занимался дневником, что-то варил, поливал рассаду, а вечером поехал в Центр драматургии, куда сейчас перевели с Таганки центр Алексея Казанцева и Михаила Рощина. Центр теперь на Беговой, в том месте, где когда-то помещался театр «Вишнёвый сад». Оля Галахова, жена Анатолия Королёва, оказалась здесь куратором нового театрального проекта. Формулирую по афише. Это пьеса Лукаса Берфуса «Путешествие Алисы в Швейцарию». Пьеса об эвтаназии. Смотреть, конечно, мне в моём возрасте было нелегко, но спектакль получился яркий и смелый по актёрской игре. Вдобавок ко всему в центре — две знаменитых актрисы: Ольга Яковлева, когда-то звезда А. Эфроса, и Елена Морозова, которую я знаю уже лет десять, ещё с Гатчинского фестиваля. Когда прочёл на афише, что постановка некой Виктории Звягиной, то подумал, что какая-то старая и матёрая тётка. Оказалось, невысокая, миниатюрная девушка, ученица Леонида Хейфица. В спектакле есть несколько «толчковых» моментов, когда сердце поднимается к горлу, ради которых мы и ходим в театр. Кино может вызвать слёзы, переживания, но никогда — таких взрывов в душе. Мне ещё во что бы то ни стало хотелось бы отметить некоего молодого, но прекрасно работающего актёра Антона Кукушкина, который свою роль проводит на английском языке. Да и другой актёр — хозяин квартиры, в котором доктор вершит роль Бога,— Кирилл Лоскутов, тоже хорош. <…>

16 апреля, понедельник

Утром дочитывал серию статей Станислава Куняева о Серебряном веке и его наследниках. Читается всё это как детективный роман. Жало статьи направлено, скорее, на сегодняшний день и особо против так раздражающих Станислава Юрьевича «шестидесятников». Прошлому тоже крепко достаётся — за измену национальным традициям, за западничество, за моральный упадок. Собирая материал, видимо, всю жизнь, Куняев о многом напомнил. Есть, правда, за всем этим и оттенок собственной, личной горечи… В поэты эпохи выбились Евтушенко, Рождественский, Вознесенский, Окуджава. Но у этих эпохальных поэтов, так быстро отринувших власть, с которой они заигрывали и которой льстили, в творческой биографии есть занимательные моменты. Все, оказывается, за исключением, может быть, Беллы Ахмадулиной, написали по поэме, а некоторые и по нескольку, о В. И. Ленине. Творец «пыльных шлемов» Б. Ш. Окуджава здесь тоже очень хорошо постарался.

У меня возник вопрос: как же поэт может предать своё творчество? И предали, и забыли, и исколотили всё каблуками.

Достоинством статьи стал её поразительный фон, огромное количество подробностей. Кажется, Куняев собирал этот материал всю жизнь: растленная составляющая Серебряного века. Для себя отметил, что в высказываниях Иоанна Кронштадтского, приведённых в работе, очень много разумного и точного. Раньше эту фигуру я всегда воспринимал как сгущение всяческого мракобесия. Эстетический монолит, даже не монолит, а континентальная платформа Серебряного века дала трещину. <…>

17 апреля, вторник

Когда ехал на машине в институт, радио ФМ всё время передавало три новости:

— Думцы придумали новую кару для оппозиционеров, выходящих на митинги,— мести улицу от 20 до 200 часов.

Это так понятно, думцы охраняют власть и режим, который им удобен и выгоден. Богатые охраняют неизменность своего состояния. В связи с этим вставляю цитату из вчерашнего Интернета.

В российской Госдуме 39 депутатов открыто показывают более одного миллиона долларов США дохода, полученного за 2011 год. Больше всего заработали представители «Единой России»: из 237 членов фракции 23 зарабатывают от 30 миллионов рублей в год и больше. Семь миллионеров — в «Справедливой России», в ЛДПР — пятеро депутатов открыто признают себя долларовыми миллионерами, среди коммунистов их четверо.

— Трое подельников, среди которых один — работник министерства сельского хозяйства, один из них, кажется, даже директор департамента, похитили полмиллиарда рублей. Директор департамента находится в розыске.

Эту ситуацию я даже не копаю. Что-то подобное происходит каждый день. Дня не проходит, чтобы не объявили о всё новой и новой краже. Меня удивляет только одно: как же в России много денег, что до сих пор всего не разворовали!

— В Москве во время стройки «сложился» шестиэтажный дом. Погибли рабочие из Средней Азии.

Недавно горела башня, теперь вот рухнул дом. Уже сказали, что это жадность предпринимателей. Самостоятельно наши «дельцы» решили надстроить один из цехов какого-то

предприятия и превратить его в торговый центр в шесть этажей. Жадность сгубила людей! <…>

18 апреля, среда

Сегодня юбилейный вечер Игоря Волгина, куда надо бы было сходить, но Алексей Варламов принёс билет на церемонию вручения Горьковской премии. Здесь у меня просто долг — я ведь тоже два года назад стал лауреатом. Было интересно ещё и в связи со сменой главного редактора в «Литературной учёбе». Здесь теперь после Максима Лаврентьева всё тот же Алексей Варламов. Кое-что, конечно, изменилось, и меняться в направлении обязательно будет, я это чувствую по осторожному и вдумчивому, сбалансированному подбору бесспорных лауреатов. Публика тоже, безусловно, новая. Почти сразу же — довольно таинственную историю с переносом зала и места вручения пропускаю: в конце здания ворота с калиткой, а дальше вход в белую дверь кафе «Шоколадница», предъявление паспорта,— почти сразу же встретил Серёжу Чупринина и Наташу Иванову. Серёжа: «Меня раньше сюда не звали, пришёл посмотреть». Но раньше сюда не звали и Олесю Николаеву с Сашей Сегенем; если сюда прибавить ещё и кое-кого, помеченного в оглавлении первого номера «Литературной учёбы», то невольно возникает мысль о некоторой компоненте писателей, близких к нашим церковным иерархам. Были даже люди из редакции «Нашего современника». Взглянув на это большое и хорошо подобранное по сглаженным противоположностям собрание, я решил, что быть Алексею и ректором Литинститута, и возглавлять Союз писателей России. Это же стремление сбалансировать все стороны литературной битвы выразилось и в жюри: председатель — сам А. Варламов, члены жюри — Олеся Николаева, Александр Кабаков, Лев Пирогов, Лев Данилкин. Боже мой, но как же все эти люди клановы и тенденциозны, объединить их могли только сложность времени и витающая в воздухе опасность.

<…> Всех выступлений не пишу, это было неплохо, но, естественно, самый большой интерес вызвало выступление Людмилы Алексеевны Путиной — так сказать, хозяйки помещения и в известной мере ежегодной спасительницы премии: в этом году она попросила бизнесмена Виноградова «премии помочь». Говорила она хорошо, искренне, точно, душевно и филологически грамотно. Я опять пожалел, что не взял с собой ручки. Кое-что я запомнил. Во-первых, чувство безусловного уважения к писательскому труду…

<...>

19 апреля, четверг

Ещё вчера позвонил Кондрашов из «Литературной газеты» и попросил написать колонку о телевидении. В газете идея — начать рубрику «Писатель и телевидение»; я начал себя страховать и пообещал сделать всё это только в самом конце апреля, а потом что-то на меня накатило, и я решил: встану утром и напишу, несколько идей есть. Писал, естественно, от руки, потом всё это долго перелагал в компьютере. Мне кажется, неплохо получилось, но вряд ли газета напечатает. Здесь и уже прошедшие события, и церковь, и обоюдоострый характер материала. Как свидетельство, что весь день не бездельничал, перепечатываю этот материал. Но здесь есть и ещё один повод: это образец, как личные случайные и занесённые в дневник наблюдения могут переплавиться в публицистику.

«Телевизионный народ

Я всегда полагал, что передачи, которые Первый канал ведёт на Рождество и Пасху, неизменно оказываются передачами лучшими. Этот вывод я сделал ещё давно, когда, по романтическому отношению к телевидению, смотрел почти всё и неизменно всему доверял. Привязанность к этим «религиозным» передачам связывалась у меня, как, наверное, и у многих из поколения атеистов, с поиском «якорей» в жизни, с попыткой обрести подлинность веры, которой обделило нас время. Но передачи — передачами, а подлинная жизнь — жизнью. В этом году мне удалось на Пасху попасть на Патриаршее богослужение.

Пригласительный билет в храм Христа Спасителя по моей просьбе достала мне моя коллега, знаменитый поэт, по семейным связям близкая к крупному церковному чиновнику. Сразу я обнаружил, подойдя поздно вечером к храму, что некий билет или пропуск имеет несколько разновидностей. Одна — это когда тебе можно прийти и слушать службу справа от алтаря, стоять как раз на той стороне, где обычно находится неизменно приезжающий на службу президент. Вход в этот придел храма — через Нижнюю церковь. Через Нижнюю церковь запускают и ту часть благочестивой публики, которая будет стоять в середине — собственно, ей будет виднее всего, и, раздвигая её, пойдёт

Крестный ход во главе с Патриархом. А вот со стороны Волхонки, через Северный вход, ну и, естественно, через все рамочные детекторы пойдут остальные миряне, у которых была заветная бумага. У них обзор будет самый неважный, потому что между ними и центральной частью храма, за некоторой оградкой, на специальном возвышении поместят прессу: объективы, микрофоны, камеры. Пресса загородит большую часть обзора. Но всё равно — я хотя бы здесь говорю о себе — будет видно, когда к началу Полунощницы приедут президент Д. А. Медведев с супругой, будущий президент В. В. Путин и московский градоначальник С. И. Собянин. Будет виден и амвон, и Царские врата, откуда будут выходить и Патриарх Кирилл, и священнослужители.

Я пришёл в храм часа за полтора до начала службы. То впечатление одухотворённости жизни, которое всегда у меня возникало при просмотре передач из храма, присутствовало и на этот раз. Оно связано было не только с праздничным убранством собора, добавочным телевизионным светом, но в первую очередь — с возвышенно-торжественным выражением лиц верующих. Всех ли лиц? Об этом я и хотел бы написать, связав некоторые эпизоды происходящего с телевидением.

Как обычно, верующие стараются подойти как можно ближе к месту, где непосредственно происходит всё таинство. Это понятно, я тоже постарался стать поближе к тому барьерчику, который отделял верующих сектора, где я стоял, от прессы. От этого заветного барьерчика меня отделяли рядов пять. Всё вокруг сверкало — пробовали свет, зажглись огромные паникадила. Справа от меня и чуть впереди на высоком помосте стояла стационарная телевизионная камера с мощным объективом. Несколько других камер стояло подальше, на хорах. Народ, отряхнув мирские заботы, прибывал волна за волной.

Я не совсем точно чуть выше написал, что пришёл в храм «к началу службы». Служба уже шла. Два священника, сменяя друг друга, замечательно ясно читали Евангелие от Иоанна, которое обычно читается в этот день. Ждать оставалось около часа, и я приготовился сосредоточиться на этом чтении. Ни одно медленное чтение Евангелия не проходит для человека, особенно старого человека, безрезультатно. Осталось ведь не так много, и невольно начинаешь думать о непреходящем.

Как же я себя корю за ту суетность мыслей, которая у меня здесь возникла!

Сначала это были две совершенно юные девы, которые подошли со следующей волной верующих и встали почти позади меня. Я бы не обратил внимания на их таинственные

перешёптывания, если бы они смирно стояли на месте, но они ещё хотели перемещаться и старательно начали своё настойчивое передвижение к первому ряду, отжимая пожилых людей. Они пользовались каждым выдохом стоящих рядом, чтобы хотя бы на несколько сантиметров протиснуться вперёд. Я бы даже сказал, что совершали они это не только последовательно, но и даже безжалостно, оттесняя порою и детей. Я суетно начал приглядывать за ними и вдруг понял, что цель их — не приобщение к тому, что является самым ценным и хранится в наших душах, а стать в непосредственной близости к телеобъективу, занять самую выгодную позицию под жерлом телевизионной камеры. Я буквально услышал это признание от них, когда они перешёптывались, оттесняя меня, и оказались впереди.

Вот тут я и подумал, какое ложное место заняло телевидение в нашей жизни. Общеизвестно: нет телевизионного экрана — нет и актёра, не выступает в каждой передаче — нет писателя, не обруган и не развенчан на НТВ — нет эстрадного певца. Эту мысль можно было бы развивать дальше и аргументировать, называя имена, фамилии, псевдонимы, прозвища и степень звёздности. Да и кого мы только не производим в звёзды! Потенциала таких «величаний» не хватает даже на звёздную пыль! Каждый, оказывается, хочет идентифицировать себя на телеэкране! Если меня не видно — значит, меня нет. Есть в этом процессе даже жажда высказать своё косноязычие. И вот тут, обнаружив поразительный феномен страстной любви к телевизионной публичности, я вспомнил о той публике, которую телевидение так часто выдаёт за народ.

Обычно этот народ предстаёт в качестве хлопающей в ладоши массы, располагающейся за спинами привычных телевизионных говорунов. Иногда мне кажется, что проявляет эта масса своё единодушие по команде режиссёра. Иногда — что, особенно не вслушиваясь в смысл разговора, она приветствует своими аплодисментами заведомо противоположные тенденции и мнения. Хлопает удачному словцу или смыслу? Тогда где же истина?

Иногда — эта телевизионная масса, рассаженная во втором ряду и третьем ряду, персонифицируется в некоторые страшные индивидуумы, как, например, в «народной» передаче вечно юного Малахова. Но это не мой народ! Пышные тётки с пышными «халами» на головах и с такой невероятной морально-этической определённостью. Они обсуждают порою то, о чём ни один порядочный человек не решился бы заговорить! Как они рвут друг у друга микрофон и с какой невероятной силой утверждают себя

как верные жёны, идеальные матери, непримиримые граждане, честнейшие и бескорыстные работники. Сколько же они знают о том, как надо жить!

И вот тут я невольно вспоминаю свою юность и первые приработки на «Мосфильме» в массовках. Первые в мои 16 лет заработки. Всё это было не так просто. Надо было быть в добрых отношениях с «бригадиром», в соответствии с заданием быть одетым. Но нам никто не предлагал говорить. Тогда платили по 3 рубля. Сейчас — 300–500 рублей. Как-то, оказавшись в «Останкино» на передаче у Александра Гордона, я видел этих пожилых и молодых женщин, старательно выстроившихся, чтобы занять места немых персонажей в студии. Здесь, конечно, и возможность некоторого заработка, но и страсть к самоидентификации, которая, как многим кажется, без телевидения невозможна.

Но безграничная власть телевидения заканчивается. Я, наверное, зря ругаю тёток, приятельниц и конфиденток Малахова. Они ведь все говорят в соответствии с тем, что телевидение им же внушило. Сколько раз оно уже прокрутило и формы, и образцы! Специалисты знают, что есть технологии, позволяющие достаточно энергично управлять через голубой экран любыми массами, интегрируя общественное мнение. Одинокий в этом мире человек не может справиться с телевидением. Но на смену телевидению приходит Интернет, к которому пока технологий подобрать не удаётся. И не удастся — потому что здесь миллионы индивидуальных мнений. Как же это опасно для непопулярной власти!

Ну а что же делать с бедными девушками, которые так активно протискивались к телевизионной публичности? Простим их: может быть, они из ближнего Подмосковья, или из Подмосковья дальнего, или с Украины, и им так хотелось, чтобы дома родные увидели их простенькие молодые мордашки».

Вечером, уже перед сном, почти случайно включил телевидение. У Соловьёва встречались старые телевизионные борцы: Никита Михалков и Виктор Ерофеев. Разговор, кажется, шёл о церкви и отношении к ней либералов и демократов. Естественно, прямо ничего не говорилось. Витя, кажется, идентифицировал себя как русского христианского писателя. Всё это было очень интересно, тем более что в прошлой, когда-то знаменитой, битве между этими «рыцарями» победил именно Витя. А вот теперь счёт в пользу Михалкова — и с оглушительным счётом. Наше русское и выстраданное православие не замай! Этим мы ни с кем делиться не станем. Кое-что в этом сражении

подразумевалось, но спор в основном шёл о русской православной церкви. Михалков говорил о редком напоре на неё либеральных сил. Состав этих либеральных сил хорошо известен.

20 апреля, пятница

<…> Телевидение и радио много говорят о суде над некой молодой женщиной, которая на автомобиле сбила мать и ребёнка в Брянске. Обе погибли. Но и сегодня в Москве тоже дама опять сбила мать и ребёнка. В Брянске виновнице дали четыре года колонии-поселения. Это и много, и мало. Мало — ушло две жизни. Много — а если случай? — четыре года из собственной жизни. Московская нарушительница ехала по доверенности на дорогой машине отца. Я представляю, что в этом случае набегут адвокаты и будут уверять, что всему виной обстоятельства. В этих случаях надо поступать много строже. Я думаю, что в подобных случаях надо не наказывать, а карать. Но здесь средства массовой информации опять заклекотали по поводу некой молодой дамы, в дымину пьяной, сбившей кого-то на Окружной. Здесь я без комментариев, потому что душа пылает. Кстати, наши законодатели и наш президент всё время говорят о необходимости уменьшения наказания, особенно за экономические преступления. А мне кажется, что за это надо в наше время наказывать сильнее. Карать и лишать имущества. Сейчас воры думают, как обеспечить своих жён и детей, а жён и детей надо лишать всего незаконно нажитого.

<…>

22 апреля, воскресенье

Ночью, уже часа в четыре, проснулся. Как обычно, моё раннее пробуждение связано с беспокойством о несделанной работе. Последнее время меня также очень беспокоит мысль, так ли мы ведём дело в институте. БНТ постоянно, как за спасительный круг, держится только за традиции. Я всё время вспоминаю статью Димы Быкова: не сманиваем ли мы студентов в царство иллюзий, говоря, что это заповедник литературы? Специально, чтобы проверить себя, чтобы как-то не отстать, взял в библиотеке четыре номера «Знамени»: как там? Журналы всё-таки держат руку на пульсе. Всего, как в советское время, когда литературный процесс был един, прочесть не удаётся. А я читаю только «Наш современник» и «Новый мир». Так вот, ночью принялся читать 2-й

номер.

Часа за полтора овладел небольшой повестью Даниила Смолина «Письма для ДАМ»: аббревиатура расшифровывается — Дмитрий Анатольевич Медведев. Прекрасное, раскованное письмо, чуть-чуть, правда, в духе прочитанной накануне Надежды Шапран — ассоциации, игра, резной язык. <…>

Потом я вдруг понял, что, несмотря ни на что, с содержанием здесь сложнее: как-то, многозначительно заявленное, оно вдруг скисает, и выясняется, что это всё — перебирание камешков на берегу, «игра в бисер», уже давно освоенная литературой. Это — как и романы самого Дмитрия Быкова: начинаешь с восторгом читать, а потом на середине бросаешь… <…>

Днём ещё умудрился прочесть в том же втором номере довольно большой рассказ Дениса Гуцко «Мужчины не плачут». Это совершенно другая манера, вот тот самый простенький реализм, от безоговорочного следования которому я буду во вторник остерегать своих ребят. Ищите ещё и на других берегах. Однако этот рассказ о семейной жизни уже не очень молодых людей, с детьми и изменами, в отличие от прошлого текста, не только с интересом читается, но и запоминается. Что-то здесь есть подлинное и настоящее. «Новые формы — они для проформы; старые формы — они для прокорма»,— это присловье моих молодых журналистских лет.

<…>

28 апреля, суббота

<…> «Эхо Москвы». Здесь всё утро, почти до десяти, пока не уехали, в «утреннем развороте» последовательно разбиралось две темы: отказ американского посольства в визе в США И. Д. Кобзону и жестокосердное обращение с девчонками из «Pussy Riot», которые, напевшись вдоволь в храме Христа Спасителя, сейчас в узилище ожидают суда.

Что касается Кобзона, то он, по словам радиоведущего, уже 14 лет мается без американской визы. В своё время его даже не пускали в Израиль. Сейчас его ожидают в США наши соотечественники, среди которых есть и ветераны ВОВ. В общем, американцы не дают визу вопреки, так сказать, идеологическим намерениям певца — 9 Мая не за горами, он едет встречаться и петь. Тоже мне союзнички! Разгневанный поведением американцев, депутат Госдумы и бывший председатель думского комитета по культуре уже сказал, что такое непочтительное отношение к нему — это плевок в Россию; он также встретился с

вновь избранным президентом В. В. Путиным и нажаловался на американцев. Путин принял певца. Как артист признался, по его собственной инициативе. В защиту всей российской оскорблённой эстрады выступило и министерство иностранных дел, и наш министр культуры Авдеев. Сдадутся ли американцы?

Вот, собственно, этому и был посвящён опрос радиослушателей. Иногда мне кажется, радиостанция забывает, кто у неё в радиослушателях, и задаёт такие вопросы, что лучше бы их и не задавать. В своих устных выступлениях чего только радиослушатели не вспомнили про своего любимого певца. В том числе — что он уже давно простился со зрителями. Но соль всей этой процедуры с народным артистом, вновь избранным президентом и двумя министрами совершенно в другом. Радиостанция решила провести голосование: считают ли радиослушатели плевком в Россию, что Иосифу Давыдовичу не дали визу, или не считают? 90 процентов радиослушателей не считает, что Россия должна чувствовать себя оскорблённой. Ну а что думаю я сам по деликатному вопросу о визе? У меня возникла мысль, что проклятый Госдеп, обвиняя в криминальном прошлом и дружбе одного из членов партии «Единая Россия» и даже депутата, прошедшего в Думу от этой партии, хочет как-то солидаризироваться с абсолютно лживым тезисом, что это партия жуликов и воров. Идеологи, чиновники и певцы — занятные люди!

Разговоры относительно поющих и ныне томящихся в камере девиц были ещё более захватывающими. Далеко не все радиослушатели решили продемонстрировать к ним жалость. Как-то за церковь тоже многие были оскорблены и предлагали такой вариант рассмотрения: а не акт ли милосердия эта самая посадка? Иначе ведь могли бы и растерзать. Кстати, в это дело уже включён и нынешний президент. Вчера, когда он давал раскованное интервью пяти или шести каналам нашего телевидения, он, кстати, уклонился — ах, это спасительное для юриста «пока не вынес своего вердикта суд»! — от оценки поступков смелых девиц; правда, заявил, что сам он по внутреннему строю консерватор. Сколько же неприятностей приносят стране поющие люди! Сегодня вслед за дискуссией о девицах комментатор «Эха» Антон Орех посетовал: четыре года, пока Д. А. Медведев управлял страной, мы считали его демократом, а он, оказывается, консерватор!

Ну а, собственно, где здесь, в этой вязи слов, моё собственное мнение? Выпороть, побить камнями, присудить штраф, посадить на семь лет в тюрьму? Ну, в царское время, когда православие было основной конфессией и церковь не была отделена, как ныне

партии, от государства, сослали бы исправляться в монастырь. Но почему в это до сих пор не вмешалась церковь? Православные или не православные — отлучить от веры. Бог у всех един, и соборное слово любой конфессии дойдёт до его ушей. Пусть в этом мире и продолжают жить и петь без поддержки Высшего Судии. <…>

29 апреля, воскресенье

Лёг спать довольно рано, но, как всегда в конце месяца, ночь у меня получается бессонной. Проснулся около трёх и до половины седьмого читал привезённые с собой газеты. Здесь я часто нахожу подтверждения своим мыслям о времени и литературе. А Павлик Басинский опять будет недоумевать, зачем я всё это пишу. А затем! Итак, ночной обзор текущих газет.

Во-первых, разгромная статья в «Литературке» по поводу «Дирижёра» Павла Лунгина, показанного в пасхальные дни. Я-то всё время думаю, что сам я брюзга и завистник. А оказывается, к «Дирижёру» плохо отнёсся не только я. Возможно, Бартошевичу это кино-сочинение и придётся по душе, а вот обозреватель Олег Пухнавцев нашёл это сочинение даже кощунственным.

«Однако, кроме приземлённой истории отношений «отец — сын», есть в фильме Лунгина другое измерение — «Отец — Сын». Не заметить символической нагрузки образа дирижёра, в облике которого угадывается Дирижёр-Отец, просто невозможно. Особенно учитывая параллельно развивающуюся тему Страстей Христовых — «Тайной вечери», «Суда», «Распятия» и «Погребения». Особенно оказавшись в пространстве Иерусалима.В религиозном измерении фильма мы с недоумением и ужасом сталкиваемся с трактовкой Павла Лунгина. Получается, Отец доводит Сына до смертного греха — самоубийства. Зритель следит за тем, как мучительно и запоздало наступает раскаяние Отца, зрителя убеждают: нет никакого оправдания этой Жертве».

Я до таких выводов не дохожу, для меня всё измеряется вкусом и правдой жизни, и вот её-то я в фильме не нахожу. Ни в оркестре у великого дирижёра, ни в Иерусалиме, в котором я бывал несколько раз, ни в условной компании еврейско-интернациональной молодёжи, ни в целом во всей умственно выстроенной коллизии. Я уже не говорю о махании дирижёра руками: достаточно один раз увидеть слитность жеста и музыки у

Темирканова, чтобы во всём поддельном крепко разочароваться. Ну и теперь ещё один пассаж, выхваченный из статьи обозревателя «Литгазеты». Так сказать, финальный.

«Как ни в чём не бывало, на голубом глазу, моральный авторитет, режиссёр фильма «Остров» рассказывает в многочисленных предпремьерных интервью, как ему удалось снять одну из сцен «Дирижёра» в храме Гроба Господня. С милым ехидством сообщает, что договорились с представителями почти всех христианских конфессий, между которыми разделён иерусалимский храм. Кроме одной. Отказала в съёмке Армянская церковь (за что, кстати, хочется поклониться всему армянскому народу)... И тогда дали денег сторожу. Сто долларов. Чтоб пустил без благословения. «Сто долларов» произносится с нажимом, указывая, видимо, на несопоставимость масштаба художественного замысла и суммы затрат...Да уж, действительно, есть у Бога чувство юмора. Фильм «Дирижёр» получился ровно на сумму данной взятки».

Самые простые истины посещают нас порой внезапно. Несколько дней назад слушал выступление бессменного, несмотря на смену мэра, спикера Мосгордумы Владимира Платонова. Как всегда, он размеренно и по-своему доказательно говорил о готовящемся в городской Думе законе о запрете пропаганды гомосексуализма и педофилии. Я-то, честно говоря, никогда не видел, чтобы кто-то эти шалости пропагандировал, но государственному человеку виднее. А если дети об этом и узна́ют, то в первую очередь — от дядей и тётей, которые так любят об этом громко, чтобы все слышали, погутарить. Особенности этих разговоров в том, что говоруны не только выражают свою обеспокоенность, но ещё и себя показывают. Я бы всего этого и не вспомнил, мало ли краснобаев охотится в эфире, если бы не набрёл ночью на заметку в «Российской газете» от 26 апреля. Статейка эта шла под рубрикой «Доходы». Дальше — заголовок, собственно, всё разъяснивший: «Спикер Мосгордумы Владимир Платонов оказался лишь на третьем месте». Это третье место по заработку — некоторые депутаты в добычливости спикера обошли. Если говорить в общем, то «вслед за чиновниками, опубликовали сведения о своих доходах и депутаты Мосгордумы. Любопытно, что если в 2010 году слуги народа имели не более 6 миллионов рублей, то в 2011 некоторые их представители заработали в десятки раз больше». Данные обо всех, а здесь есть

вещи, наверное, и забавные, я выписывать не стану. Ситуация иногда такая же, как и с министрами: сами министры и их очень умные жёны. Не стану выписывать размеры жилплощади и марки автомобилей. Зачем столько колёс и зачем столько метров? Моя цель — только предводитель, спикер Платонов, который всего лишь третий. Он заработал лишь 34 миллиона рублей, или в 10 раз больше, чем в прошлом отчётном году. Как, оказывается, важно разговаривать с народом по радио и телевидению! <…>

30 апреля, понедельник

После сеанса бессмысленного телевидения, довольно рано, принялся читать первый номер «Знамени». Прочёл два обзора прозы и поэзии. Один — естественно, проза — Натальи Ивановой: «Быть притчей на устах у всех»; другой — Евгения Абдуллаева: «Дождь в разрезе: о поэтах, премиях и манифестах 2011 года и многом другом». Обе статьи отменно хороши. По привычке я ещё что-то ковыряю против Наташи Ивановой, не умея забыть её клановость, редкую преданность «своим» и уже ставший привычным для неё антисоветизм, но думает и анализирует литературный процесс она очень точно. Каюсь и за иронию в дневнике, не вполне справедливую, за её обзор 2010 года. Тогда она, кажется, сравнивала Маканина с Чеховым. Или что-то в этом роде. Аналитик она всё же прекрасный, да простит меня Михаил Петрович Лобанов!

Из Н. Ивановой: «Писателем объявляет себя самозванец: тот, у кого вышла любая книжка. Я иногда думаю, что писатель (по сегодняшним понятиям) — существо вне профессии. Но надо ведь как-то статусно назваться, особенно для всяких ток-шоу».

Ещё: «Книга стареет мгновенно. Теперь, по свидетельству книгопродавцев, больше трёх-четырёх месяцев книга на полке не живёт — её теснят другие, новенькие. Только из типографии».

«Завидую музыкальным критикам. Читая их рецензии, даже краткие, обзоры и статьи, погружаешься в ремесло, следишь за тем, что и как, вглядываешься в вещество, взятое на просвет. Критика прозы если чем-то и увлечена, так комментированным пересказом. Выяснением темы. Героев — а то, что они есть персонажи, не всегда приходит в голову автору — рецензии, статьи, обзора».

И наконец, последнее. Ах, как Наталья Борисовна «не своих» не щадит. Прошлась и по Лимонову, и по Захару Прилепину. О последнем, как о писателе-патриоте, она процитировала С. Гедройца, а о Лимонове не без яда сказала сама: «Если они (новое

поколение, не задетое постмодернизмом.— *С. Е.*) от кого себя числят, так от Лимонова,— но стиль Лимонова гораздо своеобразнее. Он был всё-таки первой чайкой на помойке». Формально это не хуже, чем в своё время Алла Латынина назвала Александра Проханова «соловьём Генерального штаба». <…>

1 мая, вторник

<…> О праздниках. Судя по сообщениям по радио — оно включается у меня на участке утром и развлекает меня весь день, — наш народ снова стал ходить на демонстрации. В Москве было 14 разнообразных демонстраций и шествий. Единые профсоюзы (Шмаков) и «Единая Россия» (Путин и Медведев) объединились в Москве в огромное шествие, которое шло от Белорусского вокзала по Тверской улице. Дальше уже цитирую «Российскую газету»: «Медведев и Путин возглавили колонну на перекрёстке Тверской улицы и Манежной площади и прошлись по Моховой». Шли недолго и «влились» почти у места их работы. Дальше газета бережно, как Священное Писание, приводит слова и того, и другого, которыми они перебросились с людьми, шедшими впереди колонны. Допускаю, что люди были не специально подобранные, но уж впереди, конечно, шли проверенные. Смысловая необязательность этих реплик и с той, и с другой стороны в колонне профсоюзов изумляет! «Как вам, при вашей занятости, так удаётся держать себя в форме?» — народ. Ответ: «Больше надо работать!» — власть и т. д.

Совершив короткую пешую прогулку, Медведев и Путин, как простые парни, поехали в пивной бар «Жигули на Новом Арбате». «Как обычные люди, они подошли к стойке раздачи, где Дмитрий Медведев выбрал отварной картофель с треской, а Владимир Путин — жареную картошку и колбаски из баранины». Надо сказать, что, судя по меню, Путин роль простого парня играет лучше. На радостном большом фото в газете — Путин и Медведев чокаются кружками с пивом. «Поднимем бокалы, содвинем их разом…» «Эхо» довольно подробно рассказало, как этот бар был подготовлен к визиту и какие снайперы и где стояли. <…>

6 мая, воскресенье

Ну, как говорится, и денёк. Радио до сих пор, а уже одиннадцатый час ночи, говорит о событиях на Болотной площади, возле «Ударника» и на Каменном мосту. А начиналось всё очень ясно и солнечно.

Вчера, уже под вечер, началась гроза. Попутно отмечу, что моя новая крыша вынесла — её не снесло, и течь она не дала. Молния полыхала вовсю, и дождь лил, будто отменили счётчик

на воду. Даже телевизор, испугавшись стихий, отключился. Но утро оказалось на редкость тёплым и ясным. Я выглянул в окно и долго смотрел на совершенно белые сливы — они зацвели. Но расслабляться особенно было некогда.

Ближайшие три дня полны, как обещали власть и пресса, любопытных событий. Во-первых, сегодня нам обещают «Марш миллионов» — шествие и митинг оппозиции, недовольной властью, выборами и, в основном, Путиным. Путин, конечно, выборы выиграл, никто не хочет, чтобы нами управлял Немцов, но ведь выборы прошли с большим количеством нарушений. Всё это противно, как любой обман, размышляющий народ кипит. Но сегодня же, как объявляется,— правда, чуть позже и не связанный с «Маршем миллионов» — состоится другой митинг, замаскированный под культурную программу, а на неё не требуется разрешения и согласований, на Поклонной горе. Это уже те, кто доволен властью и выражает доверие Путину. Этот митинг — по телевизору показали — знамёна с портретом Путина, другие знамёна. Здесь есть, вернее, этому митингу имеется формальный повод — год существования пропутинского Народного фронта — этой счастливой затеи власти.

Ах, как было бы всё просто, если бы только эти два митинга! Но ведь на следующий день, т. е. завтра, мы увидим инаугурацию вновь избранного президента, а после этого, но уже послезавтра, на параде по случаю Дня Победы, мы снова увидим, уже облечённого почти царской властью, всё того же человека, из-за которого тысячи людей противостоят друг другу. И это ещё на фоне выборов во Франции, когда нынешний президент Николя Саркози, скорее всего, потеряет свой пост. Здесь всё имеет символическое значение. Франция, судя по всему, движется к социализации власти, мы ещё раз присягаем на верность капитализму. Я уже научился отличать риторику от денежного пафоса сегодняшней российской власти.

<…> Уже с утра «Эхо», которое гремит над нашим участком и сельскохозяйственными работами, обещает подробную трансляцию и интервью с участниками митинга на Болотной. Но какова власть: потихонечку сдаётся, несмотря на близкую инаугурацию и репетиции парада — разрешила! В пять прекращаю копать, поливать, пересаживать и сажусь перед приёмником. Уже заранее предвкушаю речи по этому поводу телевизионных каналов. Кстати, сегодня «Эхо Москвы» между делом обмолвилось, что их слушает до двух с половиной миллионов человек.

Удивительная вещь — политические новости, они слушаются с жадностью, но немедленно забываются. Кажется, у наших

оппозиционеров не всё получилось так ладно, как планировалось. Разрешить — это не значит со всеми согласиться и пойти навстречу. Планировалось, видимо, и у властей, и здесь наработанный опыт борьбы с народом большой. Потом оппозиция скажет, что полиция всё время чинила препятствия во время прохода колонн. Искусственно замедлялся контроль каждого под рамочными миноискателями. Можно только себе представить, сколько здесь возникало раздражения. Полиция сошлётся на нарушение демонстрантами условий. Что тоже справедливо. В тактику оппозиции, наверное, входило вызвать скандал, в фигуру умолчания — жертвы. Возле кинотеатра «Ударник» оппозиционеры вдруг решили устроить незапланированную сидячую забастовку. Полиция, похоже, начала их теснить, тогда самые решительные пошли на прорыв. Утверждают, что в сторону полиции (такого количества ОМОНа, как утверждают, на улицах в Москве ещё не видели; омоновцы в полной экипировке были похожи на космонавтов в открытом космосе) полетели бутылки с зажигательной смесью.

Вечером довольно иронично НТВ показало демократическое происходящее. Двое постоянных ведущих своим загадочным видом как бы демонстрировали, что не очень согласны с возмутителями общественного спокойствия. Любопытно, что на освещение событий послали не кого-нибудь из зубров журналистики, а совсем молодого корреспондента Малозёмова. Впрочем, вёл он себя довольно уверенно.

Параллельно было показано и партийно-культурное гуляние на Поклонной горе сторонников Путина. Ах, как много было флагов с профилем и анфасом нашего завтрашнего президента! Сколько же денег было потрачено на этот временный политический антураж! <…>

7 мая, понедельник

Ранняя утренняя новость — это победа во Франции после 17-ти лет господства консерваторов социалиста Олланда. У нас — свыше четырёхсот арестованных после вчерашнего «Марша миллионов». Чуть ли не тридцать полицейских пострадало, четверо госпитализированы. Выступивший по «Эху» депутат Гудков скажет о радикализации протеста, который может привести к дальнейшим обострениям. Власть не хочет пойти на малые уступки, молодые люди озлобляются. Тут же, в утренних новостях, радио сообщило меню приёма, который состоится по случаю инаугурации президента. В меню будет «русский» акцент:

крабы и икра. И почти до двенадцати часов радио будет говорить о зачистках на улицах Москвы. С восьми часов весь путь следования кортежа будущего президента был, как говорится, «зачищен». Потом, когда телевидение начало всё это показывать, беря довольно крупно, на улицах — практически ни одного человека. По совершенно пустой Москве, словно эскадрилья истребителей в небе, мчится кортеж. Один длинный лимузин, два роскошных внедорожника с охраной, звено мотоциклистов. Красота необыкновенная. Правда, здесь нет ни одной отечественной машины. Наши генсеки всё-таки ездили на лимузинах отечественного производства. Какова власть, такова и промышленность. Зато мы пока делаем ракеты, заливаем нефтью Ангару.

Абсолютно пустой Новый Арбат. В восемь часов в здание «Эха», которое именно в высотке на Новом Арбате, уже не пускали даже корреспондентов. Я невольно вспомнил коронацию Николая Второго. Более естественно было бы, если бы по пути праздничного кортежа стоял ликующий народ.

Сама инаугурация — ассоциации не приходят случайно — напоминала по своей пышности именно коронацию. Пришёл — и надолго. Весь в золоте Кремлёвский Дворец, три тысячи ликующих приглашённых, стоящих по обе стороны пурпурной дорожки, по которой идёт новый президент. Красное крыльцо, Кремлёвский полк, конный эскорт, потом молебен с участием Патриарха. Речь Медведева, речь Путина — всё та же привычная риторика о величии России и благоденствии. Под аналогичные песнопения пол-России уже разворовали. Самое интересное — это лица трёх женщин: жены Медведева, жены Путина и жены покойного Ельцина. Мне показалось, что на лице Светланы, жены Медведева, был какой-то отблеск трагизма. <...>

9 мая, среда

Посмотрел Парад Победы и уехал из Обнинска. Парады эти, волнуясь и гордясь Отечеством, я уже смотрю всю жизнь. Но что-то в моей душе истончилось, а может быть, и исчезло. На фоне какой-то огромной ширмы, стыдливо закрывающей Мавзолей Ленина, стоят рядышком Путин и Медведев. Потом к ним присоединился упитанный министр обороны, которого так не любит армия. Что касается самого содержания парада, то он был почти как всегда. Но очевидно только одно: форма на солдатах, особенно в элитных частях, становится всё более затейливой, а выправка приближается к балетной. Во всей обстановке наших

всенародных торжеств с участием правительства я всё время ощущаю мнимый имперский блеск. Правда, блеск этот чуть мешается с роскошью костюмерных Большого театра. О театре молвил не случайно, завтра вечером иду туда смотреть «Драгоценности» Баланчина.

В Москве сварил суп из привезённого с дачи щавеля и плов из морепродуктов. Вечером был салют.

<…>

12 мая, суббота

<…> На своём семинаре я довольно быстро провёл «телевизионный» опрос: вы комментатор, и вам дана минута высказаться перед камерой. Занятно, что далеко не все сосредоточились на том, что видели на праздники по телевидению. Маша Поливанова рассказала, как 9 мая она с сестрой и детьми пошла в магазин, чтобы купить продуктов и ехать на дачу, а попали в дождь, ливневая канализация не работала, и они, счастливые, шли домой по лужам. <…>

Я также узнал, что на праздники в Рязани почти не было на дорогах полиции, потому что перед праздниками чуть ли не весь состав этих разбойников провинциальных дорог посадили. Всё за то же.

Был комментарий и об инаугурации Путина. Ребятишки оказались зоркими: об одном из приглашённых гостей, который четыре раза протягивал Путину руку, поздравляя, а Влад. Влад. всё его не замечал.

Одна из девочек сделала комментарий об открывшемся бутике женской обуви, в котором пара дамских туфель стоит 40 тысяч рублей.

Следующий семинар у меня через два дня. Не знаю, успею ли съездить на дачу. Вдобавок ко всему идут весенние холода, но огурцы у меня на даче без поливки погибнут.

Дома, когда вернулся из института, нарезал окрошку и принялся слушать радио и смотреть телевизор. «Эхо» и федеральные каналы по-разному говорят о последних выступлениях оппозиции. Приводился замечательный факт, когда вроде бы омоновец бил сапогом в живот беременную женщину. Когда беременную женщину рассмотрели поподробнее, она оказалась мужчиной. В движении оппозиции, которая хочет только смены управленцев, а не режима, много неискреннего. Вчера политолог Хазин высказал мысль, которая уже давно посетила и меня: Путин уже не может управлять, опираясь только

на олигархическую элиту. Что-то придётся дать и народу, но всё роздано, значит, надо будет у кого-то отнять. Но ощущение какой-то паники у власти не покидает. В последние дни своего правления Медведев что-то кинул той интеллигенции, которая чувствует себя обделённой, а вот теперь Дума панически пытается провести закон, ужесточающий проведение каких-либо митингов и демонстраций. <…>

15 мая, вторник

<…> Обедал с Мишей и ректором, говорили о молодых, недовольных выборами и Путиным сидельцах, которые разбили свой бивуак на Чистопрудном бульваре. Моё домашнее радио о нём гудит не умолкая. Ректор с его очень структурированным умом формулирует все политические слухи и мнения очень отчётливо, с гораздо большей убеждённостью, нежели я. Сошлись на том, что вся эта весёлая летняя команда не представляет, чего хочет, и не формулирует никакой позитивной программы. До трёх с половиной часов, когда мне надо было уезжать из института, подготовил ещё к отсылке «Дневник-9» для Юры Беликова и книги о Вале — это для Гриши Заславского и Екатерины Барабаш. А в четыре часа в мужской пошивочной мастерской Малого театра состоялась первая примерка костюмов. Я продолжаю пасти постановку «Пиковой дамы». Всё это вёл Зайцев, костюмы получались умопомрачительные, я ловил каждое его слово и каждый жест. Всё обрастало деталями и почти невидимыми уточнениями, которые превращали обычный театральный костюм в произведение искусства. <…> Дома смотрел телевизор, слушал радио и одновременно сначала готовил фарш из индейки, а потом и жарил котлеты. Уже перед сном уткнулся в «Литературную Россию», которую мне прислал Максим. Много, кстати, интересного. Во-первых, конечно, Павлов из Армавира, за которым я уже давно слежу и которого читаю. Он разбирает две книжки эссе и публицистики Дмитрия Быкова. Ругать-то ругаем, но ведь и внимательно читаем и анализируем. Когда художественный запал у писателя заканчивается, он идёт в публицистику и политику. Порадовала меня, конечно, занятная статейка в газете о так называемой «Русской премии». Вот начало: «Эту премию для авторов, живущих за границей, но пишущих на русском,— существуй она лет восемьдесят тому назад, могли бы с помпой вручить Владимиру Набоков (когда он ещё писал по-русски и верил в будущее литературы на родном языке), певцу роз и мемуаристу-фантазёру Георгию Иванову или, на худой

конец, затворившемуся в Эстонии Игорю Лотарёву-Северянину». Вот, так сказать, нынешний премиальный, вместо гипотетического, урожай. Газета делает вполне очевидный акцент: «поощрили сразу десятерых: прозаиков Юза Алешковского (США), Марию Рыбакову (США), Дмитрия Вачедина (Германия) Дарью Вильке (Австрия), Сухбата Афлатуни (Узбекистан), Лену Элтанг (Литва),— и поэтов Илью Риссенберга (Украина), Алексея Цветкова (США), Феликса Ченчика (Израиль)». Феликс, как я помню, определённо наш, литинститутовский!

16 мая, среда

Утром опять пришлось ехать в Малый театр. Сегодня примерка у Веры Кузьминичны Васильевой. Ожидая Зайцева, встретил её у подъезда. Моложавая, подтянутая, элегантная. Примерка шла часа два — четыре платья, все роскоши и элегантности необыкновенной. Зайцев мне признался, что примерка — это его любимый процесс. Я наблюдал, как платья обрастали деталями. Здесь во время примерки, конечно, надо обращать внимание на удивительного персонажа — Елену Игоревну Евстратову, начальницу мастерской. Именно она ставит булавки, отыскивает из своих запасов кружева и ленты, ловит на лету пожелания мэтра. Глаз и вкус у Зайцева поразительные. Я уже не говорю о бестрепетной руке. Он кромсает рукава и полы туалетов прямо на живом человеке. Когда раздаётся характерный скрип разрезаемой ткани, мне становится плохо. Особенно много об этом в дневнике не распространяюсь, обо всём этом напишу очерк, но заметки, фиксируя детали, заносил в записную книжку.

После примерки попили чайку в артистическом буфете с артистическим пирожком с капустой. О ценах ничего не знаю, каждый раз платил мэтр. Забыл описать его сегодняшний туалет. Это был пиджак, надетый поверх похожей на тельняшку маечки, довольно коротенькие шорты, которые, словно у шотландца, оставляли голыми коленки. Но были ещё довольно длинные гетры с широкой алой окантовкой и, под её цвет, уже на голой шее, такой же по цвету алый галстук-бабочка. Кстати, у мэтра, оказывается, мускулистые ноги футболиста. <…>

17 мая, четверг

Так важно читать «свои» газеты и слушать «своё» радио. Главная новость на «Эхе» — это оппозиционеры. Ну наконец-то у

нас стало как в Америке тридцать лет назад! У Белого дома, как у них, пикетов ещё нет, но вот с лагерями, палатками, спальными мешками и гитарами мы план выполнили. На Чистых прудах, где ликующая молодёжь испортила газоны и всё подзас...ла, лагерь вчера утром полиция по решению суда закрыла. Адвокат Михаил Барщевский, который талантливо играет сразу за все команды, вчера же разъяснял, что он думает по повестке дня вечернего собрания чистопрудных оппозиционеров. Надо ли выполнять решение суда? Так много о судах говорили, призывая к правовому государству, что, оказывается, надо! Но, тем не менее, осознать это помогали вчера утром полицейские и ОМОН. Вчера же самые последовательные несогласные перенесли свой лагерь к высотному зданию на площади Восстания. Тоже возле метро — «Баррикадная»: символично. Сегодня утром по радио один из корреспондентов рассказывал, как прошла сегодняшняя ночь у подножья высотки. Народа утром было не очень много — почти дословно цитирую: представители творческой интеллигенции и студенты — около 60 человек. Если уж пишу эпоху, то надо писать добросовестно.

<...> Что касается всего происходящего вокруг, то лучшей добавочной иллюстрацией к этому могут быть одно письмо и одна СМС-ка. Начну с письма, которое из Перми прислал Юра Беликов. Всё всегда сходится и соединяется. Накануне я прочёл в Интернете большой материал о нём Е. А. Евтушенко. Если не забывать, что поэты редко хорошо говорят о собрате, то, наверное, этому мнению доверять стоит: Юра, конечно, и человек выдающийся, и поэт со своей речью, и журналист блестящий. Но вот его письмо.

«Добрый день, Сергей Николаевич! Спасибо за добрые слова. Я недавно прочёл вашу статью в «ЛГ» по поводу телевидения и его насельников. Я это племя называю «хлопальщики». Очень точно вы про всё это сказали. Но ещё я к этому бы добавил: люди перестали стыдиться собственных мерзостей. Благодаря ТВ — вываливают перед всем честным миром то, о чём надо говорить без свидетелей. А «свидетели»-то уж, конечно, все такие праведные! Малахов, иногда делая локальные добрые дела, между тем принёс вред пространству нравственности. А уж про его истошный голосок, когда пытается перекричать музыкальный фон, и говорить не приходится. С ТВ, впрочем, как и отовсюду, ушли породистые люди».

Теперь о необычной СМС-ке, которая пришла мне днём на телефон. Номер был мне незнакомый, но я довольно быстро по стилю и интересу понял, что это один из моих студентов-заочников, Лёша Рябинин. Прочитав очень занятный текст, я сразу по адресу отправителя послал такое сообщение: «Лёша Рябинин, это ты?» Довольно быстро получил ответ: «Да, Лёша Рябинин, скучающий на работе, читающий новости и от нечего делать, уж извините, надоедающий Вам...»

Ребёнка надо было успокоить, пишу: «Да что ты, Лёша, ты очень всё ладно пишешь, главное — думаешь. Писал ли я тебе, какое вкусное ты передал мне варенье? Скоро увидимся, не за горами сессия». Вспомнил, как, уезжая после зимней сессии, Лёша оставил у меня на кафедре на письменном столе баночку из-под майонеза или горчицы с вареньем из райских яблочек. Было очень вкусно.

Так что же, вправе теперь спросить любой читатель, такого написал мне милый мальчик Лёша Рябинин? Кстати, блестящий будет прозаик. Вот самый первый его текст — если хотите, субъективное мнение народа: «Всё же оппозиция правильные вещи делает, благодаря ей весь Тверской бульвар отреставрируют. Надо бы давно на территории института фестиваль Свободы провести. Институт тоже давно бы отреставрировали, реконструировали...» <...>

22 мая, вторник

<...> Как всегда, в час тридцать началась кафедра. Не было тех, кто никогда и не бывает. Волгина, Сегеня, Кострова, Барановой-Гонченко, Балашова. Кроме всех кафедральных историй, делал доклад о современной поэзии Геннадий Красников. Удивительно глубокий и знающий человек. По крайней мере, мне его доклад был очень интересен, я что-то даже записал. Но сегодня утром по радио слушал такую фразу о состоянии современной поэзии — говорил кто-то из зарубежных знаменитых поэтов: «Мы выпускаем сборники стихов тиражом сто — сто пятьдесят экземпляров, дарим их друг другу, ставим на полку и не читаем...» Но поэзия сейчас колыхается в Интернете: по подсчёту специалистов, что-то около миллиона людей выставляют в Интернете свои стихи. Во времена Пушкина подобных писателей, профессионалов и любителей, было около семи тысяч человек.

<...> Теперь несколько слов о Международном фестивале балета. Было, как и в прошлом году, невероятно скучно, пока

хорошо подготовленные девочки и мальчики катались по полу и что-то коряво изображали. Кризис балета — это ещё и кризис масштабной балетной музыки. Всё, повторяю, было невероятно скучно — до тех пор, пока в конце первого отделения не грянуло па-де-де из «Лебединого озера». Здесь двое «нидерландцев», причём дама — с русской фамилией Анна Цыганкова, а вот кавалер натуральный — Мэттью Голдинг. Второе отделение концерта было повеселее, модерна было здесь поменьше. Естественно, лучший номер всей программы — это гран-па из «Дон Кихота» с очень точной Евгенией Образцовой и просто невероятно техничным и артистичным Александром Волчковым. Это что-то было потрясающее.

Русские теперь в любом балете. Занятно, что в антракте ко мне подошла дама, которую я не мог вспомнить, назвала меня по имени-отчеству и спросила, не моя ли дочь танцевала в только что промелькнувшем на сцене фрагменте из балета «Мария-Антуанетта». Это Венский государственный балет, но в нём основной солисткой, балериной — некая Ольга Есина.

Что-то в антракте наговорил телевидению. И относительно русских имён в мировом балете, и относительно модернизма; зритель в балете его не приемлет. Русскому всегда и во всём нужен смысл, и если его нет, мы его выскребаем из собственной фантазии. Кстати, вот что я не сказал, вернее, не смог доказательно вписать, но тогда просто сформулирую как мнение: даже в разных модернистских фокусах зарубежных новаторов мне всегда чудятся находки Григоровича. Я слишком давно смотрю его балеты. Мировой балет успешно усваивает «Спартака», «Щелкунчика» и «Легенду о любви».

После длинного спектакля был ещё и фуршет. Самой интересной для меня на нём фигурой был мой сосед Слава Бэлза. Он рассказывал, как всегда, удивительные истории. Например, когда праздновали 90-летие Игоря Моисеева, Ельцин вышел на сцену и, обращаясь к юбиляру, назвал его Игорем Моисеевичем. И тогда Ельцин сказал вещую фразу: «На сцене Большого театра даже президент может ошибиться».

<…>

24 мая, четверг

<…> Приходил Олег Павлов, мой старый недруг, которого я пытаюсь взять в институт. Наше неприятие друг друга рассеялось, как дым. Написал заявление, которое я в понедельник отнесу ректору. Долго и невероятно сладко говорили о нашей

писательской жизни, об истоках нашего конфликта, о современной ситуации в литературе. Но у нас есть старый договор — никаких сведений ни в дневниках, ни в публичности. Ощущение у меня удивительной зрелости Олега и его волчьей интуиции. Говорили что-то часов пять, как иногда знания делают нас свободными. У Олега есть две интересные идеи, связанные с тем, что я пишу; по своему обыкновению и в отличие от моих студентов, слово «творчество» не произношу. Во-первых, я об этом уже писал,— книгу зарубежных путешествий: после Гончарова, по словам Олега, с его «Фрегатом „Паллада“», такой книги не было. И второе, не менее для меня интересное,— из выписок из дневников и «Сезона засолки огурцов» сделать новую «педагогическую» книгу.

Вечером не утерпел и влез в малаховскую «Пусть говорят». Здесь разбиралась очень интересная коллизия. Сын начальника республиканского ГАИ в Адыгее, 20-летний Аскер Чернозиров, на дорогой иномарке на скорости в 130 км/час протаранил скромные «Жигули». Сразу погибло двое мальчишек 17-ти и 20-ти лет. Лихой сын начальника, по специальности фельдшер, сразу после столкновения, вместо того чтобы помочь истекающим кровью мальчишкам, бросился звонить папе. Дело возбудили только через 10 дней, когда весь Интернет оказался полон комментариев. Приехал защищать племянника дядя, тоже, кажется, полицейский. Папа, сославшись на служебную командировку, не рискнул. Боже мой, какая дерзкая попытка всем заткнуть рот и вытащить родственника! Максим Шевченко, участвовавший в передаче, высказал приблизительно следующее: надо бы новому министру Колокольцеву, слава Богу, пришедшему наконец-то на смену Р. Нургалиеву, начать с того, чтобы посмотреть, кто у него работает. Папу, в звёздах ГАИ, на фото показали — занятная фигура. Занятные вопросы задавала публика: почему так летают по дорогам молодые люди? на чьи деньги куплены такие дорогие машины?

<…>

27 мая, воскресенье

Утром передали письмо Ходорковского премьер-министру Англии с предложением не впускать во время Олимпиады в Англию 306 российских чиновников. Среди них, как я услышал, генеральный прокурор Юрий Чайка, Владислав Сурков, небезызвестный «глава молодёжи» Якименко и «главный волшебник», как его называет либеральная пресса, Владимир

Чуров. Это всё персонажи, по мнению Ходорковского, причастные к нарушению прав человека. Ах, как хочется взглянуть на этот список полностью! Но почему такой аскетизм? Где наши прославленные воры, наши коррупционеры, наши депутаты с их заляпанной грязью депутатской неприкосновенностью? Петра Первого нет на эту неприкосновенность! Вечером объявили: никакого списка Ходорковский не предлагал и не писал. Клевета, дескать, западной прессы. Но как талантливо придумано!

<…> К шести поехал на премьеру «Пиковой дамы» в Малый театр. Ставил Андрей Житинкин, он же писал пьесу, т. е. дописывал Пушкина. Появились даже некоторые новые линии: служанка Маша, которая выходит замуж за дворецкого; получила новые дополнительные слова сама графиня; карточными терминами обогатился Чекалинский. Как я понимаю, задача Житинкина была показать: а что же происходило помимо жёсткой канвы действия у Пушкина? Если существовала такая история, то на каком «соре» лежал классический сюжет? В меру сил это и было показано, публика всё равно всех перипетий и текста не знает. Следили за знаменитым сюжетом с невероятным интересом. Житинкин всё это ещё оживил весёлой линией служанки и дворецкого. В самом конце спектакля были довольно продолжительная овация и крики восторга. Я тоже покричал, когда вышел А. Дривень, актёр, играющий Германна. Это бесспорный успех молодого актёра, и успех крупный; правда, по отношению к нему Пушкин проявил определённую щедрость — у актёра много подлинного пушкинского текста. Как ни странно, довольно успешно, не всегда определяясь и постоянно стараясь быть милой, красивой и аристократкой, сыграла графиню Вера Кузьминична Васильева, кое-где получалось даже неплохо. Я смотрел на всё это, одновременно разворачивая в своём сознании и спектакль, и то, чем я последний месяц занимался,— костюмы Зайцева. Костюмы, может быть, если говорить о деталях, были то лучшее, что в спектакле было. Было бы, бесспорно, получше, если бы режиссёр дал хотя бы мне поправить замечательный текст, который сам Житинкин написал. Но он тоже почти гений и молодец. Естественно, все лакуны и драматургии, и игры латала гениальная музыка Чайковского. Графиня даже спела знаменитый романс. Жалко, конечно, что сейчас совершенно нет времени, чтобы взяться за очередной очерк о Зайцеве, а потом многое забудется. Завтра защита, послезавтра семинар и защита. Как бы всё это выдержать, а у меня не читаны тексты к семинару и осталась одна дипломная работа. Надо сейчас её читать, а старые глазки слипаются. <…>

29 мая, вторник

<…> Из событий дня — выделить могу лишь одно. Утром передали, что было совершено покушение на Сергея Асланяна, корреспондента радио. Я смутно его помню, потому что в моё время он уже работал на радио или же мне о нём что-то говорила покойная Валя. Не смертельно, но довольно тяжело ранили ножом. Причину установили довольно быстро: несколько дней назад Асланян по одной из радиостанций делал автомобильный обзор и вдруг отвлёкся и довольно смело начал рассказывать историю пророка Магомета. Мне, не мусульманину, было ясно, что так и в таких выражениях о пророке даже чужой религии рассказывать нельзя. Я всё время помню толстовскую максиму: когда ты слышишь имена Магомета, Христа или Будды, стань и внемли. К концу дня, когда Асланяну сделали операцию в Склифе и он смог дать какие-то разъяснения, выяснилось следующее: кто-то по телефону его вызвонил на лестничную площадку и там со словами: «Ты недруг Магомета»,— нанёс несколько ножевых ударов. <…>

1 июнь, пятница

Сначала сухие сведения: в России — 686 мультимиллионеров, выходим на мировой уровень, побеждаем. Катастрофически падёт отечественный рубль; мои небольшие сбережения, наверное, тоже рухнут, но у меня нет времени, чтобы суетиться и бегать, перекладывая рубли в доллары и обратно. Что ещё? В Думе проходят слушания по законам, существенно ограничивающим возможность проведения всех митингов и демонстраций. Строгие согласования, огромные штрафы. Штрафы сначала определялись совершенно невозможные, чуть ли не в 1 миллион. Это понятно: думское большинство, состоящее в основном из очень небедных людей, соизмеряет всё это со своими непомерными доходами. Сейчас штрафы несколько уменьшили. Но как власть борется за свою стабильность! Она готова пойти на всё. Наш ОМОН, в отличие от нашей армии, имеет всё самое совершенное из оборудования и средств самозащиты, чтобы бороться с налогоплательщиками. Платить — можно, требовать — нельзя. <...>

3 июня, воскресенье

<...> Посмотрел два фильма — об американском поэте Аллене Гинзберге и о французском художнике Модильяни. В фильме несколько раз говорилось, что Модильяни еврей. Это не повышает ценность его портретов, но портреты эти с юности мне до безумия нравились. Игорь сказал, что мне понравится больше фильм о Модильяни, но всё произошло наоборот: фильм о Модильяни — коммерческий, в привычных красках и в привычных декорациях 20-х годов в Париже, а вот Гинзберг — это фильм-признание. Впервые я понял, в чём смысл его поэзии и его «нового взгляда» на американскую действительность.

В фильме о Модильяни есть занятный эпизод из детства художника. Он, мальчик, живёт с роднёй, родня — отец, не платит налогов, и приходит полицейский, чтобы арестовать имущество. Но в законе сказано, что всё, что находится на кровати беременной женщины, принадлежит ей и не может быть описано. Так вот, на этой огромной кровати был свален весь скарб этой еврейской семьи — кровати, люстры, столы, стулья,

швейная машинка...

Пришло два письма. Одно, очень сердечное и точное,— от Олега Павлова, он уезжает в Казахстан и делится планами; другое — от Юры Беликова из Перми.

«Сергей Николаевич, приветствую! «Дневник», который Вы мне отправили, благополучно дошёл. Огромное спасибо. А я вот могу подбросить новых дровишек для печки Вашего «Дневника». В журнале «День и ночь», во втором номере (в ЖЗ он уже есть, но сам журнал пока не добрался до читателей), опубликован наш диалог со Станиславом Куняевым. Я прикрепляю файл, чтобы Вы прочли. Дело в том, что этот диалог был уже выставлен в «Журнальном зале» (виртуальная версия толстых журналов), но вдруг, под давлением одного из держателей ЖЗ по фамилии Костырко, Марине Саввиных было заявлено, что после «таких» материалов, как диалог Беликова с Куняевым, журнал «День и ночь» могут отлучить от «Журнального зала». Ну, разумеется, инкриминируют антисемитизм. Марине Саввиных, по совету одного нашего общего знакомого, даже пришлось согласиться на то, чтобы «заблокировать» этот материал. То есть он там обозначен, а открыть нельзя. Правда, его скачали уже другие интернет-ресурсы. Вот такая прелюбопытная семибоярщина наших дней под названием ЖЗ. Теперь напрашивается вопрос: ЖЗ — это что за закулиса?Возможно, я буду в Москве 4-го июня — на Комсомольском проспекте, 13, намечена презентация 2-томной антологии (издано в Вероне) «Слово о Матери», где есть мои стихи. Начало в 15:00. Если вдруг совпадёте, буду рад Вас увидеть».

«Прикрепление» с интервью Куняева я ещё не открывал. Ай да Костырко! <...>

5 июня, вторник

<...> В пять в Геологическом музее состоялось заседание нашего клуба. На этот раз гостем был протоиерей Всеволод Чаплин. Чаплин говорил в микрофон, слышно было плохо. Его доклад назывался «Церковь и общество. Проблемы, дискуссии и сотрудничество». Я задал протоиерею три вопроса, упаковав всё в небольшую речь:

«В своём выступлении вы очень много уповали на помощь

телевидения в христианском просвещении масс. Раньше церковь ограничивалась амвоном и словом священника. Меня несколько смущает подобная постановка. Не смогли бы вы эти сомнения развеять?

Вы много говорили о Божьих карах, которые нас ждут за неправедные поступки. Не кажется ли вам иногда, что церковь значительно суровее Господа Бога?

Теперь,— сказал я,— вопрос, который вам, наверное, задавали неоднократно, о молодых девушках и молодых матерях, которые побесчинствовали в храме Христа Спасителя. Почему церковь уповает на мирские власти, а не применяет свою силу? Например, отлучение от церкви. Прожить жизнь, зная, что ты лишён покровительства Господа Бога, очень трудно, почти невозможно».

Опять протоиерей Чаплин говорил, опять было очень плохо слышно; я запомнил, что те кары, которые упомянуты в Ветхом Завете, значительно сильнее, чем в Новом. Или наоборот?

После заседания очень хорошо кормили, особенно вкусна была баранина, которую я ем очень редко.

Вечером позвонила Лариса Георгиевна Баранова-Гонченко. Завтра, в день рождения Пушкина, коммунисты проводят свой митинг, посвящённый дню его рождения и сохранению русского языка. Я отнекивался от выступления, Пушкин не совсем моя тема, потом всё-таки согласился. Буду думать, заодно посмотрел, чем так всё же недоволен верный, как Руслан, Костырко.

«Да, я знаю: из-за того, что русская монархическая элита отказалась идти на службу большевикам, Ленину пришлось мобилизовать местечковое еврейство. И полтора миллиона евреев поняли, что их судьба зависит от того, устоит ли Россия. И они бросились на защиту советской России с яростью племени, которое получило громадную власть над этим государством. Но революция происходила с двух сторон: не только со стороны заговорщиков-революционеров, но и со стороны народа. Народ хотел перемен в не меньшей степени, чем заговорщическая элита».

Ну, это, предположим мы уже читали, и этот тактический план В. И. Ленина хорошо историкам известен. Куняев повторяет то, что уже давно стало достоянием общественности. Но вот ещё один пассаж на знакомую тему и тоже много раз в Интернете проходивший:

«Двадцать лет органами госбезопасности руководили революционеры еврейского происхождения. Вот все кричат: «ГУЛАГ-ГУЛАГ-ГУЛАГ!» А кто стоял во главе ГУЛАГа? В тридцать седьмом году — Ягода, а у него — три заместителя: один по фамилии Берман, другой — Раппопорт, и третий — Плинер. Двадцать седьмого ноября тысяча девятьсот тридцать шестого года в газете «Известия» опубликовали указ о награждении комиссаров госбезопасности первого, второго и третьего рангов орденами боевого Красного Знамени, Ленина и так далее. Их было сорок четыре человека. Из них двадцать один, то есть практически пятьдесят процентов,— люди еврейского происхождения. Это верхушка ГУЛАГа. Это комиссары госбезопасности — высший орган карательной власти. А на всех остальных — русских, азербайджанцев, грузин, латышей, литовцев, украинцев — приходились другие пятьдесят процентов. Такова история русской революции. И поэтому, когда в тысяча девятьсот тридцать седьмом году это неравновесие в ЧК-ОГПУ-НКВД Сталин исправил, для либералов, особенно — еврейской ориентации, тридцать седьмой год стал самым кровавым и трагическим годом в истории России».

К этому уже я, пытаясь сохранить некую объективность, могу добавить лишь следующее: а кто доносы писал друг на друга? Кто, не переставая, жаловался на соседей, потому что у них на три квадратных метра площади больше, на начальника, потому что у того дома в борще была наваристая кость, на сослуживца, потому что его жена ходит в шёлковом платье? Давид Самойлов замечательно в своё время сказал: «Ах, русское тиранство — дилетантство». Но продолжим проверять Куняева и Беликова на верность линии «Нового мира», в лоне которого и воспитывается наш горячий Костырко. Опять С. Куняев. На этот раз он говорит о писателях:

«Приведу небольшую цитату из книги «Жрецы и жертвы Холокоста», где я полемизирую с Марком Дейчем: „Так что честь советского еврейства в разборках на тему «Кто виноват» спас из писателей, может быть, единственный праведник Юрий Домбровский. Да ещё в какой-то степени Валентин Катаев, если вспомнить «Уже написан Вертер» (после чего он был объявлен антисемитом). Остальные — Борщаговский, Гроссман, Чуковская,

Хенкин, Галич, Разгон (да несть им числа!), ну и, конечно же, Дейч с Резником,— эти десятилетиями надрывались, чтобы всю кровь 1930-х годов взвалить на русского человека, на «вологодский конвой»...“»

И наконец, последнее: и я, и Куняев можем спать спокойно — литературу оставили нам.

«Я думаю, что, поскольку умная часть современного русофобствующего еврейства поняла, что печатная продукция и толстые литературные журналы нынче не властвуют над умами — сейчас над умами властвует телевидение, все главенствующие позиции были захвачены в «ящике». Возьмите любые программы: там — Якубович, Познер, Прошутинская, Соловьёв... Я говорю только о тех, о ком знаю определённо. Если взять двадцать более или мене популярных телепередач — это даже хуже, чем в тридцатые годы в НКВД. Там было лишь пятьдесят процентов. А тут — все семьдесят-восемьдесят».

6 июня, среда

Наконец-то наша Дума приняла скандальный закон о штрафах и других административных действиях во время демонстраций и митингов. Поле для легальной оппозиционной борьбы сужается. Не приведёт ли это к внезапным народным возмущениям? Закон Дума приняла чуть ли не в 12 ночи, думская оппозиция всячески сопротивлялась и, применив методы «итальянской забастовки», завалила собрание минутными «поправками», которые имела право озвучить. Оппозиция хотела бы, чтобы закон не был принят до 12 июня, когда она намечает огромный марш «недовольных». В свою очередь, Дума, подчиняющаяся советам Кремля и Белого дома, желала бы обратного: суровый закон, и немедленно!.. Одни хотят власть поменять, другие власть не отдают. В процессе обсуждения думское большинство — а это сплочённые, как муравьи, единороссы — приняло закон, сокративший время для выступлений до 30 секунд. Весело живём! Приняли! Ночью этот закон прошагал по Дмитровке в Совет Федерации и уже к обеду был принят. На заседании Совета Федерации с просьбой отложить обсуждение закона выступила сенатор Нарусова, ещё раньше председатель Совета по правам человека при президенте, мой

знакомый, обратился к президенту поставить на закон своё «вето». Теперь интрига: как поступит Путин?

Утро прошло сенсационно. Новый министр Владимир Медынский — ой какой быстрый министр! — предложил переименовать несколько московских улиц, в частности — названных в честь, как он считает, «цареубийц», можно ведь их считать и борцами с самодержавием. В числе претендентов на новые названия и великий князь Сергей Александрович, тот самый! «Эхо Москвы» тут же откомментировало: «Фигура очень неоднозначная».

В институте сегодня опять защищались заочники Варламова — как быстро пролетели шесть лет. В принципе, защита прошла довольно удачно, но Алексей, который пишет прекрасные и большие представления на работы, недостаточно работает с самими текстами. Я посоветовал ему, как это делаю я, проходиться по всему тексту с фломастером. Подчёркивать все штампы, безвкусицу и стилистические ошибки, а уже потом ещё раз читать. <…>

В какой-то момент защиты я побежал, как ещё вчера пообещал Ларисе Георгиевне Барановой-Гонченко, на праздник, который в день рождения Пушкина КПРФ устраивала по поводу сохранения русского языка. Всё это происходило с другой стороны памятника Пушкину — так сказать, за его спиной. Был оркестр, хорошо пели романсы артисты оперетты, выступали функционеры-депутаты. Всё это выглядело довольно безвкусно, записные ораторы безбожно орали и говорили общие слова, невероятно взвинченно говорил о русском языке с привычной митинговой экзальтацией режиссёр Бортко. Мне от всего, ожидая своей очереди, было даже неловко. В какой-то момент, когда некий ветеран педагогики минут на 15 завернул довольно плоско написанную речь, я даже хотел уйти, но дотерпел. Хотел бы заметить, что все эти записные ораторы со значками депутатов были одеты в такие дорогие итальянские пиджаки, которых мне вовеки не носить. Я говорил коротко. Своё выступление я написал ещё утром. Вся эта суета заняла у меня много времени, которое можно было бы использовать с большей пользой.

«Сегодня мы празднуем не только день рождения Пушкина. Он не был физически великим. Он был небольшого роста. Его дух был велик! Его поэтический талант был огромен.

Владимир Набоков, русский писатель, полагал, что по мощи и охвату в мире существует лишь два одновеликих поэта — Шекспир и Пушкин.

Пушкин невероятно много сделал для того, чтобы мы

почувствовали себя русскими и единым народом. Пушкин создал не только язык, но и систему понятий, на которых мы говорим.

Глядя на сегодняшнюю политическую погоду, мы сокрушаемся: «Буря мглою небо кроет...»

Когда мы вспоминаем о вожде начала перестройки, мы говорим: «Властитель слабый и лукавый...»

Когда мы думаем о моральной стойкости русской женщины, мы вспоминаем пушкинское: «Я другому отдана и буду век ему верна».

Весь русский язык, вся наша речь пронизаны воспоминаниями, формулами и мыслями Пушкина.

Я часто вспоминаю сказку о «Рыбаке и рыбке». Когда старик и старуха уже почти жили во дворце, старухе немедленно захотелось фанты и свободного выезда за границу. Вот и живёт теперь старик в старой пятиэтажке, а на отдых в Испанию ездит не его со старухой внучка.

Что мы приобрели?

Платное высшее образование.

Кабальную ипотеку вместо жилья.

Замечательную бульварную литературу.

Квалифицированную, и даже очень, медицинскую помощь за большие деньги.

А что на это всё ответил бы Пушкин? Пушкин утверждал: «Россия вспрянет ото сна». Народ и справедливость — непобедимы!»

До некоторой степени этот митинг, с обилием коммунистических аксессуаров и громом микрофонов, поверг меня в ужас. И ни одного хорошо прилаженного к новому смыслу, выразительного и всепроникающего слова! Лишь привычные формулы и до отчаяния устаревшие лозунги.

В институте в конце дня зашёл на кафедру к Л. М., там сидела Маша Зоркая, близкая подруга Олеси Николаевой. Зашёл разговор об отставке мужа Олеси Александровны с поста пресс-секретаря Патриарха. Маша очень подробно, как затверженный или внушённый рассказ, всё нам поведала — про болезни и про личное прошение. Отец Александр, заболевший недавно и потерявший чуть ли не двенадцать килограммов веса — случилось это как раз перед заседанием жюри,— сейчас вроде чувствует себя хорошо, анализы никаких отклонений — ну и слава Богу — не нашли. Однако уже в 12-м часу ночи Интернет вдруг выкинул такое:

«Руководитель патриаршей пресс-службы протоиерей

Владимир Вигилянский отправлен в отставку со своей должности. Соответствующее решение было сегодня принято Патриархом Московским и всея Руси Кириллом, сообщает РБК. На место Вигилянского назначен диакон Александр Волков, ранее работавший зам. руководителя пресс-службы Патриарха. Сам Вигилянский теперь будет занимать пост настоятеля храма Святого Василия Великого в подмосковной деревне Зайцево.Эксперты связывают уход Вигилянского с должности, которую он занимал с 2005 г., с чередой скандалов, преследовавших РПЦ в последнее время. Сам он эту информацию категорически опровергает. По его словам, это было личное решение. «Я сам попросил Патриарха меня освободить от этой должности, на которой я был более семи лет»,— цитирует протоиерея „Росбалт“».

Вечером ещё ездил на презентацию новой книжки Максима Лаврентьева «Поэзия и смерть» в книжный магазин на площади Дзержинского «Библио-Глобус». И зал, и обстановка нижнего этажа — место всех презентаций,— всё очень знакомо. Такое обилие книг в этом магазине работу писателя просто обесценивает. Особенно много альбомов и всего красочного, что так любит наша публика. Народа было много, Максим в чёрной рубашке и белых джинсах выглядел красавцем, каким он и является, и очень хорошо, и так же хорошо говорил. Тут же, на примере Максима, я понял, как тщательно надо готовиться к подобным встречам. Кстати, я, несколько позабыв, что на этой презентации много людей, которые были и на предыдущих разговорах с Максимом, повторил байку о поступлении Максима в институт. Максим, между делом, об этом тоже сказал; к счастью, в моей небольшой речи было и кое-что новое: это констатация, что Максим — это уже сложившееся имя. Потом, через пару часов, невероятно воспитанный и тактичный Максим перезвонил мне, я поблагодарил его за возможность у него кое-чему научиться, а он в ответ сказал, что когда ведёт на публике разговоры, то ему всё время кажется, что он повторяет мою манеру и даже жесты.

7 июня, четверг

Уже четыре года как умерла Валя. Ложился спать с думой о ней и проснулся, вспоминая. Господи! Пишу утром, только стало восемь. Сейчас схожу в фитнес, потом вернусь домой, потом на Донское кладбище, а потом в институт на новую защиту. Попутно

по всё тому же моему радио «Эхо Москвы» насладился маленьким политическим спектаклем. Оказывается, когда в Совете Федерации проходило без обсуждения голосование по закону о митингах, демонстрациях и репрессиях за их нарушение, то с протестом выступила не только мать Ксении Собчак, но и другая мать — Льва Пономарёва. Вспомнил тут грибоедовское: «И сам с ключом, и сыну ключ оставил». Но дело даже не в этом — вспомнил сразу исторические параллели. В своё время великие князья первыми нацепили себе на грудь алые банты революционеров, а уже во время советское основными диссидентами стали детишки военачальников, вождей, академиков, министров — так сказать, элиты. Да здравствует новая буржуазная элита, ей ещё предстоит многое!

Когда выходил около двенадцати с фитнеса, то купил две белых, как сказала продавщица — «метровых», розы.

На Донском невероятный покой и тишина. Я опять отругал себя за то, что, как всегда, что-то жало, и не смог, когда была возможность, достать здесь клочок земли, чтобы поставить своим родным крепкий и большой камень и чтобы, в принципе, в дальнейшем хватило под ним места и мне. Постоял возле плиты, на которой уже для моего имени места не осталось. А кто потом будет возиться, чтобы заказывать новую плиту? <…>

10 июня, воскресенье

Проснулся около восьми, уснул после десяти, слышал, как за стеной Маша что-то втолковывала ребятам и гремел телевизор. Перед сном начал читать «Русский дневник» Джона Стейнбека, который Станислав Куняев с гениальной прозорливостью редактора через шестьдесят лет после их первой публикации вдруг печатает в «Нашем современнике». Какая удивительная и насколько точная послевоенная картина жизни в СССР — Стейнбек побывал в России в 1947-м. Американец — я ведь очень всё хорошо помню своей молодой памятью — не только выписал верные картины, но и написал дух советского единства и настрой народа. Какая предстаёт эпоха! Какие послевоенные картины народного энтузиазма и сплочённости!

Это послевоенные наши города, высотные здания, Сталин и то, чего мы ныне лишены,— курортный отдых летом.

Вот американский писатель в полуразрушенном послевоенном Киеве:

«Мы прошли через разрушенный и уничтоженный центр города. В музее есть планы нового города. Мы все отчётливо сознавали, как жизненно важна для советского народа надежда на то, что завтра будет лучше, чем сегодня. Здесь в белом гипсе была изготовлена модель нового города. Должен вырасти грандиозный, невероятный город классических линий из белого мрамора, с огромными зданиями, колоннами, куполами, арками, гигантскими мемориалами. Гипсовая модель будущего города занимала большую часть одного из залов. Это будет Дворец Советов, это — музей. Опять, как всегда, музей.Капа говорит, что музей — это церковь русских. Им нравятся величавые и богато украшенные здания. Они любят чрезмерность. В Москве, где нет никакой надобности в строительстве небоскрёбов, поскольку пространство неограниченно и ландшафт этого не требует, они всё-таки планируют строительство высоких зданий в нью-йоркском стиле, хотя, в отличие от Нью-Йорка, в этом нет надобности».

Следующая цитата — это к нашему русскому спору о личности и делах Сталина:

«Во всей истории нет человека, которого бы так почитали при жизни. В этом отношении можно вспомнить разве что Цезаря, но мы сомневаемся, имел ли Цезарь при жизни такой престиж, поклонение и богоподобную власть над народом, какой обладал Сталин. То, что говорит Сталин, является для народа истиной, даже если это противоречит естественному закону. Его родина уже превратилась в место паломничества. Люди, посещавшие музей, пока мы там были, переговаривались шёпотом и ходили на цыпочках».

А вот ещё фрагмент дневника Стейнбека — это фрагмент не о модной для нынешнего письма Грузии, а о по-настоящему социальном государстве, которым была Советская Россия:

«Поезд спустился к Чёрному морю и шёл параллельно ему. Всё побережье — гигантский летний курорт. Каждый клочок земли занят под большой санаторий или гостиницу, и даже с утра пляжи заполнены купальщиками, ведь это место, куда приезжают отдыхать почти со всего Советского Союза.Теперь наш поезд, казалось, останавливался через каждые несколько футов. И на

всех остановках с поезда сходили люди, которые приехали в один из санаториев. Это отдых, к которому стремятся почти все русские рабочие. Это вознаграждение за долгий тяжёлый труд; здесь восстанавливается здоровье раненых и больных. Глядя на пейзаж, на спокойное море и тёплый воздух, мы поняли, почему люди по всей России всё время повторяли нам:— Подождите, вот увидите Грузию...»

<...>

11 июня, понедельник

Ну наконец-то последовали и давно ожидаемые новости. Я никогда не думал, что Путин спустит те унижения и ту подчас несправедливость, которые допускала во время выборов по отношению к нему оппозиция. Наши шустрые демократы попали в ловушку, которую они готовили другим. Хотите суда, следствия, долгой юридической разборки? Получайте. Сегодня с утра, конечно, всезнающее «Эхо» передало, что у десяти оппозиционеров были проведены обыски, и все они получили повестки на завтра в Следственный комитет. Весь день, пока я возился с рассадой и поливкой, радио говорило о тех из своих любимцев, к которым на обыск допустили адвокатов, и тех, к кому адвокаты не попали. Нормального рядового слушателя, конечно, можно удивить, что у каждого протестующего противника путинского режима уже есть наготове адвокат. Не бедные, значит, люди протестуют! Иногда адвокаты становились чем-то похожими на радиоведущих. Они от входных дверей в дом вели свой репортаж и рассуждали, можно ли признать результаты обыска с понятыми, но без адвокатов, или нельзя.

Наконец — моя грядка с луком уже прополота, помидоры в теплице уже политы — передали, что обыски заканчиваются. У Навального обыск шёл 12 часов, забрали и сложили в мешки телефоны, жёсткие диски от компьютера, бумаги; говорят, даже диски с фотографиями собственных детей. Ксении Собчак — памятующей о верности Путина памяти её отца — мнилась собственная безнаказанность, однако обыск состоялся и у неё. Возможно, искали что-то связанное с «Домом-2», эротической передачей, но нашли полтора миллиона евро, разложенных по конвертам. Или она сама за какие-то услуги получала деньги в конвертах, или так их разложила, чтобы кого-то благодарить за специальные услуги. Для меня, как для обывателя, здесь много вопросов. Сама знаменитая телеведущая сказала, что её доход составляет два миллиона в год и она не доверяет банкам.

Конечно, каждый имеет право не доверять системе, которую так лелеет государство, но сколько с этой суммы, если ведущая молодёжной передачи и политический деятель её действительно получила, она не заплатила или заплатила налогов?

Поздно вечером уехал с дачи, надо читать, писать «Дневники», читать вёрстку за 2009 год, присланную Павлом Косовым, что-то приготовить себе на неделю. Наконец, нельзя запускать фитнес.

12 июня, вторник

День так называемого «Марша миллионов». А не пишу ли я историю всех высказываний «Эха Москвы»? С утра выслушал все памятки и инструкции, которые радиостанция давала москвичам, пожелавшим в марше участвовать, и рассказала, где и как будут поставлены металлические воротца — металлоискатели, через которые можно будет пройти на митинг. Проханов вчера по радио отчитал Ганопольского за его некоторую нетактичность, это попутно, но самое главное, как и всегда,— высказал мысль государственника: подобные собрания и митинги разрушают и государство, и единство нации. Здесь я с ним могу согласиться. А вспомнил обо всём этом потому, что, судя по радиорассказам, сил для поддержания порядка брошено немало. Здесь и продуманная система допуска на митинги, и большое количество пропускных пунктов, и перекрытие целого ряда улиц, и огромные силы, которые, видимо, зарезервированы на случай разного рода инцидентов. <…>

На самом «Марше» была принята суровая декларация. Она включает несколько занятных пунктов: перевыборы в Думу и отставку Путина. Всё это не больше чем игра. Само шествие, по мнению устроителей «Марша», собрало до 100 тысяч человек, по мнению полиции — 18. Кадры митинга, которые показали, были не очень густые. По ТВ показали выступление Дмитрия Быкова, он иронизировал по поводу обысков и денег Собчак. Об этом ни радио, ни оппозиционеры стараются не говорить. Генерал Марков, отвечающий за информацию в полиции, сообщил, что денег — это мои подсчёты — в евро, американских долларах и рублях свыше 1,5 миллионов евро. Деньги расфасованы по ста пакетам. Кому Ксения собиралась их выдавать? Кстати, все мы, вероятно, думаем почти одинаково. Не успел я написать в дневнике о налогах с этих запредельных для обывателя сумм, как в Интернете возникло сообщение, что налоговики заинтересовались, уплачены ли с этих сумм налоги. <…>

14 июня, четверг

В три часа опять состоялась защита, это уже предпоследняя. Было шесть студентов Г. Н. Красникова. Ещё когда Геннадий Николаевич набирал, я обратил внимание, как ровно и чисто все подобраны, каждый со своим голоском, со своей интонацией. Такими же чистыми и ясными оказались и на выпуске. Я бы сказал, целая небольшая школа. Вот — для истории отечественной литературы — списочек: Елизавета Батутова, Алексей Болдырев, Антон Копач. Все ребята получили по четвёрке, оценки без натяжек. А вот трое остальных — Роман Ненашев, Яна Соловьева, Снежана Холодова — отличники. А как сложится уже в жизни, не знаю.

В процессе защиты было несколько, как я их называю, «парений духа». Андрей Василевский, со ссылками на классический балет, говорил о новом языке и поэзии, и литературы. Я, как балетный зритель, кое-что видавший, ответил, что лучшее, что есть в современном модернистском балете, это скрытые цитаты из классики и Григоровича. Было занятно. Кстати, очень сегодня интересно, с полным и ясным пониманием поэзии говорил Эдуард Балашов. Должен сказать, что я с чувством обожания отношусь ко всем преподавателям нашей кафедры, к их интеллекту и опыту. Возник небольшой конфликт у И. Ростовцевой и А. Туркова — но это всё обострённое чувство справедливости у Андрея Михайловича, который, при всей своей редчайшей деликатности, может так ударить, что не встанешь.

Сегодня же позвонили из ЦДЛ — наступает новый сезон премии «Пенне». Пришлось заезжать за целой сумкой книг. Столько уйдёт времени, но это единственная возможность увидеть либеральную картину современной литературы. В ЦДЛ с удивлением узнал, что мои книжки потихонечку продаются, просили следующую серию. Отвезу в понедельник.

<…>

17 июня, воскресенье

Увлёкшись передачей о мерзостях нашей эстрады и настоящих и бывших жён олигархов, пропустил, оказывается, основное, самое главное: наши вчера играли с греками. Сегодня по радио господин Фурсенко, брат того Фурсенко, который реформировал нашу безукоризненно работавшую систему

образования, сказал, что наши футболисты проиграли грекам потому, что греки плохо играли, мы поэтому не могли показать своё виртуозное умение. Вот у испанцев, когда они осмысленно перекидывали в одно касание мяч друг от друга, когда бегали, как кони, и понимали друг друга, как братья, есть это виртуозное умение. Но испанская команда в основном и составлена из испанцев, практически из одной команды, из Барселоны. А у нас — капитан живёт в Англии и работает там, всех остальных выдрали из разных мест. Огромная страна с десятком институтов физкультуры — и тренера могли отыскать только в крошечной Дании. Это также показательно, что, имея огромные ресурсы, наш президент ездит на автомобиле иностранного производства. Не было фанты и кока-колы, но и в Китай, и в Вашингтон во время визитов первых наших лиц привозили очень выигрышно казавшуюся «Чайку». Впрочем, в Кремле тоже не русские стоят царские раззолоченные кареты, а французские и английские. О любимое наше средневековье!

Утро вообще, пока бродил по участку и устраивал точечный полив в теплице с помидорами, а радио гремело, было интересным. Сначала детские передачи, которые я так люблю, а потом и Ксения Ларина. Превозмогая обожание, она разговаривала с режиссёром Кириллом Серебрянниковым. Кроме чего-то фундаментального, было много текущих театральных историй. Например, что новый режиссёр театра Ермоловой Олег Меньшиков снял из репертуара чуть ли не 26 спектаклей. Дай Бог и ему, и театру счастья, но это мне напоминает перестройку. Пользуюсь автомобильной аналогией: на ЗИЛе сейчас, кажется, выпускается «Рено». Среди прочего было сказано, что театр под руководством Олега Павловича Табакова, театр Андрея Миронова, был назван ещё один театр, но я выпустил его из памяти,— эти театры осознанно ориентированы на буржуазного продвинутого зрителя. Ну вот и дождались. Вот тебе и социально-ориентированное государство! <…>

19 июня, вторник

Утром передали, что сформулирован длинный список Наблюдательного совета Общественного телевидения. Кажется, это 25 персон, от этого числа власть оставит лишь 19 и приплюсует сюда имя председателя. А вот когда назвали ряд людей, вошедших в этот пусть и большой, длинный список, я порадовался, что не влез в эту кашу. Дело в том, что недели две назад мне позвонили из моего общества книголюбов. Дескать, С.

Н., мы предполагаем выдвинуть вас в этот совет Общественного телевидения. Я даже сначала согласился, съездил за анкетой, но всё застопорилось, когда нужно было брать у нотариуса доверенность или ехать самому на получение справки об отсутствии судимости. Времени не было, но самое главное — меня затерзали раздумья. А что из себя будет представлять это Общественное телевидение, управляемое каким-то советом? Я помню и уверен, много лет проработав на Всесоюзном радио, что всё в смысле направления и качества вещания решает один человек — главный редактор. Пример у меня один: я пришёл в большой коллектив, в Литдрамвещание, никого не увольнял, и холодная, консервативная редакция вдруг забурлила и стала чуть ли не застрельщиком всего вещания. В общем, к нотариусу я не ходил, общественных нагрузок у меня и так хватает, а сегодня вдруг выяснился этот самый список, который сейчас комментируют. Ну, то, что здесь есть Олег Павлович Табаков,— это понятно, он везде. А дальше как представительская фигура выступает знаменитый котовод Куклачёв и самые мощные в стране писательские силы — писательница Донцова и писательница Устинова. Какие здесь могут быть комментарии?! Умница В. Познер — отказался. О себе: слава Богу — не вляпался.

Утром ездил в институт, проводил семинар с пятикурсниками Апенченко. Отнёс ещё две пачки книги «Валентина» в книжную лавку. Кстати, в Интернете есть список моих книг и их чудовищная, грабительская стоимость. «Валентина» — 500 рублей. «Твербуль» — 475 рублей. «Смерть титана» — 432 рубля. «Маркиз» — 399 рублей. «Дневники-2004» — 379 рублей. «Дневники-2009» — 353 рубля. «Власть слова» — 271 рубль. «Маркиз» также в разных магазинах идёт как подарочное издание — от 581 до 675 рублей. Поставил два зачёта; трём девицам, в том числе и переводчице, о которой писал, зачёт поставил «условно» с переаттестацией осенью. Надо было бы остаться на презентацию альманаха, который выпускает Рекемчук, но плохо себя почувствовал, вернулся домой.

Резал на кухне окрошку, слушал, как адвокат Барщевский — слуга народа и власти — комментирует обыск у Ксении Анатольевны Собчак. Все, конечно, недовольны изъятием у неё больших денежных сумм, разложенных по конвертам, и готовят для неё разумные ответы для следственных органов, которые слишком много хотят знать. Именно это надоумило меня прочесть статью публициста Исраэля Шамира, которую мне предложил, зная мой интерес к подобным вещам, посмотреть один из наших преподавателей. «Вопрос о законности или незаконности хранения налички в особо крупных размерах

вообще не должен нас занимать. Еврейский анекдот рассказывает о женщине, принёсшей селёдку к раввину и спросившей, кошерная ли она. «Кошерная, но воняет»,— ответил раввин. Мы не знаем, кошерные ли эти деньги, но они смердят». Как всё-таки обилен Интернет! А разве я могу обойтись без цитирования?

«Честные люди не хранят честно нажитые деньги наличкой под матрасом.Это делают наркодилеры, воры, проститутки, террористы, неплательщики налогов. Такое количество нала уже само по себе криминально в большинстве т. н. «цивилизованных» стран после принятия законов против отмывания денег в 2001 году».

Как всё-таки интересно читать чужую любопытную публицистику, сколько узнаёшь!

«В кругах московского бомонда её стали звать «Ксюша Общак», намекая, что нал в её распоряжении шёл на нужды оранжевой фронды. Мы не знаем, так ли это. Дочка покойного мэра Ленинграда-Петербурга, который приватизировал половину города не без интереса для себя и спасся от тюрьмы только благодаря бегству за границу, наверняка может и сама финансировать революции, хотя навряд ли станет. Она выросла в криминальной группировке, которая делала российскую политику коробками из-под ксерокса, полными долларов».

Вечером по каналу «Mezzo» слушал классическую музыку, недолго. Обратил внимание, что последнее время большинство дирижёров стали ещё и телевизионными деятелями — они все на своём лице вызывают соответствующие переживания. Эта искусственность для опытного зрителя очевидна. <…>

22–23–24 июня, пятница — суббота — воскресенье

Ну, в пятницу, уже днём, как обычно, выехал на дачу. Самое главное, что и до пятницы, и в субботу, и в воскресенье читаю вёрстку дневника за 2006 год. А тем временем столько всего ускользает! Наверное, самое интересное в политике. Вот, кажется, после закона о губернаторах, который власть так элегантно

обошла, не дожидаясь альтернативных выборов и, пока действовало старое законодательство, кое-кого из губернаторов переназначила. А вот теперь принят новый закон о выборах мэра Москвы, возможно даже самовыдвижение. Но и этот закон обложен такими условиями, что ни одному самовыдвиженцу, не обладающему целым штабом и массой денег, не выдвинуться. По Москве надо заручиться согласием и поддержкой чуть ли не сотни муниципальных депутатов. Даже КПСС со своей знаменитой шестой статьёй в конституции так судорожно не держалась за власть. Но и это не всё, надо бы сказать точнее: так панически не боялась, что эту власть скинут. <…>

26 июня, вторник

Утром всё-таки набрался решимости и пошёл в фитнес-центр. Всё обстояло нормально, я бы сказал — как всегда, если бы не одно: я, кажется, подсел на передачи, которые по радио ведёт профессор Жаринов. Передачами этими меня снабдил, как и всегда, Сергей Петрович. В своих передачах профессор Жаринов рассказывает о привычных тайнах Европы и нашей цивилизации. Это Возрождение, холера в Европе, папская власть, Парацельс, протестантизм и Лютер и многое другое. И тут убеждаюсь, что нет у меня университетского образования, ничего я из этого обширного культурного фона нашей цивилизации не знаю, ничего не читал, в университете учили плохо и поверхностно. <…>

27 июня, среда

<…> Уже в половине десятого выехал из дома. В одиннадцать в Доме журналистов должно было начаться заседание Общественной коллегии по жалобам на прессу. Москва, как всегда, полна машин, а особенно центр, поэтому — и потом убедился, что правильно сделал,— машину поставил у института, а в Дом журналистов пошёл по бульварам пешком. Кстати, на Никитском бульваре теперь, как раньше, машину уже не поставишь. Обычно, когда езжу в театр Маяковского или в консерваторию, я именно здесь машину и оставляю. На новеньком театре Марка Розовского, где раньше жил Огарёв, а потом был кинотеатр повторного фильма, висит бесконечное количество афиш, и на каждой с разинутым в улыбке ртом — главный режиссёр Марк Розовский. Это болезнь наших главных

режиссёров — свой театр обклеивать своими портретами.

Коллегию на этот раз созвали по поводу жалобы на НТВ правозащитника и исполнительного директора ОООД «За права человека» Льва Пономарёва и правозащитницы, члена Общественной палаты и какой-то фигуры в Фонде «Холокост» Аллы Гербер. Эта жалоба — «на нарушение журналистской этики, публичную клевету и диффамацию». К этим двум протестующим общественным деятелям примкнули со своим особым заявлением Алексей Симонов, президент Фонда защиты гласности, и Павел Гутионтов, председатель Комитета по защите свободы слова и прав журналистов. Вполне понятно, что их неприятие и раздражение вызвали передачи НТВ, связанные с митингами и протестами,— «Анатомия протеста» и «Заграница им поможет».

Дискуссия в самом начале была интересной — к сожалению, не было ни Аллы Гербер, ни Павла Гутионтова. Для себя, прочитав экспертное заключение, я выделил четыре бесспорных момента: а) несбалансированность всех «за» и «против» — тенденциозность передач; б) инсценировки, выданные за натурные съёмки,— об этом очень хорошо в прессе сказал Павел Лобков, я ему как профессионалу — и как сам профессионал в этом деле — верю; в) незаконное получение информации. Об этом тоже очень хорошо было написано в заключении. Но с этим я сталкивался и сам, когда, помню, приехало ко мне НТВ по поводу брата покойной Раисы Горбачёвой, который учился у нас в институте. Они спрашивали у меня обо всём, но нужна им была фраза о КГБ. Вот именно об этом я и сказал, когда мне надо было в час дня уходить. Меня ждало следующее мероприятие, о котором чуть позже.

В процессе дискуссии особенно Пономарёв сокрушался, что после внушений телевидения народ начинает верить, что любая протестная акция создаётся на деньги иностранного государства. Вот тут мне и удалось довольно удачно вставить реплику. За последние годы наша пресса, вспоминая революцию 1917 года, ленинский вагон, да и польскую революцию, внушила народу, что по-другому, как на деньги зарубежного супостата, и не делается, так что с этим теперь уже ничего не поделаешь.